

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- О юридическом значении обстоятельств *post mortem* для правоотношений с семейным элементом
- Преодоление запретов и ограничений, принятых недружественными странами, в международном частном морском праве
- Суд присяжных сегодня — индикатор эволюции российского демократического государства

Том 79

ФЕВРАЛЬ

2026

№ 2 (231)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 79
№ 2 (231)
февраль 2026

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 79
№ 2 (231)
февраль 2026

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 27.02.2026
Объем 20,46 усл. печ. л. (16,80 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 2 (231)
February 2026

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

27.02.2026
Volume: 20,46 conventional printer's sheets (16,80 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

Тарусина Н. Н. О юридическом значении обстоятельств <i>post mortem</i> для правоотношений с семейным элементом	9
Филипова И. А. Воплощенные виртуальные агенты: прогнозируемое воздействие на трудовые правоотношения	24
Мацакян Г. С. Вещные титулы на чужие жилые помещения в современном гражданском праве: проблемы определения и толкования	39

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

Галяшина Е. И., Комиссарова Я. В. Криминалистические подходы к противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий	55
Бимбинов А. А. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): теоретические и правоприменительные аспекты	67
Кравченко И. О. Влияние дополнительных наказаний на обеспечение экокriminalологической безопасности	83
Малина М. А. Суд присяжных сегодня — индикатор эволюции российского демократического государства	94

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

Иванова М. А. Административно-правовые средства обеспечения благополучия человека	110
Мильчакова О. В. Особенности административных процедур в конкурентном праве	122

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

Луткова О. В., Ма Цзяньцюань. Правовая защита новых сортов растений в Китае и России	132
Чэнь Юйси, Шмелева М. В. Интеллектуальные инвестиционные консультанты: правовые риски и трансформация правового регулирования в контексте финансовой безопасности	143

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / *JUS GENTIUM*

Канашевский В. А. Преодоление запретов и ограничений, принятых недружественными странами, в международном частном морском праве	157
Гаврилов В. В. Международный коммерческий суд КНР и механизм разрешения экономических споров БРИКС	166

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Tarusina N. N.** The Legal Relevance of Post-Mortem Circumstances
in Legal Relations Involving Family Elements 9
- Filipova I. A.** Embodied Virtual Agents: Expected Impact of Labor Relations 24
- Matsakyan G. S.** Ownership Interests in Another Person's Residential Premises
under Modern Civil Law: Issues of Definition and Interpretation 39

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Galyashina E. I., Komissarova Ya. V.** Forensic Approaches to Investigating
and Countering Crimes Facilitated by Information and Communication Technologies 55
- Bimbinov A. A.** Restricting Competition (Article 178 of the Criminal Code
of the Russian Federation): Theoretical and Law-Enforcement Issues 67
- Kravchenko I. O.** The Impact of Additional Penalties on Ecocriminological Safety 83
- Malina M. A.** The Jury Trial Today: An Indicator of the Evolution of the Russian Democratic State 94

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Ivanova M. A.** Administrative and Legal Means of Ensuring Human Welfare 110
- Milchakova O. V.** Features of Administrative Procedures in Competition Law 122

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Lutkova O. V., Ma Jianquan.** Legal Protection of New Plant Varieties in China and Russia 132
- Chen Yuxi, Shmeleva M. V.** Intelligent Investment Advisors:
Legal Risks and Transformation of Legal Regulation in the Context of Financial Security 143

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Kanashevsky V. A.** Overcoming Prohibitions and Restrictions Imposed
by «Unfriendly» Countries in Private International Maritime Law 157
- Gavrilov V. V.** The International Commercial Court of the People's Republic
of China and the BRICS Economic Dispute Resolution Mechanism 166

О юридическом значении обстоятельств post mortem для правоотношений с семейным элементом

Резюме. Статья посвящена исследованию сущности и юридического значения фактов post mortem для возникновения, изменения и прекращения правоотношений частноправовой природы (прежде всего семейно-правовых и гражданско-правовых). Автор анализирует доктринальные подходы к данной проблеме; актуальные законопроекты (о правовой защите прав и интересов фактических супругов при особых обстоятельствах); правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, связанные с вопросами установления факта отцовства ребенка, рожденного вне брака, допущения (недопущения) фиксации родительства, основанного на применении вспомогательных репродуктивных технологий (в том числе суррогатного материнства) с генетическим материалом умершего мужчины, нахождения на иждивении как основания наследования пережившего фактического супруга. Предлагаются варианты более справедливого и разумного правового конструирования правовых последствий данной группы фактов и состояний — как в рамках действующего семейного и гражданского законодательства, так и для ситуаций, находящихся за пределами воздействия закона: корректировка презумпции отцовства (с учетом обстоятельств, заведомо ее исключающих); уточнение нормативных положений об одностороннем признании отцовства и правила о досрочном его объявлении, об установлении факта отцовства умершего лица вместо рекомендаций высшей судебной инстанции; запрет использования генетического материала умершего мужчины, если на то не было явно выраженной воли в соответствующем прижизненном соглашении; расширение нормативной основы для признания правовых последствий post mortem фактических брачных отношений.

Ключевые слова: факты post mortem; семейный интерес; юридическое значение; семейное законодательство; гражданское законодательство; правовые позиции судов; родительство умершего лица; фактический брак

Для цитирования: Тарусина Н. Н. О юридическом значении обстоятельств post mortem для правоотношений с семейным элементом. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 9–23. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.009-023

The Legal Relevance of Post-Mortem Circumstances in Legal Relations Involving Family Elements

Nadezhda N. Tarusina

Yaroslavl Demidov State University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the study of the essence and legal significance of post mortem facts for the emergence, change and termination of legal relations of a private legal nature (primarily family law and civil law). The author analyzes doctrinal approaches to this problem, relevant draft laws (regulating the legal protection of

the rights and interests of spouses in special circumstances), the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction related to issues of establishing the fact of paternity of a child born out of wedlock; assumptions (prevention) of fixing parenthood based on the use of assisted reproductive technologies (including surrogacy) with the genetic material of the deceased man; the fact of being dependent as the basis of inheritance of the «surviving spouse». The study proposes options for a fairer and more reasonable legal construction of the legal consequences of this group of facts and conditions both within the framework of the current family and civil legislation, and for situations outside the impact of the law: adjusting the presumption of paternity (taking into account circumstances that obviously exclude it); clarification of regulatory provisions on unilateral recognition of paternity and the rules on its early declaration, on establishing the fact of paternity of a deceased person instead of recommendations of the highest court; prohibiting the use of the genetic material of the deceased man, unless there was an explicit will in the relevant lifetime agreement; expanding the regulatory framework for recognizing the legal consequences of post mortem actual marital relations.

Keywords: *post-mortem* circumstances; family interests; legal significance; family law; civil law; judicial positions; parentage of the deceased; *de facto* marriage

Cite as: Tarusina NN. The Legal Relevance of Post-Mortem Circumstances in Legal Relations Involving Family Elements. *Lex russica*. 2026;79(2):9-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.009-023

Введение

В пространстве цивилистики (гражданском и семейном праве) немало конструкций, выполняющих специфическую роль и имеющих как стандартное, так и нестандартное значение. Среди них обстоятельства и ситуации *post mortem*, которые определяют юридическую судьбу правоотношений с семейным элементом — либо собственно семейно-правовой природы, либо природы гражданско-правовой, — явным образом заключающих в своем содержании интерес семейного типа. К числу конструкций классического значения (или ставших таковыми на основании правовых позиций высших судов) относятся презумпция отцовства в браке, пролонгированная на 300 дней со дня смерти супруга; правила записи отцовства в случае смерти матери ребенка; факт нахождения пережившего супруга на иждивении умершего, если они состояли при его жизни в фактическом семейном союзе; факт внебрачного отцовства умершего лица; включение ребенка, зачатого при жизни, но родившегося после смерти наследодателя, в круг субъектов права на наследование, возмещение ущерба и морального вреда.

К нестандартным конструкциям следует причислить факт рождения ребенка на основе генетического материала умершего лица; признание за вдовами (вдовцами), состоявшими в фактическом браке с участниками специальной военной операции (СВО), правового статуса, аналогичного брачному (в части льгот и преимуществ); факт рождения мертвого ребенка (или умершего до регистрации рождения).

Все означенные ситуации являются объектами дискуссий (различной степени накала) в цивилистической доктрине, а также далеко не всегда очевидного правоприменения. Кроме того, в последнее время не только на доктринальном уровне, но и в рамках законопроектной деятельности актуализируется и проблема правового признания фактических брачных отношений в целом (а не только относительно специальных субъектов), в том числе и при обстоятельствах *post mortem*. Полагаем, что всё это требует уточнения доктринальной позиции, корректировки законодательства и/или правоприменительной практики, а также систематизации означенных конструкций с их специальным социально-юридическим значением, в том числе на основе их особых этических смыслов.

Основная часть

В системе стандартных композиций, имеющих значение не только для прижизненных ситуаций, но и *post mortem*, классическая презумпция отцовства в браке, ведущая начало от римского права, воспроизведенная по образцу последнего в Гражданском кодексе Франции 1804 г. (и законодательстве ряда других стран) и закреплённая вполне очевидным образом в п. 2 ст. 48 СК РФ. Однако ее нормативно-правовая формула подвергается в семейно-правовой науке критике. Во-первых, в действующем семейном законе изменен по сравнению с прежним (ч. 3 ст. 149 КоБС РСФСР) срок пролонгации: вместо 10 месяцев 300 дней, т.е. фактически на

несколько дней меньше. На наш взгляд, это, в принципе, с запасом соответствует современным медицинским реалиям. Крайне маловероятные исключения могут быть приняты во внимание в рамках уже не административного, а судебного производства.

Во-вторых, и именно это относится к существенным возражениям, оспаривается универсальный характер презумпции: существуют объективные причины, исключающие отцовство, — бесплодие мужчины, нахождение в длительной командировке и т.п., поэтому целесообразно дополнить правило п. 3 ст. 48 СК РФ условием о письменном согласии мужа на соответствующую запись либо в совместном заявлении супругов о регистрации рождения и родительства, либо в отдельном документе мужа матери ребенка¹. Это, по сути, устранил данное классическое предположение из системы семейно-правовых презумпций, что кажется избыточным: достаточно допустить исключения из ее действия в очевидных случаях (на основе соответствующих документов), в том числе и для ситуации *post mortem* (в рамках одностороннего заявления матери). Полагая, что данные обстоятельства также могут быть учтены, например с помощью правила о подаче прижизненного предварительного заявления (по аналогии с предписанием абз. 2 п. 3 ст. 48 СК РФ о заявлении женщины и мужчины, не состоящих в браке, о будущем отцовстве в период беременности, если имеются основания предполагать, что после рождения ребенка это может быть затруднено). Как вариант, возможно и восприятие абз. 6 ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье²: в указанных случаях предусмотреть подачу совместного заявления матери ребенка и биологического отца о регистрации рождения, а также заявления ее мужа, подтверждающего, что он не является отцом ребенка³. В рамках проблематики *post*

mortem не исключено, на наш взгляд, и допущение подобной акции в период беременности женщины (по уже отмеченным правилам).

Следует отметить, что в доктрине высказаны и другие соображения о гендерной диспропорции действующего варианта обсуждаемой презумпции, констатированы политика двойных стандартов, незащищенность интересов мужчины, супруга матери ребенка, в ситуации ее измены. Предложено заменить (или поставить в «диспозитивную параллель») для желающих иного режима выявления факта происхождения ребенка конструкцию предположения отцовства на бесплатные геномные исследования в рамках следующей процедуры: получение мужчиной через портал «Госуслуги» соответствующего предложения; предварительное информирование матери ребенка о результатах экспертизы; сообщение о них супругу (не ранее 10 дней после получения сведений супругой) исключительно при личной явке и ее видеофиксации; право женщины требовать повторного исследования в другой лаборатории⁴. Хотя данная процедура не ориентирована автором на действие презумпции *post mortem*, при ее гипотетическом внедрении можно было бы предусмотреть и вариант для специального случая. Например, предоставить право на соответствующие односторонние действия вдовцу, а в случае смерти супруга — вдове, если она сомневается в отцовстве супруга или уверена в отцовстве другого мужчины и заинтересована в скорейшем установлении истинных обстоятельств происхождения своего ребенка⁵; не исключена также возможность инициативного участия заинтересованных лиц (наследников) со стороны умершего супруга. Полагаем, что означенные предложения, не отменяющие, но корректирующие действие классической презумпции, нуждаются в дальнейшем обсуждении, в том числе с точки зрения обеспечения

¹ Максимович Л. Б., Шершень Т. В. Презумпция отцовства: законодательство и практика применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 11. С. 94.

² Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 55.

³ См.: Матвеева Н. А. Презумпция отцовства и проблемы ее опровержения // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 41.

В одной из версий п. 3 ст. 48 СК РФ предусматривалось сходное правило, однако оно было в 1997 г. отменено.

⁴ Подробно об этом см.: Болдырев В. А. Легальная презумпция отцовства: время спросить молодежь // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 148–161.

⁵ И уже на втором этапе она будет либо фиксировать отцовство другого мужчины путем совместного с ним заявления, либо обращаться с иском в суд.

интересов ребенка, а также сравнения эффективности планируемой процедуры с судебным оспариванием отцовства.

Нормативно-правовые решения относительно отцовства ребенка, рожденного вне брака, в рамках обсуждаемой проблематики также требуют частичной корректировки законодательства и/или правоприменительной практики. Так, пункт 3 ст. 48 СК РФ, обращаясь к ситуации одностороннего признания мужчиной отцовства в связи со смертью матери ребенка, предусматривает согласие на регистрацию рождения со стороны органа опеки и попечительства, никак не оговаривая при этом оснований для его отрицательной позиции (при отсутствии согласия вопрос решается в судебном порядке). Можно предположить, что законодатель озабочен случаями злоупотребления правом, например возможностью фиктивного признания отцовства (как из соображений корыстного характера, так и из желания обойти сложную процедуру назначения опеки или усыновления), а также негативной характеристикой личности кандидата. Однако если последний обратится в суд, то ни личность заявителя, ни оценка интересов ребенка⁶ не будут иметь юридического значения, так как исчерпывающим, искомым семейный закон определяет факт происхождения ребенка, подтвержденный молекулярно-генетической экспертизой и иными средствами доказывания (при наличии).

При этом очевидно, что фиктивность акта признания способны обнаружить и сотрудники органа опеки и попечительства, которые в силу своей компетенции обязаны давать заключения по самым разным вопросам, так или иначе касающимся интересов детей. Разумеется, экспертное исследование в рамках судебного процесса отличается по статусу и методике от соответствующего исследования, заказанного частным лицом. В то же время его валидность можно обес-

печить процедурно, например предусмотреть для обсуждаемых случаев обязательность явки в медицинское учреждение предполагаемого отца и ребенка (по малости лет — с опекуном) и специальную форму документа (заключения). И только при несоблюдении всех указанных условий можно будет обратиться к судебной форме решения проблемы. Это ускорит регистрацию рождения, избавит суды от очередной категории бесспорных дел и не снизит уровня защищенности интересов ребенка.

Абзац 2 п. 3 ст. 48 СК РФ, как мы уже отметили, предусматривает возможность подачи совместного заявления о внебрачном отцовстве в период беременности женщины, если имеется предположение о невозможности/затруднительности добровольного признания родительства после рождения ребенка. Буквальное толкование нормы позволяет с уверенностью утверждать, что смерть одной из сторон не препятствует последующей регистрации в одностороннем порядке, а в случае смерти матери признание отца, сделанное при ее жизни, не требует контроля органов опеки и попечительства. Полагаем также, что расширительное толкование обсуждаемой нормы не исключает права уполномоченных лиц зарегистрировать родительство в ситуации смерти обоих родителей.

В доктрине отмечается определенная уязвимость новеллы п. 1 ст. 52 СК РФ о праве наследников оспаривать запись об отцовстве, совершенную, в том числе в одностороннем порядке, предполагаемым отцом (в связи со смертью матери). При этом подчеркивается, что, хотя изменения были осуществлены в рамках исполнения предписания Конституционного Суда РФ⁷ по жалобе наследников о защите их прав в ситуации фиксации отцовства на основании подложных документов, при буквальном толковании они распространяются и на случаи одностороннего признания⁸. Поскольку подоб-

⁶ В доктрине неоднократно высказывалось предложение о предоставлении права суду отказывать в иске (заявлении) об отцовстве, если это противоречит интересам ребенка, в том числе в ситуации сложившихся благоприятных отношений в его семье с социальным отцом, но оно законодателем не поддерживается. См., например: *Хазова О. А.* Установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83–84 ; *Тарусина Н. Н.* Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 44.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2021 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Шишкиной» // СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1881.

⁸ См.: *Ильина О. Ю.* Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации // Lex russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 12. С. 16.

ный способ защиты прав и интересов наследников установлен и по другим категориям гражданских дел, особенной уязвимости новеллы мы не усматриваем: она, в принципе, возможна для всех случаев, когда заинтересованным лицам, не являющимся субъектами правоотношения (в том числе наследникам), предоставляется право оспаривать значимые юридические факты личного характера.

К числу актуальных относится вопрос о применении нормы ст. 50 СК РФ об установлении факта отцовства умершего лица. Формулировка названия статьи и ее содержание не отвечают требованию справедливой защиты интересов ребенка, так как, в отличие от общей нормы о судебном установлении отцовства (в исковом производстве — ст. 49 СК РФ), предусматривают ограничение предмета доказывания фактом прижизненного признания отцовства. На это еще в 1996 г. обратил внимание Пленум Верховного Суда РФ⁹ и рекомендовал судам в интересах ребенка ориентироваться на универсальные возможности правила ст. 49 СК РФ. Данная правовая позиция была подтверждена Судом спустя 20 лет: если диспозиция ст. 50 СК РФ не позволяет обеспечить надлежащую защиту интересов ребенка, то в строгом соответствии со смыслом ст. 47 Кодекса (родительство основано на факте происхождения) следует опираться на любые достоверные доказательства¹⁰. Совершенно справедливое суждение. Полагаем, однако, что оно основано на таком расширительном и систематическом толковании, которое находится на грани нормотворче-

ства, поэтому должно являться предпосылкой для корректировки ст. 50 СК РФ (например, на основе законодательной инициативы Верховного Суда РФ¹¹, реализация которой явно запаздывает¹²).

В связи с правовой позицией Конституционного Суда РФ о толковании ст. 48 КоБС РСФСР в 2024 г. вновь актуализировался вопрос о ее конституционности. Последний имеет предысторию в виде нескольких определений Суда. Так, определением Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 226-О гражданке И. Л. Шульгиной было отказано в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение конституционных прав ее сына 1995 г. рождения статьей 48 КоБС РСФСР и статьей 169 СК РФ. По мнению заявителяницы, неконституционность названных норм проявляется в том, что они противоречат предписаниям ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 19, ст. 38, ч. 1 и 2 ст. 45, ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ, так как позволяют при рассмотрении судами дел об установлении отцовства ставить в неравное положение перед законом детей, родившихся вне брака, в зависимости от даты рождения, а также ограничивают право на свободный выбор способа доказывания тех или иных обстоятельств¹³.

Конституционным Судом РФ было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Д. В. Лукьяненко, оспаривавшей соответствие тем же конституционным нормам ст. 48 КоБС РСФСР, так как она препятствует установлению факта отцовства, не называя данные геномно-дактилоскопической экспертизы среди дока-

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

¹¹ В доктрине представлены интересные соображения об особенностях применения данной возможности (с ее специальными ограничениями) как Конституционным Судом РФ, так и Верховным Судом РФ. См.: Ганичева Е. С. Пределы осуществления права законодательной инициативы высшими органами судебной власти // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 131–139.

¹² Подробнее см.: Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 155–164.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шульгиной Ирэнэ Леонидовны на нарушение конституционных прав несовершеннолетнего Шульгина Святослава Сергеевича частью 2 статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 года № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

зательств, с достоверностью подтверждающих факт рождения ребенка от конкретного лица¹⁴. Не принята была к рассмотрению Конституционным Судом РФ и жалоба гражданина В. Б. Корнышева, оспаривавшего конституционность ст. 48 КоБС РСФСР и ст. 50 СК РФ в связи с тем, что они противоречат ч. 1 ст. 19, ч. 1 и 2 ст. 35, ч. 1 ст. 40 Конституции РФ, поскольку содержат дефекты юридической техники, допускающие произвольное применение и установление отцовства без проведения молекулярно-генетической экспертизы¹⁵.

В уточненной правовой позиции Конституционный Суд РФ в постановлении от 27.11.2024 № 55-П¹⁶, признав соответствие ст. 48 КоБС РСФСР Конституции РФ, одновременно пояснил, что ее положения не исключали назначения данной экспертизы и учета ее результатов, однако суды руководствовались разъяснениями ее содержания Пленумом Верховного Суда РФ¹⁷: при установлении в порядке особого производства факта отцовства детей, рожденных с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г., должны выявляться обстоятельства, предусмотренные статьей 48 (совместное проживание и ведение общего хозяйства и др.); суды при отсутствии таковых искомых фактов не признавали экспертное заключение о наличии биологического родства относимым доказательством по делу; в связи с изменением конкретно-исторических условий применения обсуждаемой нормы (а также с правовой позицией Верховного Суда РФ 2017 г. о применении нормы ст. 49

СК РФ в системе с предписанием ст. 50 СК РФ) дифференциация состава оцениваемых судом доказательств в зависимости от даты рождения ребенка противоречит конституционно-правовому смыслу ст. 48 КоБС РСФСР и не согласуется с гарантиями судебной защиты, в том числе равенства граждан перед судом; означенный конституционно-правовой смысл является общеобязательным к толкованию и применению.

В комментарии к данной правовой позиции можно высказать несколько соображений. Во-первых, и в 2006 г., когда было вынесено первое решение об отказе в рассмотрении соответствующей жалобы, действовали принцип приоритетной защиты интересов ребенка (независимо от обстоятельств его рождения) и другие конституционные принципы, на которые опирались заявители, а суждения Верховного Суда РФ о распространении ст. 49 и на ситуации, предусмотренные статьей 50 СК РФ, были высказаны, как мы уже отметили, не только в 2017, но и в 1996 г. Во-вторых, обсуждаемые ограничения, а также отказ законодателя придать ст. 49 СК РФ обратную силу (дабы их устранить) изначально не соответствовали конституционным нормам, были обусловлены устоявшимися в доктрине и правоприменении представлениями о дифференциации позиции женщины и мужчины в ситуациях внебрачного родительства. Конечно, статья 48 КоБС РСФСР, в сравнении с прежним законодательством о запрете установления отцовства ребенка, рожденного вне брака¹⁸, явилась благом, но

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 414-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лукьяненко Дарьи Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2007. № 2.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2021 № 819-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корнышова Валерия Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 48 Кодекса о браке и семье РСФСР и статьей 50 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой М.» // Российская газета. 27.11.2024. № 9527.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1982 № 2 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других членов семьи» // Ведомости Верховного Суда СССР. 1982. № 3. С. 12.

¹⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (по состоянию на 7 мая 1986 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

Подробнее об этом см., например: *Тарусина Н. Н.* Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 68–84.

ее содержание было заведомым компромиссом между, с одной стороны, необходимостью эффективной защиты интересов ребенка и одинокой матери наравне с законнорожденными детьми и матерью, состоящей в зарегистрированном семейном союзе, с другой — прямым или косвенным осуждением внебрачного материнства. Совершенно очевидно, что уже в начале XXI в. вторая позиция себя в основном исчерпала и нуждалась в конституционно-судебном преодолении, которое было осуществлено, с нашей точки зрения, с задержкой.

В контексте защиты права на частную (семейную) жизнь в связи с правовыми последствиями рождения мертвого ребенка по-прежнему представляет интерес дело Н. В. Знаменской: отцовство ее сына, родившегося 4 августа 1997 г. мертвым, было зарегистрировано на бывшего супруга; заявительница отказалась указать на надгробной плите имя последнего, настаивала на отцовстве другого мужчины, с которым она проживала в фактическом браке и который отбывал на момент рождения ребенка наказание в местах лишения свободы и вскоре умер, что, с точки зрения матери ребенка, и затруднило подтверждение его родительства. Н. В. Знаменская обратилась в суд в порядке ст. 49 СК РФ. Он постановил прекратить производство по делу, поскольку мертворожденный ребенок не приобрел гражданских прав, а статья 49 применяется только к живым детям. Кассационная инстанция согласилась с данной позицией. Европейский суд по правам человека в ответе на жалобу Н. В. Знаменской не усмотрел со стороны российского законодательства нарушений ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод, посчитав, что мертворожденный ребенок не приобрел право на уважение его частной или семейной жизни, отдельное от права его матери¹⁹.

В доктрине в связи с этим отмечается, что мертворожденный ребенок, действительно, не стал обладателем гражданских или семей-

ных прав, следовательно, никакой юридической нагрузки поправки в документы органов ЗАГС не несут, а потребность заявительницы исключительно психологическая и для права безразлична²⁰. Не отрицая, что правоспособность гражданина возникает с момента его рождения (ст. 17 ГК РФ), однако отметим, что и мертворожденный ребенок имеет право на фамилию, имя и отчество (ст. 20, ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»). Кроме того, судами не был обсужден вопрос о праве на уважение частной и семейной жизни самой заявительницы: истинное обозначение отцовства не только психологический аспект ее жизневыживания, но и юридически значимый интерес, т.е. основание для соответствующей защитной процедуры (другое дело, что заявление должно было основываться на правилах ст. 50 СК РФ, о чем и следовало указать)²¹.

Медицинским законодательством не урегулирована среди прочего возможность использования для имплантации генетического материала умершего лица, в том числе в рамках программы суррогатного материнства. Например, суд не удовлетворил просьбу бабушки преодолеть отказ органа ЗАГС в регистрации рожденного с помощью технологии суррогатного материнства (с использованием генетического материала ее умершего сына) ребенка с записью сына в качестве отца, а себя — матери. В обоснование решения было заявлено: применение вспомогательной репродуктивной технологии не относилось к методу лечения бесплодия, а фиксация подобного материнства и отцовства создает проблемы этического характера и противоречит сущности родительских правоотношений²².

Полагаем, однако, что оценка приведенной аргументации не является однозначной. Во-первых, имеется противоречивая судебная практика относительно сходного требования одинокого мужчины, ставшего отцом с помощью обсуж-

¹⁹ Постановление Европейского суда по правам человека от 02.06.2005 по делу «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (жалоба № 77785/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 8.

²⁰ Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 158–161.

²¹ Практике известны случаи вынашивания и рождения ребенка, заведомо неспособного к жизни, по решению матери (обоих родителей) с последующей регистрацией и захоронением (см.: Старобинец А. Посмотри на него. М. : АСТ, 2022).

²² См.: Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 5 (162). С. 138.

даемой программы, о регистрации органом ЗАГС его отцовства: суды как отказывают, так и удовлетворяют его²³. Причем в одних случаях ссылаются на исключение неженатого мужчины из состава участников правоотношений суррогатного материнства (ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²⁴) и отсутствие цели преодоления бесплодия, а в других — на необходимость защиты интересов ребенка, противодействия его сиротству. Более того, в одном из постановлений Конституционный Суд РФ признал право такого отца (в ситуации последующего создания семьи и желания супруги усыновить «суррогатных детей») на получение материнского (семейного) капитала²⁵. Во-вторых, российское семейное законодательство не запрещает бабушкам/дедушкам усыновлять внуков в случае смерти родителей или лишения их родительских прав²⁶, а правоотношения по усыновлению сущностно приравниваются к родительским (ст. 137 СК РФ).

Таким образом, из очевидного остается лишь соображение этического порядка, остальные же аргументы могут быть отнесены к доктринальной и — главное — правоприменительной дискуссии. При этом мы отнюдь не отрицаем значимость моральной оценки подобных ситуаций и солидарны с теми учеными, которые предлагают установить законодатель-

ный запрет на использование генетического материала умерших лиц, ибо среди прочего такое положительное решение может приводить к «серьезным психологическим травмам рожденных детей и переживанию ими нравственных страданий вследствие осознания особенностей своей генетической идентичности»²⁷. Тонкость заключается лишь в различном подходе к разрешению сходных по ряду характеристик категорий дел, который, видимо, следует преодолеть корректировкой законодательства и/или правовых позиций судов²⁸.

При этом проблема не сводится только к означенному варианту. В доктрине приводятся и другие ситуации, требующие законодательного уточнения. Во-первых, подчеркивается целесообразность снятия ограничения срока действия презумпции отцовства в 300 дней в случае смерти супруга, стороны прижизненного соглашения с супругой об участии в программе искусственной репродукции, так как очевидны и сам факт биологического отцовства, и воля мужчины на продолжение рода; во-вторых, предлагается сохранение возможности (по заявлению женщины) использования донорского генетического материала лица, умершего на момент реализации вспомогательной репродуктивной технологии, поскольку донор мужской гаметы в большинстве случаев является анонимным, а «рождение ребенка после

²³ Подробнее об этом см., например: *Ильина О. Ю.* Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 3. С. 38–45; *Зезекало А. Ю., Новиков А. А.* Суррогатное материнство в России: пределы договорного регулирования // Правоведение. 2021. Т. 65. № 4. С. 432–434.

²⁴ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СЗ РФ. 2021. № 28. Ст. 5629.

²⁶ См., например: *Тарусина Н. Н.* Бабушки и дедушки как субъекты семейного права // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 19–21.

²⁷ *Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С.* Указ. соч. С. 138.

²⁸ В связи с этим обратим внимание на особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотова к определению от 27.09.2018 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”, частью 9 статьи 55 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”» (СПС «КонсультантПлюс»). В нем, по сути, осуществлена ссылка на судебную практику (включая позицию Верховного Суда РФ), не отвечающую смыслу семейного закона (п. 4 ст. 51 СК РФ). Суду следовало бы проверить конституционность обжалуемых норм, в том числе в их судебной интерпретации, которая не соответствует их содержанию, а законодателю — вернуться к вопросу о спорных и обжалуемых приоритетах, принадлежащих суррогатной матери.

смерти донора юридически безразлично»²⁹. Полагаем данные соображения заслуживающими внимания законодателя.

Обстоятельства *post mortem* с семейным элементом имеют непосредственное юридическое значение и для ряда институтов гражданского права. Так, несмотря на уже упоминавшееся положение о возникновении гражданской правоспособности только с момента рождения, определенные квазистатусные конструкции принадлежат и nasciturусу. Они оказывают влияние на судьбу гражданских правоотношений, хотя и «запускаются» в полном объеме своего юридического значения после рождения. Речь идет о праве наследования (ст. 1166 ГК РФ), возмещении вреда вследствие смерти кормильца (ст. 1088 ГК РФ) и морального вреда (ст. 151 ГК РФ). При этом в доктрине отмечается, что горизонты применения конструкции морального вреда существенно расширены (это подтверждается и правовой позицией Верховного Суда РФ³⁰). Относительно же статуса рассматриваемого субъекта принято постановление Конституционного Суда РФ³¹. С одной стороны, Суд подтвердил конституционность нормы ст. 17 ГК РФ о моменте возникновения у гражданина субъективных гражданских прав, в том числе и на возмещение морального вреда в связи с потерей кормильца. Однако, с другой стороны, он подчеркнул: правовое регулирование не подразумевает безусловного отказа в данной компенсации лицу, которому смертью близкого человека причинены физические и нравственные страдания, в том числе и в ситуации, когда к моменту смерти потерпевший (ребенок) еще не родился; факт причинения ему морального вреда «во всяком случае должен предполагаться»,

иной подход снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности прав таких детей. Тем самым Конституционный Суд РФ сориентировал суды на корректировку толкования и применения конструкции морального вреда в отношении неродившегося ребенка в соответствии с конституционно-правовым смыслом положений о защите интересов ребенка и семьи, равенстве прав граждан перед законом и судом (ст. 19, 38 Конституции РФ).

Следует отметить, что возможности указанных норм ГК РФ, а также конвенционная декларация о защите интересов ребенка как до, так и после рождения³², положения о трудоуправочных и социально-обеспечительных льготах, праве на алименты женщины в состоянии беременности, запрете супругу инициировать расторжение брака без согласия жены в означенном состоянии, усиленной уголовной ответственности за убийство беременной женщины всё еще остаются поводом к доктринальному оспариванию верности положений о моменте возникновения у гражданина правоспособности, в том числе цивилистической природы, поскольку данные нормы обеспечивают охрану интересов nasciturуса. Эта позиция усиливается ссылками на ряд зарубежных законодательных решений, аналогичных конвенционному подходу³³. Не разделяя, как мы уже отметили, данную точку зрения, всё же полагаем, что в российском праве (например, в ст. 1 СК РФ) целесообразно было бы закрепить положение об охране интересов зачатого, но неродившегося ребенка в случаях, предусмотренных законодательством. Более широкая «расшифровка» проблемы создала бы опасное противостояние с нормами о праве на прерывание беременности и статусе эмбриона в целом³⁴.

²⁹ См.: Краснова Т. В., Алексеева Е. В. Отцы и дети: проблемы приобретения прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 34. С. 431.

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

См. также: Темникова Н. А., Невзгодина Е. Л. Компенсация морального вреда при нарушении прав на уважение родственных и семейных связей // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 1. С. 92–101.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой» // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868.

³² См.: преамбула Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

³³ Подробнее об этом см., например: Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка // Государство и право. 2006. № 4. С. 54–60.

³⁴ См., например: Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // Lex russica (Русский закон). 2019. № 6 (151). С. 127.

Ситуации, связанные с рождением детей после смерти родителей (тем более, с установлением по истечении длительного времени факта происхождения ребенка), могут существенно осложнять конструирование соответствующих правовых последствий как личного, так и имущественного порядка. Например, в доктрине высказывается интересное предположение о допустимости пересмотра в будущем наследственного преемства, завершеного после смерти наследодателя, предоставившего генетический материал для репродукции, с отдаленным во времени рождением ребенка: в целях обеспечения устойчивости гражданского оборота неизбежно придется обратиться к вопросу о введении предельного срока для восстановления упущенной возможности принять причитающееся по смыслу ст. 1166 ГК РФ наследство, течение которого следует определять либо с момента создания эмбриона, либо с наступления беременности³⁵. Справедливо подчеркивается, что на детей, рожденных *post mortem*, должны распространяться и конструкции социального обеспечения (пособия и т.п.)³⁶. Добавим, что и возможность получения алиментов от обязанных лиц второй очереди (бабушек/дедушек, братьев/сестер и т.д.), коль скоро главный кормилец по известным причинам участвовать в материальной поддержке ребенка не может (гл. 15 СК РФ).

К числу постоянно дискутируемых проблем относится и вопрос о правовых последствиях фактических брачных отношений. Не так давно отзвучала известная музыка Шопена по законопроекту сенатора А. В. Белякова, предложившего юридически уравнивать на вполне определенных условиях фактическое и законное супружество³⁷. И, казалось бы, вопрос надолго погребен под слоем отрицания самой возмож-

ности хотя бы частичной правовой защиты интересов участников фактического семейного союза, поскольку он не отвечает смысловому содержанию традиционных семейных ценностей³⁸. Тем не менее в доктрине с устойчивой периодичностью публикуются работы, ориентирующие на необходимость признания в той или иной степени правового значения фактического брака — от включения в СК РФ универсальной формулы его правовых последствий до корректировки таковых лишь в отношении ситуаций *post mortem*. Относясь к первой группе семейноведов, но будучи ограниченными темой настоящего исследования, не считаем возможным приводить полный набор соответствующей защитной аргументации³⁹, поэтому остановимся на анализе теоретических предпосылок и правоприменительных позиций относительно правовой защиты прав и интересов пережившего фактического супруга.

Как известно, даже в означенном аспекте российское (советское) законодательство не избежало нескольких штормовых эволюционных волн. На их пике приравнивались в правовых последствиях обсуждаемые брачные конструкции, а в доктрине высказывались предположения о будущей отмене госрегистрации (1926 г.). Затем, на спаде, незарегистрированный семейный союз был выведен за скобки закона, однако с возможностью установления факта фактического брака в целях защиты прав и интересов вдовы/вдовца (1944 г.)⁴⁰.

Видимо, далеко не случайно данная проблема актуализировалась в конце 2023 г. — частично ввиду сходства ситуаций, но прежде всего из соображений справедливой реакции законодателей на жизненные обстоятельства, в которых оказались вдовы, состоявшие в фактическом семейном союзе с мужчинами — участ-

³⁵ См.: Михеева Л. Ю. О последствиях рождения детей спустя длительное время после смерти родителей // Закон. 2024. № 11. С. 166.

³⁶ Михеева Л. Ю. Указ. соч. С. 167.

³⁷ Законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 31.01.2025).

³⁸ См., например: Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120; Сочнева О. И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. № 3. С. 394–405; Якушев П. А. Фактические сожительства мужчин и женщин: проблемы институционализации в контексте традиционных ценностей // Государство и право. 2019. № 12. С. 104–112.

³⁹ См., например: Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 3 (15). С. 370–373.

⁴⁰ См.: Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. С. 144–149.

никами специальной военной операции (при их жизни). Инициатором относительного уравнивания статуса вдов стал Президент РФ, который на одной из встреч с семьями участников СВО положительно отреагировал на предложение о распространении ряда льгот на обсуждаемую категорию граждан⁴¹. Сразу после данного события можно было ожидать законодательной инициативы, которая в скором времени и последовала⁴². При этом нормативная локализация проекта изначально ориентирована на ГК РФ, сущностные характеристики включают условия о сроках (три года совместного проживания и ведения общего хозяйства, год — при наличии совместного ребенка) и обратной силе закона, а процедурные — предусматривают судебное установление факта фактических брачных отношений. Однако содержание вызывает некоторые сомнения. Так, не пояснен «цифровой» выбор. Например, по законопроекту А. В. Беякова предлагались более жесткие сроки — соответственно пять лет и два года. Щадящие сроки второго законопроекта можно, конечно, объяснить особым составом субъектов и особой заинтересованностью государства в защите их прав и интересов, в то время как первый был универсальным. Можно также предположить, что общее правило о трехлетнем сроке — дань классике... Но, как известно, любые временные границы в юриспруденции условны и относительны. И в этом качестве не всегда справедливы, поскольку возможны ситуации, предполагающие, казалось бы, указанную юридическую оценку, но не отвечающие формальным требованиям: мужчина и женщина прожили в данном семейном союзе на один день меньше; общий ребенок родился мертвым; мужчина формально состоял в зарегистрированном браке с другой женщиной, но фактически прекратил супружество более пяти лет назад и всё это время совместно проживал и вел хозяйство с данной женщиной, публично позиционируя свой союз как семейный, и т.п. Из содержания законопроекта, пусть и не напрямую, следует направленность только на отношения с участием мужчины, формально

свободного от брачных уз. Иное, казалось бы, совершенно неприемлемо. Однако семейному закону известны, при определенном юридико-фактическом составе, случаи приоритета фактического состояния над формально-юридическим: право суда признать имущество, нажитое в период устойчивого прекращения семейного союза (фактического развода), разделным (ч. 4 ст. 38 СК РФ); право фактического воспитателя ребенка на алименты (ст. 96 СК РФ) и др.

Полагаем, что применительно к такой особой категории защищаемых лиц, как фактические вдовы участников СВО, справедливей было бы применять не технологию жесткого временного ограничителя, а возможности судебного усмотрения, тем более что сущность семейных отношений в целом, в отличие от отношений гражданского оборота, предполагает именно такую технологическую доминанту, а современные акценты на охрану и защиту традиционных семейных ценностей не исключают, на наш взгляд, обоснованных и справедливых новаций и вариаций⁴³. Кроме того, в рамках задачи по относительному выравниванию правовых последствий брака и фактического супружества следует иметь в виду и возможности норм ст. 30 СК РФ о благоприятствовании добросовестной стороне.

Вызывает недоумение и исключительно гражданско-правовая локализация положений законопроекта. На наш взгляд, объяснений может быть несколько: нежелание квалифицировать рассматриваемый тип отношений как разновидность юридически признаваемого семейного союза (хотя и прекратившегося по известным причинам), возможное опасение запуска формулы частичного, пусть и специального по своей природе, признания юридического значения фактического брака; убеждение в том, что означенный тип ситуаций является прежде всего особым случаем наследования в рамках соответствующих прав лиц, находившихся на иждивении умершего. Между тем, во-первых, планируемые правовые последствия существенно шире: они затрагивают социальные и трудовые права вдовы. Во-вторых, граждан-

⁴¹ Льготы для фактических вдов участников СВО коснутся также гражданских // URL: <https://www.interfax.ru/russia/945641> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴² См.: законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”» (о фактических брачных отношениях) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴³ См.: Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // *Lex russica* (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 33–52.

ско-правовое признание неоформленного супружества в качестве юридического факта коллидирует со ст. 1 СК РФ «Основные начала семейного законодательства», в части 2 которой недвусмысленно заявлено о признании только брака, зарегистрированного в органах ЗАГС. Следовательно, изменения необходимо внести не только в ГК РФ, но и в СК РФ, например продолжив предписание ст. 1 формулировкой: «...кроме исключений, установленных федеральным законодательством».

Впрочем, проблема, безусловно, деликатная⁴⁴, не должна сводиться к рассматриваемому варианту развертывания жизненных ситуаций, хотя последние и находятся под пристальным и благожелательным (сеем надеяться) вниманием российского общества. Как известно, в настоящее время наиболее очевидное признание правовых последствий рассматриваемого союза также ориентировано именно на правоотношения, возникающие вследствие смерти фактического супруга. При этом ключевым юридическим фактом является не собственно фактическое супружество, а нахождение лица (в нашем случае — фактической вдовы) на иждивении умершего. Данный факт, как следует из материалов судебной практики, далеко не прост в доказывании, и его оценка нестабильна⁴⁵. При этом суды руководствуются правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ⁴⁶: понятие «иждивение» предполагает как полное нахождение лица на содержании, так и наличие у него иных средств к существованию, которые, впрочем, не составляют основного дохода. Всё это свидетельствует о факультативном значении факта фактического супружества, расторжении последнего среди разнообразных имущественных обстоятельств,

стремлении законодателя и правоприменителя квалифицировать членов данного семейного союза в качестве субъектов гражданского оборота, что не соответствует его природе (по крайней мере в нашем понимании и оценке)⁴⁷.

Мы в целом солидарны с мнением тех цивилистов, которые настаивают на более универсальном подходе к проблеме: защита личных и имущественных прав вдового фактического супруга (как правило, женщины) станет проявлением принципа справедливости, будет способствовать устранению гендерного неравенства⁴⁸; ответственный шаг в сторону легализации фактических брачных отношений сделан только в отношении специальных субъектов, в то время как незащищенными остаются граждане, например, прожившие семейным союзом долгие годы⁴⁹ (после смерти супруга они лишены возможности установить данный факт в судебном порядке, в том числе для включения в круг наследников по закону, при определенных условиях — с правом на обязательную долю в наследстве, и для других значимых целей). Гипотетическое юридическое признание рассматриваемого вида семейного союза *post mortem* не исключает и второго ответственного шага — легализации его при жизни фактических супругов на основе справедливого и разумного подхода.

Заключение

Факты *post mortem* играют особую роль в судьбе цивилистических (семейных, гражданских, трудовых), а также иных правоотношений. В их систему включаются различные обстоятельства и состояния, которые оказывают воздействие на

⁴⁴ См.: Крашенинников П. В., Демкина А. В. Перспективы правового регулирования незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения в законодательстве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 15–18.

⁴⁵ См., например: определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 73-КГ19-3 ; от 28.07.2020 № 5-КГ20-66-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 06.06.2012. № 127.

⁴⁷ Хотя определенные предварительные шаги в рамках гражданского законодательства возможны, например в виде специальных соглашений имущественного характера. См.: Левушкин А. Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65–67.

⁴⁸ См.: Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 8 (189). С. 124.

⁴⁹ См.: Богдан В. В. Брак *post mortem*: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 3. С. 106–124.

возникновение, изменение и прекращение соответствующих юридических связей, в первую очередь тех из них, содержание которых напрямую либо опосредованно обусловлено семейным интересом (элементом) в широком значении. При этом каждая разновидность нуждается в доктринальном осмыслении стратегического или тактического порядка. К первой группе относятся проблемы выстраивания справедливых правовых последствий фактических семейных союзов (в связи со смертью одного из участников, причем не только в рамках специальной военной операции, но и в других случаях, заслуживающих внимания в качестве объектов охраны и защиты); ограничений посмертного суррогатного материнства; корректировки установления факта отцовства умершего лица (как законодательной,

так и правоприменительной). Ко второй группе — вопросы о целесообразности сохранения универсального характера презумпции отцовства в браке, об особенностях признания внебрачного отцовства в одностороннем порядке (в связи со смертью матери ребенка), а также признания на основании совместного заявления матери и отца в период беременности женщины (если предполагается затруднение в осуществлении этого после рождения ребенка). Систематизация юридических фактов подобного рода, уточнение меры их воздействия на судьбу гражданских и иных правоотношений (эффективной, справедливой, этически оправданной) относятся к социально значимым задачам доктринального размышления, законопроектной работы и правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2009. 296 с.

Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 6 (151). С. 122–130.

Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка // *Государство и право*. 2006. № 4. С. 54–60.

Богдан В. В. Брак *post mortem*: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // *Труды Института государства и права РАН*. 2024. Т. 19. № 3. С. 106–124.

Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex russica* (Русский закон). 2020. Т. 73. № 5 (162). С. 129–142.

Болдырев В. А. Легальная презумпция отцовства: время спросить молодежь // *Пермский юридический альманах*. 2022. № 5. С. 148–161.

Ганичева Е. С. Пределы осуществления права законодательной инициативы высшими органами судебной власти // *Журнал российского права*. 2014. № 11 (215). С. 131–139.

Зезекало А. Ю., Новиков А. А. Суррогатное материнство в России: пределы договорного регулирования // *Правоведение*. 2021. Т. 65. № 4. С. 421–444.

Ильина О. Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право»*. 2014. № 3. С. 38–45.

Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации // *Lex russica* (Русский закон). 2024. Т. 77. № 12. С. 10–22.

Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // *Правоведение*. 1999. № 3. С. 105–120.

Краснова Т. В., Алексеева Е. В. Отцы и дети: проблемы приобретения прав мужчинами (на примере законодательства России) // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016. № 34. С. 426–439.

Крашенинников П. В., Демкина А. В. Перспективы правового регулирования не зарегистрированного в установленном порядке брачного отношения в законодательстве Российской Федерации // *Семейное и жилищное право*. 2024. № 6. С. 15–18.

Левушкин А. Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // *Современное право*. 2014. № 3. С. 65–67.

Максимович Л. Б., Шершень Т. В. Презумпция отцовства: законодательство и практика применения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2009. № 11. С. 90–94.

Матвеева Н. А. Презумпция отцовства и проблемы ее опровержения // *Семейное и жилищное право*. 2014. № 4. С. 39–41.

- Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // *Lex russica* (Русский закон). 2022. Т. 75. № 8 (189). С. 119–129.
- Михеева Л. Ю. О последствиях рождения детей спустя длительное время после смерти родителей // *Закон*. 2024. № 11. С. 164–169.
- Сочнева О. И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // *Демидовский юридический журнал*. 2023. № 3. С. 394–405.
- Старобинец А. Посмотри на него. М. : АСТ, 2022. 288 с.
- Тарусина Н. Н. Бабушки и дедушки как субъекты семейного права // *Семейное и жилищное право*. 2017. № 2. С. 19–21.
- Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М. : Проспект, 2010. 224 с.
- Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // *Вестник гражданского процесса*. 2023. Т. 13. № 2. С. 155–164.
- Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 7. С. 68–84.
- Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // *Lex russica* (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 33–52.
- Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // *Демидовский юридический журнал*. 2023. Т. 13. № 3 (15). С. 364–381.
- Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 40–48.
- Темникова Н. А., Невзгодина Е. Л. Компенсация морального вреда при нарушении прав на уважение родственных и семейных связей // *Правоприменение*. 2024. Т. 8. № 1. С. 92–101.
- Хазова О. А. Установление отцовства // *Закон*. 1997. № 11. С. 83–84.
- Якушев П. А. Фактические сожительства мужчин и женщин: проблемы институционализации в контексте традиционных ценностей // *Государство и право*. 2019. № 12. С. 104–112.

REFERENCES

- Afanasyev SF. The right to a fair trial and its implementation in Russian civil proceedings. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2009. (In Russ.).
- Belova DA. Legal Nature of the Embryo in Vitro. *Lex russica*. 2019;6:122-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.122-130.
- Besedkina NI. Rights of the unborn child. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2006;4:54-60. (In Russ.).
- Bogdan VV. Post-Mortem Marriage: Reflections on the Bill on the Recognition of de facto Marital Relations. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2024;19(3):106–124. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-bogdan.
- Bogdanova EE, Maleina MN, Ksenofontova DS. Certain Problems of Citizens' Rights Protection when Using Genomic Technologies. *Lex russica*. 2020;73(5):129-142. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142.
- Boldyrev VA. Legal presumption of paternity: Time to ask young people. *Perm Legal Almanac*. 2022;5:148-161. (In Russ.).
- Ganicheva ES. Limits of Exercise of the Right of Legislative Initiative by Supreme Judicial Authorities. *Journal of Russian Law*. 2014;11(215):131-139. (In Russ.).
- Ilyina OYu. Application of analogy of the law and analogy of the right at regulation of the relations in the sphere of registration of the birth of children. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Bulletin of Tver State University. Series «Law»]*. 2014;3:38-45. (In Russ.).
- Ilyina OYu. Trends in the Changes of the Family Code of the Russian Federation and the Practice of its Application. *Lex russica*. 2024;77(12):10-22. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.010-022.
- Khazova OA. Paternity Proof. *Zakon*. 1997;11:83-84. (In Russ.).
- Kosova OYu. De facto marriages and family law. *Pravovedenie*. 1999;3:105-120. (In Russ.).
- Krashenninnikov PV, Demkina AV. Prospects for legal regulation of unregistered marriage relations in the legislation of the Russian Federation. *Family and Housing Law*. 2024;6:15-18. (In Russ.).
- Krasnova TV, Alekseeva EV. Fathers and Sons: Problems of Acquiring Parental Rights by Men (a Case Study of the Russian Legislation). *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2016;34:426-439. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-426-439.

Levushkin AN. Marriage in Fact: The Reality and Necessity of Legal Regulation. *Modern Law*. 2014;3:65-67. (In Russ.).

Maksimovich LB, Shershen TV. Presumption of paternity: legislation and application practices. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, and Practice]*. 2009;11:90-94. (In Russ.).

Matveeva NA. The presumption of paternity and the problems of refuting it. *Family and Housing Law*. 2014;4:39-41. (In Russ.).

Mikhailova IA. Gender Inequality in Marriage and Family Sphere: Forms of Manifestation and Options for Coping with it. *Lex russica*. 2022;75(8):119-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.

Mikheeva LYu. On the consequences of having children long after the death of parents. *Zakon*. 2024;11:164-169. (In Russ.).

Sochneva OI. Actual marriage: legal oblivion or the right to choose. *Demidov Law Journal*. 2023;13(3):394-405. (In Russ.).

Starobinets A. Look at him. Moscow: AST Publ.; 2022. (In Russ.).

Tarusina NN. Marriage under Russian family law. Moscow: Prospekt Publ.; 2010. (In Russ.).

Tarusina NN. Court Practice in Family Disputes: Problems of Discretion on the Verge of Law-Making. *Lex russica*. 2019;5:40-48. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.040-048.

Tarusina NN. Family Values under the Auspices of Law: The New in Tradition and Tradition in the New. *Lex russica*. 2023;76(1):33-52. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.

Tarusina NN. Family: value and formal-legal guidelines. *Demidov Law Journal*. 2023;13(3):364-381. (In Russ.).

Tarusina NN. Grandparents as Subjects of Family Law. *Family and Housing Law*. 2017;2:19-21. (In Russ.).

Tarusina NN. On the Law-Making and Conflict-of-Laws Meaning of the Legal Positions of the Supreme Courts of the Russian Federation (on the Example of Family Cases). *Vestnik grazhdanskogo protsesssa [Herald of Civil Procedure]*. 2023;13(2):95-109. (In Russ.). DOI: 10.24031/2226-0781-2023-13-2-95-109.

Tarusina NN. Single Motherhood as a Social and Legal Phenomenon. *Journal of Russian Law*. 2022;26(7):68-84. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2022.073.

Temnikova NA, Nevzgodina EL. Compensation for moral harm in violation of the right to disrespect for kinship and family ties. *Pravoprimenenie [Law Enforcement Review]*. 2024;8(1):92-101. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).92-101.

Yakushev PA. Cohabitation of men and women: problems of institutionalization in the context of traditional values. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2019;12:104-112. (In Russ.).

Zezekalo AYu, Novikov AA. Surrogacy in Russia: Limits of contractual regulation. *Pravovedenie*. 2021;65(4):421-444. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu25.2021.404.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарусина Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова
д. 14, Советская ул., г. Ярославль 150003, Российская Федерация
nant@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Social and Family Legislation, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation
nant@uniyar.ac.ru

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 5 марта 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 03.02.2025.

Revised 05.03.2025.

Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.024-038

И. А. Филипова

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
Самаркандский государственный университет имени Ш. Рашидова
г. Самарканд, Республика Узбекистан

Воплощенные виртуальные агенты: прогнозируемое воздействие на трудовые правоотношения

Резюме. Включение искусственного интеллекта в сферу труда влияет на отношения между работником и работодателем, как правило усиливая последнего и осложняя положение первого. До сих пор внедрение искусственного интеллекта в основном ограничивалось использованием приложений с его элементами, которые обладают относительно небольшим функционалом, а также промышленной и сервисной робототехникой, но к концу 2024 г. компании — мировые технологические лидеры объявили об ожидаемом появлении в течение 2025 г. виртуальных сотрудников. Ими могут стать воплощенные виртуальные агенты — автономные интеллектуальные системы, способные выполнять широкий и постоянно увеличивающийся за счет приобретаемого ими опыта круг задач, включая разнообразные задачи творческого характера, ранее осуществлявшиеся людьми. С развитием генеративного искусственного интеллекта воплощенные виртуальные агенты выходят за пределы области компьютерных игр и виртуальных образовательных сред, где они уже распространены. Характеристики, которыми обладают виртуальные сотрудники, способствуют нарушению баланса в отношениях «работник — работодатель». Трудовое законодательство должно учитывать происходящие изменения. Правоведы уже поднимают вопросы о том, как совместить новые возможности работодателей с социально-трудовыми правами работников, не допустив утраты баланса.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ-агент; воплощенный виртуальный агент; интеллектуальная автоматизация; рабочая среда; занятость; структурная безработица; трудовые отношения; статус работника; трудовые права

Для цитирования: Филипова И. А. Воплощенные виртуальные агенты: прогнозируемое воздействие на трудовые правоотношения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 24–38. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.024-038

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00511, <https://rscf.ru/project/25-28-00511/>.

Embodied Virtual Agents: Expected Impact of Labor Relations

Irina A. Filipova

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Samarkand State University named after S. Rashidov
Samarkand, Uzbekistan

Abstract. The integration of artificial intelligence into the workplace is reshaping the employee-employer relationship, generally strengthening employers' positions and complicating positions of workers. Until recently, AI deployment has been largely confined to applications with limited autonomy and to industrial and service robotics. By late 2024, however, leading technology firms announced the expected introduction of «virtual employees» in 2025, with the embodied virtual agents defined as autonomous intelligent systems capable of

© Филипова И. А., 2026

performing an expanding array of tasks, including many creative functions previously carried out by humans. Fueled by advances in generative AI, these agents are moving beyond gaming and virtual education into core economic activities. The capabilities of virtual employees risk exacerbating existing imbalances in labor relations and raise urgent questions for labor law. The study examines the legal challenges posed by embodied virtual agents and evaluates regulatory approaches to reconcile employers' technological opportunities with the protection of workers' social and labor rights.

Keywords: artificial intelligence; AI agent; an embodied virtual agent; intelligent automation; working environment; employment; structural unemployment; labor relations; employee status; labor rights

Cite as: Filipova IA. Embodied Virtual Agents: Expected Impact of Labor Relations. *Lex russica*. 2026;79(2):24-38. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.024-038

Acknowledgements. The study was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-00511, <https://rscf.ru/project/25-28-00511/>.

Введение

Развитие искусственного интеллекта ставит перед человечеством вопросы, поиск ответов на которые, при условии своевременного их нахождения, может существенно облегчить жизнь людей в будущем. Правоведам тоже приходится подключаться к этому процессу, чтобы осмысливать происходящее и, делая выводы из складывающегося положения вещей, предлагать регуляторные инструменты, позволяющие удерживать рамку, т.е. стабилизировать структуру общественных отношений, неизбежно меняющихся с внедрением искусственного интеллекта в экономику и общество в целом. Одна из важнейших сфер, которая уже претерпевает и которой предстоит претерпеть в ближайшие годы кардинально преобразующее воздействие из-за расширяющегося внедрения в нее искусственного интеллекта, — это сфера труда. Системы искусственного интеллекта с каждым годом способны выполнять всё более широкий круг разнообразных, в том числе творческих, задач. Эти задачи ранее были прерогативой работников, т.е. людей — участников трудовых правоотношений. О поступательно увеличивающемся воздействии систем искусственного интеллекта на производство и сферу услуг свидетельствуют ежегодные отчеты мировых лидеров консалтинга, таких как McKinsey & Company, PwC, Deloitte и т.д. Растущее влияние искусственного интеллекта на отношения, связанные с наемным трудом, — чувствительный для общества показатель, ведь

участие в этих отношениях дает большинству людей не только средства к существованию, но нередко и цель в жизни.

К настоящему времени значительное количество научных работ отражают результаты исследований о влиянии искусственного интеллекта на сферу труда, в первую очередь экономистов, среди которых лауреаты Нобелевской премии по экономике¹. Постепенно растет и число трудов по соответствующей тематике, созданных правоведами — специалистами в области трудового права, как минимум с конца второго десятилетия XXI в. этим последовательно занимаются европейские правоведы: В. де Стефано, А. Алоизи, Дж. Адамс-Прассль, М. Грубер-Рисак. Среди исследователей на постсоветском пространстве, уже обративших пристальное внимание на данную тему, Н. Л. Лютов, С. Ю. Чуча, К. Л. Томашевский, М. Х. Хасенов, И. А. Филипова и целый ряд молодых ученых. В то время как вопрос о влиянии роботов с искусственным интеллектом или программ с его элементами на сферу труда во многом уже раскрыт в работах вышеперечисленных авторов, тема воздействия воплощенных виртуальных агентов на трудовые правоотношения еще ждет своего часа. Используя методы социально-правового прогнозирования, преимущественно фактографические, экстраполяции и экспертных оценок, попробуем спрогнозировать масштабы и ключевые моменты воздействия воплощенных виртуальных агентов на сферу труда.

¹ Acemoglu D., Restrepo P. The wrong kind of AI? Artificial intelligence and the future of labor demand // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 25–35 ; Korinek A., Stiglitz J. E. Artificial intelligence and its implications for income distribution and unemployment // The economics of artificial intelligence: An agenda / A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (eds.). Chicago : University of Chicago Press, 2019. P. 349–390.

1. Воплощенный виртуальный агент: понятие и возможности

«Агентность» — это изначально социально-философская категория, определяющая способность человека к осознанному выбору и совершению соответствующих действий. Так называемое ощущение агентности свойственно человеку², когда он демонстрирует умение самостоятельно ставить цели и достигать их. В этом смысле нужно различать понятия агента в философии или социологии и в юриспруденции. В первом случае акцент делается на самостоятельности лица, определяемого в качестве агента (актора)³, а во втором — на относительной несамостоятельности этого лица, совершающего ряд действий по поручению другого, принципала, соответственно, являющегося исполнителем, способствующим достижению результата, желаемого принципалом.

Развитие технологий искусственного интеллекта достигло уровня, который позволяет создавать системы искусственного интеллекта, проявляющие признаки агентности, т.е. способные представлять человека в отношениях при заключении договоров, выполнении определенных действий и т.д. Существует два основных типа искусственных интеллектуальных агентов (ИИ-агентов): программные агенты (функционируют на компьютере или в смартфоне, используя различные приложения) и воплощенные агенты. Оба типа ИИ-агентов обладают мультимодальностью, т.е. могут обрабатывать как тексты, так и аудио-, видеоданные, анализировать получаемую информацию, давать ответы на вопросы пользователей. Воплощенные агенты в этом смысле особенно интересны, потому что они могут взаимодействовать с виртуальным или физическим миром, автономно решая всё более сложные задачи с растущей эффективностью.

Воплощенные агенты, в свою очередь, бывают физическими и графическими. Первые функционируют в реальном мире в качестве

части киберфизической системы (робота), вторые — в виде воплощенного виртуального агента, действующего в трехмерном виртуальном пространстве и способного изменять поведение, подстраиваясь под окружающую среду. Воплощенные виртуальные агенты могут взаимодействовать в так называемой расширенной реальности (Extended Reality, XR), объединяющей реальный и виртуальный миры; она позволяет погрузить человека в виртуальное окружение и охватывает виртуальную реальность (Virtual Reality, VR), дополненную реальность (Augmented Reality, AR) и смешанную реальность (Mixed Reality, MR). Следует подчеркнуть, что воплощенный виртуальный агент не ограничен виртуальным пространством, а может подключаться к системам типа умного дома и выполнять задачи, результаты которых проявляются в реальном мире, например подстроить освещение под запросы человека, запустить робот-пылесос для уборки помещения, включить чайник через Интернет или организовать доставку еды.

Изначально воплощенные виртуальные агенты начали применяться в компьютерных играх в качестве персонажей, повышающих привлекательность игр для пользователей за счет приближения стиля общения к межличностным контактам людей с помощью вербальных и невербальных средств, таких как речь, интонация, мимика, жесты и т.д. Со временем было замечено, что «персонификация интерфейсных агентов имеет несколько преимуществ, таких как положительное влияние на доверие к агенту и на восприятие опыта обучения»⁴. Исследователи указывали, что присутствие воплощенного виртуального агента на сайте увеличивает расположение пользователя к данному сайту, правда, иногда повышает его беспокойство, несколько снижая производительность выполнения задач, как будто под наблюдением реального человека⁵. Постепенно воплощенных виртуальных агентов в виде диалоговых агентов стали использовать в виртуальных образовательных средах, руководствах

² Яшин А. С. Два взгляда на ощущение агентности // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 2023. Т. 47. № 5. С. 25.

³ Щеглов И. А. Социализация: агенты, институты, факторы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 15.

⁴ Van Mulken S., André E., Müller J. The persona effect: How substantial is it? // People and Computers XIII : Proceedings of HCI' 98. London : Springer-Verlag, 1998. P. 53.

⁵ Rickenberg R., Reeves B. The effects of animated characters on anxiety, task performance, and evaluations of user interfaces // CHI' 00: Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York : ACM Press, 2000. P. 49.

по навигации и интерактивных художественных произведениях. Значительное распространение воплощенные виртуальные агенты получили в сфере клинической психологии, в том числе патопсихологии, помогая обеспечить автоматическое погружение⁶, например в процессе терапии при расстройствах, связанных с употреблением психоактивных веществ, или для выявления причин повышенной тревожности.

С недавнего времени для создания воплощенных виртуальных агентов стали применяться большие языковые модели, лежащие в основе генеративного искусственного интеллекта⁷. Такие агенты используют генеративные модели для имитации человеческого поведения. Они не просто реагируют на обращение человека, дающего команды на естественном языке, но способны делать выводы, создавать планы на определенный период, учитывающие их возможности и получаемый новый опыт, реализовывать эти планы, при необходимости корректируя с учетом изменения обстановки. Виртуальные агенты могут взаимодействовать как с людьми, так и с другими агентами, адаптируясь к различным условиям, т.е. демонстрируя гибкость и креативность, приводящие к желаемому результату. Взаимодействуя между собой, интеллектуальные агенты могут «раскрыть безграничные возможности такой интеграции»⁸, где виртуальные «художники» рисуют, «авторы» пишут, формируют мнения, инициируют беседы, коммуницируют друг с другом, размышляют о прошедших днях или планируют следующий. Такие ИИ-агенты «производят правдоподобное индивидуальное и возникающее социальное поведение»⁹, автономно устанавливая новые контакты и координируя свои действия, чтобы получить общий результат. Кстати, виртуальный секретарь Ева от мобильного оператора «Мегафон», помогаю-

щий отвечать на вызовы, выявлять спамеров, предупреждающий о потенциально опасных сайтах и т.д., вполне возможно назван так на перспективу, ведь аббревиатура английской версии термина «воплощенный виртуальный агент» (Embodied Virtual Agent) — именно EVA.

Итак, воплощенные виртуальные агенты используются для интерактивной помощи пользователям в виртуальном пространстве, «внешне» представляя собой 3D-копии людей или компьютерных персонажей¹⁰. Сегодня воплощенные виртуальные агенты могут обладать обширным и постоянно увеличивающимся функционалом, быть персонажами, развлекающими пользователей в виртуальной среде, виртуальными ассистентами, способными выбрать оптимальную траекторию для достижения заданной цели, кроме того, могут выстраивать межличностное взаимодействие.

Если ранее воплощенные виртуальные агенты выглядели как ожившие герои комиксов, то сейчас высокая степень реалистичности достигается за счет цифрового моделирования с применением искусственного интеллекта на основе цифровых или оцифрованных данных о человеке, что позволяет гиперреалистично имитировать внешний вид, голос, иные уникальные психофизиологические или поведенческие параметры человека. Данные о конкретной персоне могут быть как реальными, так и синтезированными. В итоге воплощенные виртуальные агенты «дорастают» до уровня гиперреалистичных цифровых двойников живых или умерших людей либо до таких же имитаций несуществующих людей. Прогнозируемое создание метавселенных как постоянных виртуальных пространств для взаимодействия людей с цифровыми объектами повысит значимость воплощенных виртуальных агентов: они станут неотъемлемой частью повседневной жизни

⁶ Oker A. Embodied social cognition investigated with virtual agents: The infinite loop between social brain and virtual reality // *Frontiers in Virtual Reality*. 2022. Vol. 3. Art. 962129. P. 1–8.

⁷ Zhao Zh., Chai W., Wang X., Boyi L., Hao Sh., Cao Sh., Ye T., Wang G. See and Think: Embodied Agent in Virtual Environment // *Computer Vision — ECCV 2024 : 18th European Conference, Milan, Italy, September 29 — October 4, 2024, Proceedings / A. Leonardis, E. Ricci, S. Roth, O. Russakovsky, T. Sattler, G. Varol (eds.)*. Springer, 2025. Part VIII. P. 187–204.

⁸ Gill J. K. Embodied Agents for Virtual Interactions. Generative and Embodied Cognitive Agents. 16.09.2024 // URL: <https://www.xenonstack.com/blog/embodied-agents> (дата обращения: 12.01.2025).

⁹ Park J. S., O'Brien J. C., Cai C. J., Morris M. R., Liang P., Bernstein M. S. Generative Agents: Interactive Simulacra of Human Behavior // *UIST' 23: Proceedings of the 36th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology*. New York : Association for Computing Machinery, 2023. Art. 2. P. 1.

¹⁰ Lloyd N., Chowdhry A., Lewis P. R. Trustworthy Embodied Virtual Agents // *Encyclopedia of Computer Graphics and Games / N. Lee (ed.)*. Cham : Springer, 2024. P. 1917–1922.

людей¹¹. Более того, исследователи уже указывают на риск «возможного в будущем доминирования сверхразумных аватаров на основе искусственного интеллекта в метавселенной»¹², тем самым провоцируя непростые вопросы этического и правового характера. В качестве примера можно привести вопрос о том, кто понесет ответственность за автономные действия воплощенного виртуального агента, связанные с творческой деятельностью, с созданием объектов интеллектуальной собственности или затрагивающие неприкосновенность частной жизни. Кстати, обозначение воплощенного виртуального агента как аватара, используемое некоторыми авторами, несколько неточно¹³. Если цифровой аватар человека контролируется им самим, являясь его виртуальным продолжением или цифровым телом, то воплощенный виртуальный агент с развитием технологий искусственного интеллекта, даже представляющий реального человека и созданный по его инициативе, становится всё более автономным, как максимум нацеленным на сотрудничество¹⁴. Сегодня разработчики искусственного интеллекта стараются «воспитать» воплощенных виртуальных агентов, проявляющих просоциальное, т.е. желательное с точки зрения общества, поведение, «характеризующееся действиями, которые приносят пользу другим без личной выгоды»¹⁵. Интересен эксперимент, показывающий, что

даже взаимодействие человека с диалоговым агентом может оказывать влияние на поведение и суждения этого человека. Так, были созданы диалоговые агенты, способные общаться с людьми на темы, связанные со здоровьем, и в результате обнаружилось, что обсуждение здоровья с приятными пользователю агентами противоположного пола увеличивает вероятность выбора здорового питания¹⁶. С учетом того, что благодаря генеративному искусственному интеллекту современные ИИ-агенты могут обрабатывать получаемые от пользователей данные и генерировать высококачественный коммуникативный контент с огромной скоростью¹⁷, общение с подобными агентами как собеседниками становится всё более привлекательным.

2. Включение воплощенных виртуальных агентов в сферу труда

Искусственный интеллект оказывает сильное влияние на сферу труда в целом. Например, объем мирового рынка искусственного интеллекта в 2024 г. только в обрабатывающей промышленности оценивался в 5,94 млрд долл. США. В перспективе ожидается рост этого рынка до 8,57 млрд долл. США в 2025 г. и до 230,95 млрд долл. США к 2034 г. с ежегодным увеличением в среднем на 44,20 % с 2024 по 2034 г.¹⁸ В данном случае речь идет о любых

¹¹ Филипова И. А. Интеллектуальные роботы, киборги, генетически усовершенствованные индивиды, химеры: будущее и задачи права // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2. № 4. С. 760.

¹² Чонг Б. Ч. Возникновение аватаров на основе искусственного интеллекта: юридическая субъектность, права и обязанности в развивающейся метавселенной // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2. № 4. С. 857.

¹³ Noy D., Ribeiro P., Iurgel I. A. Embodied Virtual Agents as a Means to Foster E-Inclusion of Older People // *A Multimodal End-2-End Approach to Accessible Computing* / P. Biswas, C. Duarte, P. Langdon, L. Almeida (eds.). London : Springer, 2015. P. 153–172.

¹⁴ Zhang J., Han B., Dong Z., Wen R., Lee G. A., Hoermann S., Zhang W., Piumsomboon Th. Virtual triplets: a mixed modal synchronous and asynchronous collaboration with human-agent interaction in virtual reality // *CHI' 24: Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York : Association for Computing Machinery, 2024. No. 366. P. 1–8.

¹⁵ Yousefi M., Crowe S. E., Hoermann S., Sharifi M., Romera A., Shahi A., Piumsomboon T. Advancing prosociality in extended reality: systematic review of the use of embodied virtual agents to trigger prosocial behaviour in extended reality // *Frontiers in Virtual Reality*. 2024. Vol. 5. Art. 1386460. P. 1.

¹⁶ Lim S., Schmälzle R., Bente G. Artificial social influence via human-embodied AI agent interaction in immersive virtual reality (VR): Effects of similarity-matching during health conversations. 2024 // URL: <https://arxiv.org/html/2406.05486v1> (дата обращения: 12.01.2025).

¹⁷ Elyoseph Z., Hadar-Shoval D., Asraf K., Lvovsky M. ChatGPT outperforms humans in emotional awareness evaluations // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Art. 1199058. P. 1–7.

¹⁸ Zoting Sh. Artificial Intelligence (AI) in Manufacturing Market Size, Share, and Trends 2024 to 2034 : report. 23.10.2024 // URL: <https://www.precedenceresearch.com/artificial-intelligence-in-manufacturing-market> (дата обращения: 12.01.2025).

системах искусственного интеллекта, не только виртуальных, но и киберфизических по форме, включаемых в производственные процессы, в которых заняты работники. Колоссальное воздействие искусственного интеллекта на трудовые отношения отмечают ведущие специалисты в области трудового права¹⁹.

Появление первых виртуальных помощников в сфере труда (сначала текстовых, затем голосовых) можно назвать результатом использования виртуальных образовательных сред для подготовки персонала, позволяющих обучать работников интерактивно, с возможностью отрабатывать новые навыки в приближенных к реальным, но безопасных условиях. Это особенно важно для работников, условия труда которых относятся к вредным и (или) опасным. Вполне логично, что элементы геймификации, содействующие повышению увлеченности обучающихся, повлекли развитие этого направления и создание диалоговых, а затем и более сложных воплощенных виртуальных агентов, способных «работать» в трехмерной среде, правда, их облик был далек от совершенства, а возможности были ограничены задачами обучения. С появлением цифровых платформ возникли элементы виртуальной геймификации рабочего процесса, так сформировались виртуальные корпоративные площадки для нетворкинга, взаимодействие на которых осуществляется работниками через своих аватаров, помимо которых в виртуальном пространстве могут присутствовать и воплощенные виртуальные агенты, функционирующие более или менее автономно от людей.

С распространением удаленной работы из-за пандемии COVID-19 запрос на продукты технологий виртуальной и дополненной реальности значительно вырос. Это простимулировало приток инвестиций в разработку таких продуктов. К настоящему моменту ИИ-агент в бизнесе — это виртуальный помощник, пришедший на смену обычным чат-ботам, при-

меняемым компаниями для обслуживания клиентов. По сути, этот продукт — результат выхода на следующий уровень развития технологий, задействованных при создании чат-ботов. В отличие от обычных чат-ботов ИИ-агент способен самостоятельно выполнять команды на естественном языке и обрабатывать задачи без надзора, например, анализируя обращения клиентов с жалобами, проверяя номера заказов в базах данных компании и обрабатывая их согласно корпоративной политике. Пока это системы с узким и конкретным применением, используемые для обслуживания клиентов или в качестве программного обеспечения для автоматизации рабочих процессов. Это еще не универсальные ИИ-агенты, способные выполнять разнообразные сложные задачи, подобно работнику-человеку. Тем не менее сегодня виртуальные агенты используются для подбора персонала, мониторинга эффективности работников, для взаимодействия с клиентами компании, формируя персонализированные предложения и автоматизируя клиентское обслуживание. Виртуальные агенты в виде продвинутых чат-ботов взяли на себя некоторые обязанности, выполнявшиеся работниками ранее в ритейле, банковском секторе, здравоохранении и т.д. С возрастающим уровнем платформизации экономики увеличивается и процент маркетплейсов, использующих виртуальных помощников; так, по состоянию на 2023 г. доля маркетплейсов с внедренными чат-ботами уже достигала 75 %²⁰. Да, пока еще ИИ-агенты могут заменить работников только в выполнении отдельных задач, но важна динамика, а вектор и скорость развития технологий позволяют говорить о быстром изменении ситуации.

Руководитель одного из мировых IT-гигантов (компания OpenAI) С. Альтман в начале 2025 г. написал в блоге о том, что «“виртуальные сотрудники” смогут присоединиться к рабочей силе уже в этом году»²¹, подчеркнув, что это

¹⁹ *De Stefano V., Doellgast V. Regulating AI at work: labour relations, automation, and algorithmic management // Transfer : European Review of Labour and Research. 2023. Vol. 29. Iss. 1. P. 9 ; Aloisi A. Boss Ex Machina: Employer Powers in Workplaces Governed by Algorithms and Artificial Intelligence // New technologies and labour law. Selected topics / A. Lo Faro (ed.). Turin : Giappichelli Pub., 2023. P. 15.*

²⁰ *Курашева А. Доля маркетплейсов с внедренными чат-ботами достигла 75 % // Ведомости. 21.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/21/981513-dolya-marketpleisov-s-vnedrennimi-chat-botami> (дата обращения: 12.01.2025).*

²¹ *Milmo D. «Virtual employees» could join workforce as soon as this year, OpenAI boss says // Guardian. 06.01.2025. URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/jan/06/virtual-employees-could-join-workforce-as-soon-as-this-year-openai-boss-says> (дата обращения: 12.01.2025).*

поменяет результаты работы. Такой «сотрудник» — это не просто текстовый или голосовой помощник типа чат-бота: он обладает значительно большей автономностью, не требует вмешательства человека для перехода от одной решенной задачи к выполнению следующей, сам способен выстраивать план работы, задействовать разнообразные инструменты для достижения поставленных целей через поиск в Интернете, использование нейросетей, самостоятельное написание кода и т.д.

Что интересно, одной из первых корпораций, внедряющих в рабочий процесс таких «сотрудников», стала крупнейшая консалтинговая компания McKinsey, создавшая агента для обработки новых клиентских запросов и планирования встреч. В компании считают, что к 2030 г. примерно треть необходимых бизнесу рабочих часов может быть автоматизирована, из-за чего «занятость в офисной поддержке, обслуживании клиентов и сфере общественного питания может продолжиться снижаться»²². Разработка моделей искусственного интеллекта, которые положены в основу таких «сотрудников», активно ведется не только OpenAI, но и другими IT-гигантами, в частности Microsoft, Anthropic и т.д.

Воплощенный виртуальный агент с течением времени станет привычной для работников «частью трудового коллектива», когда взаимодействие с такими ИИ-агентами в процессе выполнения рабочих задач будет ежедневной практикой. В каких областях это проявится наиболее сильно? Как уже упоминалось, бизнес заинтересован во внедрении ИИ-агентов (которым не требуются перерывы на обед, отпуска, больничные и т.д.) для общения с клиентами, поставщиками, т.е. воплощенные виртуальные агенты могут заменить работников, в трудовые обязанности которых входит реализация этой функции. Кроме того, роль программных ИИ-агентов, сегодня задействованных в подборе персонала и мониторинге эффективности

работников, будут выполнять подобные «виртуальные сотрудники», которым не потребуются контроль со стороны человека в том объеме, в котором он необходим программным ИИ-агентам в настоящее время. Фактически сокращается потребность в части администрации в конкретной организации, так как функции работодателя по управлению и контролю за рабочими процессами возьмут на себя ИИ-агенты более высокого уровня. Работодателю не нужно будет держать в штате значительную долю имеющихся на данный момент работников, чьи трудовые обязанности ограничены коммуникативными, управленческими и контрольными функциями.

Появление продуктов на основе генеративного искусственного интеллекта значительно ускорило происходящую на протяжении последних десятилетий автоматизацию производственных задач. По оценкам аналитиков компании Goldman Sachs, основанным на анализе статистических данных, связанных с выполнением работниками своих профессиональных задач (география данных включает США и Европейский Союз), примерно 2/3 существующих сегодня рабочих мест подвержены автоматизации из-за внедрения искусственного интеллекта, а продукты на основе генеративного искусственного интеллекта смогут охватить «до четверти текущей работы». Экстраполируя полученные результаты на весь мир, аналитики Goldman Sachs оценивают возможности такой интеллектуальной автоматизации в «эквивалент 300 млн рабочих мест с полной занятостью»²³, что, разумеется, вызывает опасения у работников.

Согласно отчету о состоянии интеллектуальной автоматизации на предприятиях, подготовленному специалистами технологической компании ABBYY, некоторые работники уже воспринимают нарастающую интеллектуальную автоматизацию как неизбежную часть рабочего процесса и настроены позитивно²⁴, что отнюдь

²² Ellingrud K., Sanghvi S., Singh Dandona G., Madgavkar A., Chui M., White O., Hasebe P. Generative AI and the future of work in America : Report / McKinsey Global Institute. 26.07.2023 // URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/generative-ai-and-the-future-of-work-in-america> (дата обращения: 12.01.2025).

²³ Hatzius J., Briggs J., Kodnani D., Pierdomenico G. The Potentially Large Effects of Artificial Intelligence on Economic Growth : Global Economics Analyst. 26.03.2023 // URL: <https://www.gspublishing.com/content/research/en/reports/2023/03/27/d64e052b-0f6e-45d7-967b-d7be35fabd16.html> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁴ Ray G. AI budgets increased over 80 % within enterprises globally, according to the ABBYY State of Intelligent... 20.09.2023 // URL: <https://www.abbyy.com/company/news/abbyy-state-of-intelligent-automation-report/> (дата обращения: 12.01.2025).

не исключает негативной позиции других, обеспокоенных происходящими изменениями и их последствиями. Говоря об отношении работников к внедрению воплощенных виртуальных агентов на «рабочие места», приводящему к неизбежности ежедневной коммуникации «человек — ИИ-агент», стоит учитывать и то, что молодые работники, начиная с поколения миллениалов, предпочитают рабочие места, оборудованные достижениями новых технологий. В этом смысле VR/AR-технологии являются наиболее подходящими, а привлечение и удержание упомянутого поколения работников имеет решающее значение для современных работодателей, потому что к 2025 г. миллениалы составляют примерно 75 % глобальной рабочей силы²⁵.

Кстати, старение населения планеты и нехватка кадров дополнительно стимулируют интеллектуальную автоматизацию сферы труда. Не только бизнес заинтересован в вовлечении «продвинутых» ИИ-агентов, способных заменить работников, но и социальная сфера. Сегодня активно разрабатываются модели, которые должны послужить основой для создания воплощенных виртуальных агентов, предназначенных для взаимодействия с одинокими людьми, пожилыми пациентами, лицами, страдающими нейродегенеративными заболеваниями, и их окружением²⁶.

3. Социально значимые последствия внедрения воплощенных виртуальных агентов в сферу труда

Можно выделить следующие плюсы внедрения воплощенных виртуальных агентов в трудовые отношения.

1. Значительную часть рабочего времени сотрудники компаний тратят на поиск информации, необходимой для обслуживания клиентов и взаимодействия с контрагентами, а также на выполнение однообразных заданий. В указанных ситуациях ИИ-агент будет гораздо

эффективнее человека, освобождая работников от части скучных и трудозатратных задач. ИИ-агенты быстрее справляются с заданиями и реже, чем люди, ошибаются.

2. В условиях растущей нехватки кадров, соответствующих требованиям работодателя, когда обучение каждого нового работника (если предыдущий по каким-то причинам покинул место работы) становится длительным процессом, который может занять месяцы, отвлекая других работников от их повседневных трудовых обязанностей и являясь дополнительным очагом раздражения, настройка виртуального интеллектуального помощника займет меньше времени и избавит работодателя от проблем, связанных с поиском и подготовкой нового сотрудника.

3. Воплощенные виртуальные агенты прекрасно совместимы с алгоритмическим управлением, получающим всё большее распространение в сфере труда. Алгоритмическое управление применяется на предприятиях, на нем основаны и цифровые трудовые платформы, которые являются не просто посредниками между фактическими работниками и работодателями, а «всё более сложными автоматизированными системами для управления всеми аспектами предоставления услуг — от явного контроля за маршрутизацией и ценообразованием до более тонких подталкиваний, направляющих поведение работников»²⁷. С непрекращающимся ростом доли нетипичной занятости в общей структуре занятости населения это приобретает особое значение.

Среди отрицательных моментов, связанных с воздействием воплощенных виртуальных агентов на трудовые отношения, можно назвать как общие, характерные для включения искусственного интеллекта в сферу труда, так и сопряженные непосредственно с интеллектуальной автоматизацией сферы труда с помощью воплощенных виртуальных агентов. К первой группе можно отнести следующие минусы:

1. Замена части работников системами искусственного интеллекта лишит этих людей ра-

²⁵ Key statistics about Millennials in the workplace. 10.05.2024 // URL: <https://firstup.io/blog/key-statistics-millennials-in-the-workplace/> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁶ Ahmed A., Butts E., Naeiji K., Thiamwong L., Ancis J., Daher S. Aware Intelligent Virtual Agent's Effect on Social Presence and Empathy of Caregivers // IVA' 24: Proceedings of the 24th ACM International Conference on Intelligent Virtual Agents / R. Jack, M. Chollet, R. Aylett, T. Bickmore, S. Marsella, G. Lucas (eds.). New York : Association for Computing Machinery, 2024. Art. 27. P. 1–5.

²⁷ Adams-Prassl J., Abraha H., Kelly-Lyth A., Silberman M., Rakshita S. Regulating algorithmic management: A blueprint // European Labour Law Journal. 2023. Vol. 14. Iss. 2. P. 125.

бочих мест, им придется искать новые, что как минимум на какое-то время сделает их жизнь менее стабильной и, соответственно, гораздо менее комфортной.

2. Внедрение систем искусственного интеллекта с большой вероятностью приведет к структурной безработице, возникающей из-за несоответствия умений и навыков работников требованиям работодателей. В свое время с распространением автомобилей извозчики, управлявшие гужевыми повозками, потеряли возможность трудиться, их место заняли таксисты, но мало кто из извозчиков смог стать таксистами. Так же и потерявшим места работникам, скорее всего, придется переучиваться и искать новую область для зарабатывания средств к существованию.

3. Условия труда работников, сохранивших свои места, тем не менее тоже изменятся, что потребует от них адаптации, освоения новых компетенций, т.е. затрат дополнительных ресурсов в виде времени и сил, которыми они располагают в ограниченном объеме.

4. Развитие технологий искусственного интеллекта и совершенствование продуктов на основе этих и смежных технологий (робототехнических, виртуальной реальности и т.д.) будут способствовать дальнейшему замещению людей на производстве и в сфере услуг искусственными интеллектуальными системами, ведь экономика всё больше основывается не на наемном труде, а на автоматизированно-автономном производстве²⁸.

5. Постоянно снижается уровень конфиденциальности персональных данных работников, так как системы искусственного интеллекта обладают многократно превосходящими человеческие возможностями поиска, получения и анализа данных.

Ко второй группе минусов, непосредственно связанных с воплощенными виртуальными агентами, относятся следующие:

— ИИ-агенты пока не достигли уровня креативности человека — вот преимущество, которое есть у людей на сегодняшний день, но которое, по прогнозам специалистов, будет

достаточно быстро в ближайшие годы и даже месяцы таять;

— замена части работников на ИИ-агентов будет способствовать дегуманизации рабочей среды, ведь межличностные отношения представляют собой значимую ее часть, как следствие, повысятся психосоциальные риски работников, что может иметь негативный эффект для их психического здоровья, а также снизит возможности проявлять инициативу на рабочем месте.

Можно констатировать, что плюсы внедрения искусственного интеллекта относятся в основном к работодателю, а минусы касаются работников, т.е. баланс в отношениях между работником и работодателем всё больше нарушается. Для наглядности обратимся к опубликованному в январе 2025 г. отчету Всемирного экономического форума (Future of Jobs Report 2025), посвященному перспективам наемного труда и основанному на данных, полученных от «более 1 000 ведущих мировых работодателей, в совокупности представляющих более 14 млн работников в 22 отраслевых кластерах и 55 экономиках со всего мира»²⁹. Согласно отчету, в течение ближайших пяти лет 41 % от опрошенных работодателей планируют произвести сокращение работников за счет автоматизации задач, возможной благодаря искусственному интеллекту. При найме новых сотрудников около 70 % работодателей намерены брать на работу специалистов по разработке и совершенствованию ИИ-инструментов, а 62 % — лиц, обладающих навыками работы с искусственным интеллектом. Отмечается, что рынок труда фундаментально меняется: спрос растет на вышеперечисленные категории работников, зато снижается на профессионалов, чьи трудовые функции способен выполнять искусственный интеллект, в том числе генеративный, применяемый к решению задач творческого характера. Технологии искусственного интеллекта и автономные системы названы основными драйверами трансформации бизнеса в 2025–2030 гг. Относясь к таким системам, свою нишу займут и воплощенные виртуальные агенты, что неизбежно отразится на людях.

²⁸ Nissim G., Simon T. The future of labor unions in the age of automation and at the dawn of AI // *Technology in Society*. 2021. Vol. 67. Art. 101732. P. 1–9.

²⁹ Future of Jobs Report 2025. World Economic Forum. January 2025 // URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (дата обращения: 12.01.2025). P. 5.

4. Правовые вопросы, связанные с включением воплощенных виртуальных агентов в систему трудовых отношений

Одной из основных задач трудового законодательства является поддержание баланса в отношениях «работник — работодатель», это подчеркивается в ст. 1 ТК РФ, в которой упоминается о важности «создания необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений». Внедрение искусственного интеллекта в сферу труда и распространение воплощенных виртуальных агентов нарушают равновесие сторон трудовых отношений. Причем если искусственный интеллект, имеющий форму киберфизической системы (интеллектуальный робот), затратен для масштабирования, то виртуальная система как результат обучения соответствующей модели искусственного интеллекта в этом плане обладает преимуществами, следовательно, распространение виртуальных искусственных интеллектуальных систем в сфере труда будет идти, а точнее уже происходит, значительно быстрее.

Внедрение воплощенных виртуальных агентов окажет следующее воздействие на отношения между работодателями и работниками.

1. Виртуальные ИИ-агенты заберут часть задач, которые выполнялись людьми, чем спровоцируют трансформацию трудовой функции этих работников. Трудовая функция как совокупность задач и обязанностей работника определяется трудовым договором, являясь его обязательным условием (ст. 57 ТК РФ), т.е. важным элементом трудовых отношений. Изменение трудовой функции, согласно трудовому законодательству (ст. 72 ТК РФ), возможно только по соглашению с работником. Согласие не требуется лишь в исключительных случаях, например для перевода работника на другую работу на срок в пределах одного месяца при наличии производственной необходимости у работодателя и одновременном отсутствии медицинских противопоказаний у работника, притом что работа не должна быть требующей более низкой квалификации. Соответственно, можно спрогнозировать ситуацию, когда работодатель принял решение использовать воплощенного виртуального агента для осуществления ряда задач, выполняемых ранее этим работником, а возможно, сразу несколькими работниками. Работодатель вправе предложить работнику взять на себя осуществление иных задач, чтобы

восполнить изъятую часть трудовой функции. Скорее всего, это будет реализовано путем изменения определенных сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда, т.е. в порядке, предусмотренном статьей 74 ТК РФ. Тогда у работника есть два месяца на то, чтобы, подумав, согласиться с новыми условиями или отказаться и быть уволенным.

2. Виртуальные ИИ-агенты будут функционировать автономно, но взаимодействуя в процессе работы с сотрудниками данного работодателя, т.е., даже если виртуальный ИИ-агент не заберет задачи какого-либо работника, ему придется в процессе реализации своей трудовой функции контактировать с таким виртуальным интеллектуальным «коллегой», иногда выполняя задания сообща. Совместное выполнение заданий с системой искусственного интеллекта для работника сопряжено с некоторыми особенностями, ведь такой системе не нужен отдых, который требуется человеку, зато необходимо получение данных, на основании которых ее работа будет корректной. Эти данные могут включать разнообразную информацию, в том числе о психофизиологических реакциях человека на внешние раздражители: движениях глаз, частоте сердечного ритма и т.д. В результате доступа к многочисленным персональным данным система искусственного интеллекта может смоделировать поведение конкретного человека в будущем с высокой степенью вероятности. Работодатель (представитель работодателя) получит возможность оценить, нуждается ли он в таком работнике, хотя никаких очевидных проявлений, которые позволили бы ему задуматься об этом без помощи искусственного интеллекта, пока не замечено. То есть работодатель, активно задействующий системы искусственного интеллекта, получает еще одно преимущество перед работником: благодаря сбору данных и их интеллектуальному анализу он может узнать про сотрудника то, что тот не всегда сам осознает.

3. Воплощенные виртуальные агенты лишат часть работников мест, так как заберут их основные профессиональные задачи. Это касается тех работников, которые по роду деятельности, носящей творческий характер, должны привлекательно презентовать себя (актеры, шоумены, дикторы, комментаторы, модели и т.д.), но не являются звездами первой величины. В 2023 г. одной из главных причин забастов-

ки актеров Голливуда, первой за почти полстолетия, стало быстро нарастающее применение искусственного интеллекта в киноиндустрии. Пока в основном создаются дипфейки, за счет чего в новых фильмах появляются образы актеров, уже ушедших из жизни, но в дальнейшем всё шире будет использование искусственного интеллекта в дополнение к людям и вместо людей. Объявив забастовку, профсоюз актеров потребовал от Альянса продюсеров кино и телевидения Голливуда ограничить использование генеративного искусственного интеллекта для воспроизведения образов актеров³⁰. Альянс пошел на некоторые уступки, но в целом требования, выдвинутые профсоюзом актеров, удовлетворены не были, так что через некоторое время стороны, без сомнения, продолжат спор о границах использования искусственного интеллекта в киноиндустрии.

В условиях реализации большинством государств, в том числе Россией, национальных стратегий развития искусственного интеллекта, направленных на ускорение развития технологий и эффективное устранение барьеров для применения искусственного интеллекта на практике³¹, необходимым становится решение с помощью права таких вопросов:

- как сохранить рабочие места за людьми, причем не только количественно, но и качественно;

- как обеспечить конфиденциальность данных работников;

- как совместить новые возможности работодателя по использованию технологических достижений, в частности внедрению воплощенных виртуальных агентов в сферу труда, с социально-трудовыми правами работников: на отдых, на полную и достоверную информацию об условиях труда, на защиту от безработицы и т.д.

Необходимо понимать, что в недалекой перспективе работодатель сможет повысить эффективность управления, широко задейст-

вовав системы искусственного интеллекта, в том числе воплощенных виртуальных агентов, для осуществления управленческих функций, когда такие ИИ-агенты будут контролировать работников в интересах работодателя. Некоторые исследователи считают, что современные сильно фрагментированные правовые рамки не в состоянии «обеспечить гарантии, способные предотвратить опасности, вытекающие из организационных практик, основанных на искусственном интеллекте»³². Из-за очевидной утраты равновесия в отношениях сторон трудового договора отдельные авторы задумываются даже об отказе от частноправовых основ трудового права и о превращении его в право занятости как часть публично-правовой сферы. С учетом наличия работодательской власти и подчинения работника в процессе трудовых отношений, «несмотря на то, что эта власть и подчинение “покрыты” договорными и частноправовыми обличьями, чтобы сделать их приемлемыми для публичного дискурса», предлагается не игнорировать тот факт, что «их истоки укоренены в публичном праве»³³. Если согласиться с позицией этих исследователей, то корректировка законодательства при описанных масштабах влияния искусственного интеллекта на трудовые отношения должна носить радикальный характер.

Заключение

Поиск путей решения проблем, появляющихся с включением воплощенных виртуальных агентов в сферу труда, находится в самом начале. Это связано с тем, что пока воплощенные виртуальные агенты не способны демонстрировать сильный искусственный интеллект и выступают инструментами ограниченного применения, будучи не в состоянии полностью заменить человека на рабочем месте. Их потенциал еще неочевиден для широкого круга лиц, отдельные из кото-

³⁰ Welk B. The 3 Biggest AI Questions That Should Have Actors Worried // IndieWire. 11.07.2023. URL: <https://www.indiewire.com/news/analysis/actors-biggest-ai-questions-explained-1234881049/> (дата обращения: 12.01.2025).

³¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³² Aloisi A., De Stefano V. Between risk mitigation and labour rights enforcement: assessing the transatlantic race to govern AI-driven decision-making through a comparative lens // European Labour Law Journal. Vol. 14. Iss. 2. P. 283.

³³ De Stefano V., Countouris N. «Lifting the Private-Law Veil»: Employer Authority and the «Contractual-Coating» of Worker Subordination // Comparative Labor Law & Policy Journal. 2024. Vol. 44. Iss. 3. P. 1.

рых, вероятно, предложили бы оптимальный вариант решения при глубоком погружении в проблему. На данный момент можно утверждать, что благодаря своим характеристикам и с учетом вектора развития соответствующих технологий воплощенные виртуальные агенты смогут заместить некоторых работников на местах. Речь идет не об отдельных людях, а о целых профессиональных группах, причем труд этих работников является интеллектуальным, может носить творческий характер. Тем самым в новую зону турбулентности попадают те группы, которых почти не касается внедрение интеллектуальной робототехники. Если интеллектуальные роботы задействуются в промышленном производстве и в сфере услуг для выполнения

физической работы, то виртуальные ИИ-агенты предназначаются для той, которая традиционно осуществлялась работниками умственного труда. Это значит, что не только актеры, иные представители кино-, медиа- или фэшн-индустрии, но и преподаватели, юристы в ближайшие годы ощутят на себе последствия развития такого направления технологий, как воплощенные виртуальные агенты. Острота вопросов, связанных с трудовыми отношениями, стороной в которых являются эти работники, и в целом вопроса сохранения занятости выйдет на новый уровень и потребует не только пристального внимания правоведов, но и конкретных предложений по регулированию отношений из-за изменившихся условий социальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Филипова И. А. Интеллектуальные роботы, киборги, генетически усовершенствованные индивиды, химеры: будущее и задачи права // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2. № 4. С. 741–781.
- Чонг Б. Ч. Возникновение аватаров на основе искусственного интеллекта: юридическая субъектность, права и обязанности в развивающейся метавселенной // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2. № 4. С. 857–885.
- Щеглов И. А. Социализация: агенты, институты, факторы // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016. № 4. С. 14–17.
- Яшин А. С. Два взгляда на ощущение агентности // *Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия»*. 2023. № 5. С. 25–40.
- Acemoglu D., Restrepo P. The wrong kind of AI? Artificial intelligence and the future of labor demand // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 25–35.
- Adams-Prassl J., Abrahams H., Kelly-Lyth A., Silberman M., Rakshita S. Regulating algorithmic management: A blueprint // *European Labour Law Journal*. 2023. Vol. 14. Iss. 2. P. 124–151.
- Ahmed A., Butts E., Naeiji K., Thiamwong L., Ancis J., Daher S. Aware Intelligent Virtual Agent's Effect on Social Presence and Empathy of Caregivers // *IVA' 24: Proceedings of the 24th ACM International Conference on Intelligent Virtual Agents* / R. Jack, M. Chollet, R. Aylett, T. Bickmore, S. Marsella, G. Lucas (eds.). New York : Association for Computing Machinery, 2024. Art. 27. P. 1–5.
- Aloisi A. Boss Ex Machina: Employer Powers in Workplaces Governed by Algorithms and Artificial Intelligence // *New technologies and labour law. Selected topics* / A. Lo Faro (ed.). Turin : Giappichelli Pub, 2023. P. 15–24.
- Aloisi A., De Stefano V. Between risk mitigation and labour rights enforcement: assessing the transatlantic race to govern AI-driven decision-making through a comparative lens // *European Labour Law Journal*. Vol. 14. Iss. 2. P. 283–307.
- De Stefano V., Countouris N. «Lifting the Private-Law Veil»: Employer Authority and the «Contractual-Coating» of Worker Subordination // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2024. Vol. 44. Iss. 3. P. 1–20.
- De Stefano V., Doellgast V. Regulating AI at work: labour relations, automation, and algorithmic management // *Transfer. European Review of Labour and Research*. 2023. Vol. 29. Iss. 1. P. 9–20.
- Elyoseph Z., Hadar-Shoval D., Asraf K., Lvovsky M. ChatGPT outperforms humans in emotional awareness evaluations // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Art. 1199058. P. 1–7.
- Korinek A., Stiglitz J. E. Artificial intelligence and its implications for income distribution and unemployment // *The economics of artificial intelligence: An agenda* / A. Agrawal, J. Gans, A. Goldfarb (eds.). Chicago : University of Chicago Press, 2019. P. 349–390.
- Lim S., Schmälzle R., Bente G. Artificial social influence via human-embodied AI agent interaction in immersive virtual reality (VR): Effects of similarity-matching during health conversations. 2024 // URL: <https://arxiv.org/html/2406.05486v1>.

- Lloyd N., Chowdhry A., Lewis P. R. Trustworthy Embodied Virtual Agents // *Encyclopedia of Computer Graphics and Games* / N. Lee (ed.). Cham : Springer, 2024. P. 1917–1922.
- Mancini M., Niewiadomski R., De Lucia G., Longobardi F. M. A Virtual Agent as a Commensal Companion // *IVA' 24: Proceedings of the 24th ACM International Conference on Intelligent Virtual Agents* / R. Jack, M. Chollet, R. Aylett, T. Bickmore, S. Marsella, G. Lucas (eds.). New York : Association for Computing Machinery, 2024. Art. 26. P. 1–4.
- Nissim G., Simon T. The future of labor unions in the age of automation and at the dawn of AI // *Technology in Society*. 2021. Vol. 67. Art. 101732. P. 1–9.
- Noy D., Ribeiro P., Iurgel I. A. Embodied Virtual Agents as a Means to Foster E-Inclusion of Older People // *A Multimodal End-2-End Approach to Accessible Computing* / P. Biswas, C. Duarte, P. Langdon, L. Almeida (eds.). London : Springer, 2015. P. 153–172.
- Oker A. Embodied social cognition investigated with virtual agents: The infinite loop between social brain and virtual reality // *Frontiers in Virtual Reality*. 2022. Vol. 3. Art. 962129. P. 1–8.
- Park J. S., O'Brien J. C., Cai C. J., Morris M. R., Liang P., Bernstein M. S. Generative Agents: Interactive Simulacra of Human Behavior // *UIST' 23: Proceedings of the 36th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology*. New York : Association for Computing Machinery, 2023. Art. 2. P. 1–22.
- Rickenberg R., Reeves B. The effects of animated characters on anxiety, task performance, and evaluations of user interfaces // *CHI' 00: Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems*. New York : ACM Press, 2000. P. 49–56.
- Van Mulken S., André E., Müller J. The persona effect: How substantial is it? // *People and Computers XIII : Proceedings of HCI' 98*. London : Springer-Verlag, 1988. P. 53–66.
- Yousefi M., Crowe S. E., Hoermann S., Sharifi M., Romera A., Shahi A., Piumsomboon T. Advancing prosociality in extended reality: systematic review of the use of embodied virtual agents to trigger prosocial behaviour in extended reality // *Frontiers in Virtual Reality*. 2024. Vol. 5. Art. 1386460. P. 1–18.
- Zhang J., Han B., Dong Z., Wen R., Lee G. A., Hoermann S., Zhang W., Piumsomboon Th. Virtual triplets: a mixed modal synchronous and asynchronous collaboration with human-agent interaction in virtual reality // *CHI' 24: Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York : Association for Computing Machinery, 2024. No. 366. P. 1–8.
- Zhao Zh., Chai W., Wang X., Boyi L., Hao Sh., Cao Sh., Ye T., Wang G. See and Think: Embodied Agent in Virtual Environment // *Computer Vision — ECCV 2024 : 18th European Conference, Milan, Italy, September 29 — October 4, 2024, Proceedings* / A. Leonardis, E. Ricci, S. Roth, O. Russakovsky, T. Sattler, G. Varol (eds.). Part VIII. Springer, 2025. P. 187–204.

REFERENCES

- Acemoglu D, Restrepo P. The wrong kind of AI? Artificial intelligence and the future of labour demand. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2020;13(1):25-35.
- Adams-Prassl J, Abraha H, Kelly-Lyth A, Silberman M, Rakshita S. Regulating algorithmic management: A blueprint. *European Labour Law Journal*. 2023;14(2):124-151.
- Ahmed A, Butts E, Naeiji K, Thiamwong L, Ancis J, Daher S. Aware Intelligent Virtual Agent's Effect on Social Presence and Empathy of Caregivers. In: Jack R., Chollet M, Aylett R, Bickmore T, Marsella S, Lucas G. (eds.). *IVA '24: Proceedings of the 24th ACM International Conference on Intelligent Virtual Agents*. Art. 27. P. 1–5. New York: Association for Computing Machinery; 2024.
- Aloisi A, De Stefano V. Between risk mitigation and labour rights enforcement: assessing the transatlantic race to govern AI-driven decision-making through a comparative lens. *European Labour Law Journal*. 2023;14(2):283-307.
- Aloisi A. Boss Ex Machina: Employer Powers in Workplaces Governed by Algorithms and Artificial Intelligence. In: Lo Faro A. (ed.). *New technologies and labour law*. P. 15–24. Selected topics. Giappichelli Pub; 2023.
- Cheong BCh. The Rise of AI Avatars: Legal Personhood, Rights and Liabilities in an Evolving Metaverse. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(4):857-885.
- Chsheglov IA. Socialization: Agents, Institutions, Factors. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2016;4:14-17. (In Russ.).

De Stefano V, Countouris N. «Lifting the Private-Law Veil»: Employer Authority and the «Contractual-Coating» of Worker Subordination. *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2024;44(3):1-20.

De Stefano V, Doellgast V. Regulating AI at work: labour relations, automation, and algorithmic management. *Transfer. European Review of Labour and Research*. 2023;29(1):9-20.

Elyoseph Z, Hadar-Shoval D, Asraf K, Lvovsky M. ChatGPT outperforms humans in emotional awareness evaluations. *Frontiers in Psychology*. 2023;14:1-7. Art. 1199058.

Filipova IA. Intelligent Robots, Cyborgs, Genetically Enhanced Individuals, Chimeras: the Future and the Challenges of Law. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(4):741-781.

Korinek A, Stiglitz JE. Artificial intelligence and its implications for income distribution and unemployment. In: Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. (eds.). *The economics of artificial intelligence: An agenda*. P. 349–390. Chicago: University of Chicago Press; 2019.

Lim S, Schmäzle R, Bente G. Artificial social influence via human-embodied AI agent interaction in immersive virtual reality (VR): Effects of similarity-matching during health conversations. 2024. Available at: <https://arxiv.org/html/2406.05486v1> [Accessed 12.01.2025].

Lloyd N, Chowdhry A, Lewis PR. Trustworthy Embodied Virtual Agents. In: Lee N. (ed.). *Encyclopedia of Computer Graphics and Games*. P. 1917–1922. Springer, Cham Publ.; 2024.

Mancini M, Niewiadomski R, De Lucia G, Longobardi FM. A Virtual Agent as a Commensal Companion. In: Jack R, Chollet M, Aylett R, Bickmore T, Marsella S, Lucas G. (eds.). *IVA '24: Proceedings of the 24th ACM International Conference on Intelligent Virtual Agents*. Art. 26. P. 1–4. New York: Association for Computing Machinery Publ.; 2024.

Nissim G, Simon T. The future of labor unions in the age of automation and at the dawn of AI. *Technology in Society*. 2021;67:1-9. Art. 101732.

Noy D, Ribeiro P, Iurgel IA. Embodied Virtual Agents as a Means to Foster E-Inclusion of Older People. In: Biswas P, Duarte C, Langdon P, Almeida L (eds.). *A Multimodal End-2-End Approach to Accessible Computing*. P. 153–172. London: Springer; 2015.

Oker A. Embodied social cognition investigated with virtual agents: The infinite loop between social brain and virtual reality. *Frontiers in Virtual Reality*. 2022;3:1-8. Art. 962129.

Park JS, O'Brien JC, Cai CJ, Morris MR, Liang P, Bernstein MS. Generative Agents: Interactive Simulacra of Human Behavior. In: *UIST '23: The 36th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology*. Art. 2. P. 1–22. New York: Association for Computing Machinery; 2023.

Rickenberg R, Reeves B. The effects of animated characters on anxiety, task performance, and evaluations of user interfaces. In: *CHI '00: Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems*. P. 49–56. New York: ACM Press; 2000.

Van Mulken S, André E, Müller J. The persona effect: How substantial is it? *HCI '98: Proceedings of HCI on People and Computers XIII*. P. 53–66. London: Springer-Verlag Publ.; 1988.

Yashin AS. The two views on the feeling of agency. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2023;5:25-40. (In Russ.).

Yousefi M, Crowe SE, Hoermann S, Sharifi M, Romera A, Shahi A, Piumsomboon T. Advancing prosociality in extended reality: systematic review of the use of embodied virtual agents to trigger prosocial behaviour in extended reality. *Frontiers in Virtual Reality*. 2024;5:1-18. Art. 1386460.

Zhang J, Han B, Dong Z, Wen R, Lee GA, Hoermann S, Zhang W, Piumsomboon Th. Virtual triplets: a mixed modal synchronous and asynchronous collaboration with human-agent interaction in virtual reality. In: *Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI EA '24) (ACM)*, 2024;366:1-8.

Zhao Zh, Chai W, Wang X, Boyi L, Hao Sh, Cao Sh, Ye T, Wang G. See and Think: Embodied Agent in Virtual Environment. In: Leonardis A, Ricci E, Roth S, Russakovsky O, Sattler T, Varol G. (eds.). *Computer Vision — ECCV 2024. Lecture Notes in Computer Science*. Springer, 2025;15066:187-204.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филипова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; руководитель Центрально-Азиатского исследовательского центра регулирования искусственного интеллекта при Самаркандском государственном университете
д. 15, Университетский б-р, г. Самарканд 140104, Республика Узбекистан
irinafilipova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Filipova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Labor and Environmental Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Head of the Central Asian Research Center for Artificial Intelligence Regulation at Samarkand State University, Samarkand, Republic of Uzbekistan
irinafilipova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13 января 2025 г.

Статья получена после рецензирования 18 января 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 13.01.2025.

Revised 18.01.2025.

Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.039-054

Г. С. Мацакян

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Вещные титулы на чужие жилые помещения в современном гражданском праве: проблемы определения и толкования

Резюме. Анализируя особенности известных континентальным правопорядкам вещных титулов на чужие жилые помещения, автор обосновал ряд выводов. Так, в российском гражданском законодательстве классическим вещным титулом, оформляющим отношения по использованию жилых помещений, обращенных в собственность других лиц, является право пользования жилым помещением, которое возникает в силу завещательного отказа или на основании договора пожизненного содержания с иждивением, включающего условие о том, что получатель ренты сохраняет за собой право пользования жилым помещением после его приобретения плательщиком ренты. Обосновано, что отказополучатель и получатель ренты становятся носителями названного юридически прочного титула с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости. Выявлено, что в германском законодательстве аналогом права пользования жилым помещением является право на жилое помещение, которое возникает в силу завещательного отказа либо соглашения между собственником и управомоченным лицом (пользователем). Проведен сравнительный анализ права пользования жилым помещением и права на жилое помещение с целью определения их общих и отличительных признаков. Рассмотрены их объекты, субъекты, содержание, основания возникновения и прекращения, особенности осуществления и защиты.

Ключевые слова: вещный титул; недвижимое имущество; жилое помещение; завещательный отказ; пожизненное содержание; обременение недвижимости; узуфрукт; ограниченный личный сервитут; право пользования жилым помещением; право на жилое помещение; пользовладелец; пользователь; государственная регистрация права

Для цитирования: Мацакян Г. С. Вещные титулы на чужие жилые помещения в современном гражданском праве: проблемы определения и толкования. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 39–54. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.039-054

Ownership Interests in another Person's Residential Premises under Modern Civil Law: Issues of Definition and Interpretation

Goar S. Matsakyan

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes ownership interests recognized in continental legal systems that regulate occupancy of another person's dwelling and develops several conclusions. In Russian civil law, the paradigmatic proprietary title governing the use of residential premises owned by another is the right to use residential premises, which arises from a testamentary disposition or from a lifelong maintenance contract with dependency, including cases, when the maintenance recipient retains the right to occupy the premises after their transfer to the payer under the contract. The study contends that both the transferor and the maintenance recipient acquire this ownership interest upon its state registration in the Unified State Register of Real Estate. In German law, the analogue is the right to a dwelling (Wohnrecht), which may arise from a testamentary disposition or from an agreement

© Мацакян Г. С., 2026

between the owner and an authorized occupant. A comparative analysis of the Russian right to use residential premises and the German right to a dwelling identifies their shared and distinguishing features by examining their objects, subjects, content, grounds for acquisition and termination, and the particularities of their exercise and protection.

Keywords: ownership interest; immovable property; living quarters; probate waiver; lifelong maintenance; encumbrance of real estate; usufruct; limited personal easement; the right to use residential premises; right to housing; user owner; user; state registration of law

Cite as: Matsakyan GS. Ownership Interests in another Person's Residential Premises under Modern Civil Law: Issues of Definition and Interpretation. *Lex russica*. 2026;79(2):39-54. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.039-054

Введение

Одним из ключевых направлений развития современного российского гражданского законодательства является разработка действенных правовых конструкций, способствующих реализации конституционного права граждан на жилище. Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства неоднократно указывал на необходимость закрепления в российском законодательстве новых вещных титулов¹, оформляющих отношения по использованию чужих жилых помещений. Попытки введения в гражданское законодательство конструкций жилищного уз-

фрукта² и социального пользования³, как известно, оказались безуспешными⁴.

Действующему российскому гражданскому законодательству известен лишь один классический вещный титул, обеспечивающий юридически прочную возможность использовать жилое помещение, принадлежащее другому лицу. В этом качестве выступает право пользования квартирой, жилым домом или иным жилым помещением, которое возникает на основании договора пожизненного содержания с иждивением (п. 1 ст. 601 ГК РФ, ст. 34 ЖК РФ) или в силу завещательного отказа (п. 2 ст. 1137 ГК РФ, ст. 33 ЖК РФ)⁵. Аналогичный вещный титул закреплен в зарубежных континентальных

¹ Под вещными титулами имеются в виду право собственности и другие вещные права. Вещные титулы на недвижимые вещи подлежат государственной регистрации (ст. 81, 131 ГК РФ, п. 6 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344 (далее — Закон о регистрации недвижимости)).

² Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе (принята на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 15 декабря 2003 г. (протокол № 18)) // URL: <http://www.civilista.ru/files/gk/concepicii/nedvijimost.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. подробнее об этом: *Мацакян Г. С.* Юридические особенности социального пользования // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, г. Иркутск, 11 марта 2016 г. / отв. ред. С. И. Суслова. Иркутск, 2016. С. 175–178.

⁵ От права пользования жилым помещением, возникающего в силу завещательного отказа или на основании договора пожизненного содержания с иждивением, следует отличать право пользования жилым помещением членов семьи собственника жилого помещения (ст. 292 ГК РФ, ст. 31 ЖК РФ). Последнее по общему правилу прекращается при смене собственника жилого помещения и утрате членами семьи собственника жилого помещения семейных отношений с ним, поэтому квалификация его в качестве вещного права не представляется возможной. Однако при наличии определенных обстоятельств законодатель признает за указанным субъективным правом вещно-правовые признаки. Косвенным свидетельством тому служит норма п. 2 ст. 19 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», которая гласит, что сведения о членах семьи (бывших членах семьи) собственника приватизированного жилого помещения и членах семьи (бывших членах семьи) собственника жилого помещения, право собственности на которое возникло

правопорядках, реципировавших из римского права конструкцию *habitatio*⁶. Интересно, что в европейском континентальном праве обнаруживается различный подход к решению вопроса о месте вещного⁷ права проживания в чужом жилом помещении в системе вещных титулов. Так, в правовопорядках, реализующих пандектную модель (Австрии, Германии, Швейцарии и др.), оно квалифицируется как разновидность ограниченного личного сервитута⁸. Такой подход позволяет сделать вывод о том, что в правовопорядках, развивающихся в русле германской ветви континентальной системы права, допускается субсидиарное применение к отношениям, связанным с установлением вещного права проживания в чужом жилом помещении, правил о сервитутах (как вещных, так и личных). Правовопорядки, построенные по институционной системе (Франция, Испания, Италия и др.), отводят вещному праву проживания в чужом жилом помещении особое место в системе вещных титулов, допуская при этом возможность субсидиарного применения к нему правил об узуфрукте⁹.

Право пользования жилым помещением и право на жилое помещение (*Wohnungsrecht*): общее и особенное в юридической характеристике

Несмотря на то что право пользования жилым помещением обладает всеми необходимыми признаками вещных прав, ни статья 216 («Вещные права лиц, не являющихся собственниками»), ни глава 18 («Право собственности и другие вещные права на жилые помещения») ГК РФ не содержат упоминаний о рассматриваемом вещном титуле. Ситуацию еще больше усугубляют противоречия между гражданским и жилищным законодательством по поводу требования о государственной регистрации права пользования жилым помещением (ст. 131, абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ, ч. 3 ст. 33 ЖК РФ). Отсутствие в российском законодательстве детальной регламентации характера и содержания названного вещного титула породило целый ряд проблем, связанных прежде всего с порядком его установления, осуществления и гражданско-правовой защиты¹⁰. В таких условиях полезным представляется обращение к опыту германского права, который, как справедливо отмечает профессор Е. А. Суханов, «генетически близок» отечественному правовопорядку¹¹.

на основании документа, подтверждающего полную выплату паевого взноса членом жилищного или жилищно-строительного кооператива, имеющих право пользования таким жилым помещением, подлежат внесению в Единый государственный реестр недвижимости (далее — ЕГРН) в порядке, установленном Законом о регистрации недвижимости.

⁶ Во второй половине республиканского периода Рима право проживания в жилом помещении (*habitatio*) было известно как особая разновидность личного сервитута (*servitutes personarum*). Помимо *habitatio*, римские классики к числу разновидностей личного сервитута относили: право пользования (*usus*), право пользования рабочей силой чужого раба (*jus operarum servilium*). По мнению романистов, *habitatio* и *jus operarum servilium* являлись подвидами *usus*. Последний отличался от *ususfructus* прежде всего тем, что предполагал личное осуществление управомоченным лицом принадлежащего ему права. Специфика *habitatio* как разновидности *usus* состояла в том, что она имела «алиментный» характер, поскольку юридически оформляла отношения, связанные с оказанием материальной поддержки неимущим лицам, нуждающимся в жилом помещении (см.: *Дождев Д. В.* Римское частное право : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 475).

⁷ См. подробнее о вещных правах на чужие вещи: *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стер. М. : Статут, 2013. С. 206–221 ; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : в 2 т. М. : Статут, 2021. Т. 2. С. 358–414.

⁸ См., например: § 521 Всеобщего гражданского уложения Австрии; ст. 776–778 Гражданского кодекса Швейцарии; § 1093 Германского гражданского уложения (ГГУ).

⁹ См., например: ст. 625–636 Французского гражданского кодекса; ст. 523–529 Гражданского кодекса Испании; ст. 1021–1026 Гражданского кодекса Италии.

¹⁰ См. подробнее об этом: *Василевская Л. Ю.* Реформирование законодательства о вещных правах и их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 110–117.

¹¹ См.: *Суханов Е. А.* Проблемы развития российского частного права: избранные труды 2018–2023 гг. М. : Статут, 2023. С. 21.

Так, в германском законодательстве юридическое оформление отношений по использованию чужих жилых помещений возможно посредством следующих вещных титулов: долгосрочного жилищного права (Dauerwohnrecht)¹², вещного обременения (Wohnungsreallast)¹³, узуфрукта (Nießbrauch), ограниченного личного сервитута (beschränkte persönliche Dienstbarkeit), права на жилое помещение (Wohnungsrecht).

Аналогом римской *habitatio* в германском законодательстве является право на жилое помещение (Wohnungsrecht), которое, будучи «особым случаем» ограниченного личного сервитута, устанавливается на здание или часть здания с целью предоставления управомоченному лицу (пользователю) возможности проживать в жилом помещении¹⁴. К праву на жилое помещение в части, не противоречащей специальным нормам, применяются правила об ограниченных личных сервитутах (§ 1090–1092 ГГУ), а также отдельные положения об узуфрукте (§ 1031, 1034, 1036, абз. 1 § 1037 и § 1041, 1042, 1044, 1049, 1050, 1057, 1062 ГГУ) и земельном сервитуте (§ 1020, 1024, 1026, 1029, 1061 ГГУ).

По уровню классификации узуфрукт, ограниченный личный сервитут и право на жилое помещение соотносятся между собой как род, вид и подвид. Следовательно, право на жилое

помещение обладает родовыми признаками узуфрукта на вещи (Nießbrauch an Sachen), видовыми особенностями ограниченного личного сервитута и набором специальных признаков, позволяющих рассматривать его как подвид последнего¹⁵.

Отсутствие юридического свойства оборотоспособности является главным общим признаком, присущим узуфрукту, ограниченному личному сервитуту и праву на жилое помещение. Это означает, что не допускается их переход к другим лицам в порядке частного или общего правопреемства (§ 1092, 1059 ГГУ)¹⁶. Смерть гражданина и ликвидация юридического лица, в пользу которых установлены названные права, неизбежно влекут за собой прекращение соответствующих вещных титулов¹⁷. Обращает на себя внимание то, что в некоторых публикациях¹⁸ право на жилое помещение (Wohnungsrecht) отождествляется с долгосрочным жилищным правом (Dauerwohnrecht), тогда как речь идет о двух разных разновидностях ограниченного личного сервитута¹⁹. Долгосрочное жилищное право (Dauerwohnrecht), в отличие от права на жилое помещение (Wohnungsrecht), может отчуждаться или переходить от одного субъекта к другому в порядке наследования (п. 1 § 33 Закона о жилищной собственности и долгосрочном жилищном праве)²⁰.

¹² См.: § 31 Закона о жилищной собственности и долгосрочном жилищном праве (Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht (Wohnungseigentumsgesetz)) (1951) // URL: www.gesetze-im-internet.de (дата обращения: 20.08.2025).

¹³ См.: Zimmermann W. *Praktikum der Freiwilligen Gerichtsbarkeit*. Heidelberg : C. F. Müller Verlag, 2004. S. 139.

¹⁴ См.: Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению = Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz : пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.] ; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015. С. 353.

¹⁵ См. подробнее об этом: Мацакян Г. С. Особенности правовой конструкции узуфрукта в российском, германском и французском гражданском праве // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 58–65.

¹⁶ Исключение составляет узуфрукт, установленный в пользу юридического лица или правоспособного товарищества, переход которого возможен в двух случаях: 1) в составе предприятия при отчуждении соответствующего имущественного комплекса; 2) в порядке универсального правопреемства при реорганизации юридического лица (§ 1059a ГГУ).

¹⁷ См. подробнее об этом: Мацакян Г. С. Узуфрукт и сервитут: общее и особенное в правовой характеристике // Российский юридический журнал. 2015. № 5 (104). С. 129–137.

¹⁸ См., например: Климанова Д. Д. Ограниченные вещные права на жилое помещение в российском и зарубежном гражданском праве // Lex russica (Русский закон). 2021. № 74(3). С. 18–19.

¹⁹ См.: Augustin G. *Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht — Wohnungseigentumsgesetz — Kommentar*. Berlin : Walter de Gruyter, 1983. S. 237 ; Milatz J. E. *Die Übertragung von Familienvermögen: Besonderheiten im Steuer- und Zivilrecht*. 2., korrigierte und aktualisierte Aufl. Wiesbaden : Springer Gabler, 2013. S. 191.

²⁰ См. подробнее об этом: Василевская Л. Ю. *Учение о вещных сделках по германскому праву*. М. : Статут, 2004. С. 394.

Принципиальное различие между usufrukтом и ограниченным личным сервитутом заключается в том, что usufrukтуарий наделен правом передачи осуществления²¹ usufrukта другому лицу, а пользователь не вправе передать осуществление ограниченного личного сервитута третьему лицу, не имея разрешения собственника (абз. 1 § 1092 ГГУ)²². Именно поэтому на ограниченный личный сервитут не может быть обращено взыскание, тогда как в отношении usufrukта применение названной меры принудительного исполнения допустимо²³. Таким образом, уступка осуществления права на жилое помещение (Wohnungsrecht) по общему правилу недопустима, в связи с чем оно не может выступать объектом обращения взыскания.

Возможность уступки осуществления usufrukта подразумевает, что usufrukтуарий вправе передать обремененную вещь другим лицам в аренду. Для ограниченных личных сервитутов указанная особенность нехарактерна по той причине, что по общему правилу их осуществление необоротоспособно. Иначе говоря, в отличие от usufrukтуария, субъект права на жилое помещение не вправе передать обремененную вещь внаем, однако, как отмечалось, пользователь вправе совершить такую сделку, получив разрешение собственника (абз. 1 § 1092 ГГУ)²⁴.

Важной особенностью для права на жилое помещение является то обстоятельство, что при подобном обременении собственник отстраняется от использования жилого помещения (абз. 1 § 1093 ГГУ). Названный признак имеет значение для противопоставления права на

жилое помещение ограниченному личному сервитуту (§ 1090–1092 ГГУ), который, наоборот, подразумевает совместное проживание собственника и уполномоченного лица в жилом помещении²⁵.

Германское законодательство предусматривает два основания возникновения права на жилое помещение (Wohnungsrecht): соглашение и завещательный отказ.

В первом случае право на жилое помещение возникает на основании сложного юридического состава, включающего два элемента: 1) заключение соглашения²⁶ между собственником и пользователем об установлении права на жилое помещение²⁷; 2) государственную регистрацию соответствующего обременения в специальном публичном реестре (§ 873 ГГУ). В случае отсутствия второго элемента указанного сложного юридического состава предполагается, что собственник и пользователь связаны между собой соглашением по поводу права на жилое помещение. Вещно-правовой эффект может иметь место только с момента регистрации обременения недвижимости в поземельной книге. Как известно, в германском законодательстве строения, прочно связанные с землей, признаются существенными составными частями земельного участка (§ 94 ГГУ). Будучи составной частью недвижимости (земельного участка), здание не может выступать самостоятельным объектом отдельных вещных прав (§ 93 ГГУ). Следовательно, право на жилое помещение по существу является обременением земельного участка и в этом качестве распространяется на всю недвижимость, т.е. как на земельный участок, так и на здание,

²¹ Начиная еще со времен римского права, осуществление usufrukта рассматривалось как особое имущественное право, которое обладало оборотоспособностью.

²² См. об этом подробнее: Мацакян Г. С. Право личного пользования (usufrukт) в зарубежном и российском гражданском праве : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2022. С. 43.

²³ См.: § 857 Гражданского процессуального уложения Германии (Zivilprozessordnung) // URL: www.gesetze-im-internet.de (дата обращения: 20.08.2025).

²⁴ См.: Westermann H. P., Gursky K.-H., Eickmann D. Sachenrecht. 8., neu bearbeitete Aufl. Heidelberg : C. F. Müller, 2011. S. 932.

²⁵ В германской юридической литературе ограниченный личный сервитут на жилое помещение обозначается также термином «Wohnrecht».

²⁶ См. об этом подробнее: Василевская Л. Ю. О юридической природе вещного договора в гражданском праве // Закон и право. 2003. № 6. С. 66–70.

²⁷ Правоприменительная практика показывает, что конструкция права на жилое помещение в большинстве случаев реализуется в отношениях между родителями пожилого возраста и их детьми. В частности, родители передают принадлежащую им недвижимость в собственность детям, как правило, на основании договора дарения, делая оговорку о сохранении за собой пожизненного права пользования жилым помещением.

являющееся его составной частью²⁸. Таким образом, при соблюдении принципа публичности (Publizitätsgrundsatz) право на жилое помещение действует также в отношении третьих лиц.

Во втором случае право на жилое помещение устанавливается посредством совершения наследодателем в завещании завещательного отказа, который сводится к предоставлению отказополучателю за счет наследственной массы соответствующей имущественной выгоды (§ 1939 ГГУ)²⁹. Следует подчеркнуть, что право на жилое помещение возникает у отказополучателя с момента его регистрации в поземельной книге. До государственной регистрации соответствующего вещного титула отказополучатель располагает лишь притязанием на установление права на жилое помещение (§ 2174 ГГУ).

Подобно германскому, российское законодательство предусматривает, что особым предметом завещательного отказа как односторонней сделки может быть предоставление наследником, которому перешел жилой дом, квартира или иное жилое помещение, другому лицу (отказополучателю) права пользования этим помещением или его определенной частью на период жизни последнего или на иной срок (абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ). Право пользования жилым помещением, входящим в состав наследства, возникает опосредованно — в силу исполнения наследником, принявшим наследство, обязательства, возникшего на основании завещательного отказа³⁰.

Законодатель подчеркивает, что при последующем переходе права собственности на вещь, входившую в состав наследства, к другому лицу, право пользования этой вещью, предоставленное по завещательному отказу,

сохраняет силу (абз. 3 п. 2 ст. 1137 ГК РФ). Иначе говоря, смена собственника жилого помещения не влечет за собой прекращения права отказополучателя пользоваться указанным недвижимым имуществом. Будучи прочным титулом, названное право следует за вещью («право следования»). Очевидно, что оно сохраняет свою силу также в случае передачи собственником жилого помещения другому лицу во временное владение и пользование или во временное пользование³¹.

С точки зрения защиты прав и законных интересов отказополучателя необходимо иметь в виду, что последний может быть носителем принципиально разных по гражданско-правовому режиму субъективных прав³². Так, с момента принятия наследником наследства отказополучатель — носитель права требования определенного поведения от обязанного лица (кредитор). С момента исполнения наследником завещательного отказа отказополучатель — носитель «права господства», представляющего собой возможность собственного поведения (субъект вещного права).

В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения наследником обращенного к нему требования отказополучателя предоставить право пользования жилым помещением последний вправе воспользоваться обязательно-правовыми исками. При наличии возможности, в частности, если наследник не утратил право собственности на жилое помещение, отказополучатель вправе предъявить иск об исполнении обязательства в натуре, понуждая наследника предоставить ему право пользования жилым помещением, составляющее предмет завещательного отказа. Кроме того, в подобной ситуации возможно также предъявление

²⁸ См.: *Milatz J. E.* Op. cit. S. 189.

²⁹ Как указал Высший земельный суд земли Шлезвиг-Гольштейн ФРГ, «предоставляя право на жилое помещение в силу завещательного отказа близкому исходя из жизненного опыта лицу, наследодатель имеет цель обеспечить его пожизненное содержание, включая потребность в жилище» (см.: Schleswig-Holsteinisches Oberlandesgericht. 3. Zivilsenat — Az.: 3 U 16/13 — Urteil vom 03.12.2013 // URL: <https://www.erbrechtsiegen.de/testament-auslegung-eines-vermaechtnisses-betreffend-ein-wohnungsrecht/> (дата обращения: 20.08.2025)).

³⁰ См.: Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. М.: Статут, 2015. С. 131 (соавторы главы — Ю. Б. Гонгало, К. А. Михалев, Е. Ю. Петров).

³¹ См.: п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

³² См. подробнее об этом: *Вавилин Е. В.* Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 49–59; *Он же.* Субъективное гражданское право и его реализация // Власть закона. 2015. № 1 (21). С. 43–51.

требования о возмещении убытков за период просрочки исполнения обязательства предоставить право пользования жилым помещением.

Если жилое помещение было отчуждено наследником другому лицу до исполнения завещательного отказа, то, очевидно, способом защиты нарушенного права отказополучателя будет выступать только возмещение убытков, обращенное к наследнику. Примечательно, что, по мнению С. П. Гришаева, «для завещательного отказа законодателем предусмотрено характерное для вещных прав право следования. Таким образом, переход права собственности не влияет на права отказополучателя, поскольку объем этих прав устанавливается наследодателем при составлении завещания и не может быть изменен его наследниками»³³. С точки зрения логики автора, если наследник, принявший наследство, отчуждает жилое помещение, не исполнив завещательный отказ, последний следует за вещью, т.е. его должен исполнить новый собственник указанного объекта недвижимости, не имеющий юридической связи с отказополучателем.

Между тем, исходя из п. 5 ст. 1117, ст. 1137, 1138, 1140, 1160 ГК РФ, должником в обязательстве, возникающем на основании завещательного отказа, всегда выступает наследник. Иначе говоря, в этом качестве не может оказаться лицо, которое не обеспечено необходимым наследственным имуществом для исполнения завещательного отказа. Очевидно, что законодатель вкладывает совершенно различный смысл в понятия «обременение недвижимости» (ст. 131 ГК РФ) и «обременение права на наследство» (п. 2 ст. 1138 ГК РФ). Одним из обременений недвижимости в силу прямого указания закона является право пользования жилым помещением, предоставленное во исполнение завещательного отказа (абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ). Единственный случай, когда обязанность исполнить завещательный отказ переходит к другому лицу в силу закона, регламентирован в ст. 1140 ГК РФ, согласно которой при переходе к другим наследникам доли наследства, причитавшейся наследнику, на которого была возложена обязанность испол-

нить завещательный отказ, такие наследники обязаны исполнить его, если из завещания или закона не следует иное. Что касается возможности перехода обязанности исполнить завещательный отказ другому лицу на основании соглашения, то этот вопрос прямо не регламентирован специальными предписаниями о завещательном отказе. Полагаем, что применение правил ст. 391 и 392.1 ГК РФ к подобным отношениям недопустимо, поскольку они противоречат существу завещательного отказа.

С момента исполнения завещательного отказа, предметом которого является предоставление права пользования жилым помещением, отказополучатель становится обладателем вещного титула. Будучи субъектом абсолютного по своей природе права, он может защитить свое законное владение от посягательств любых лиц, в том числе собственника жилого помещения (ст. 305 ГК РФ), прежде всего специальными вещными исками³⁴. В такой ситуации новый собственник, приобретший право собственности на жилое помещение, будет вынужден мириться с тем, что его имущество обременено правами третьего лица — отказополучателя.

В содержащихся в ГК РФ правилах о завещательном отказе нет указания о том, с какого момента право пользования жилым помещением, установленное в пользу отказополучателя, признается обременением недвижимости. Между тем ч. 3 ст. 33 ЖК РФ гласит, что отказополучатель вправе потребовать государственной регистрации права пользования жилым помещением. Заявительный порядок, как известно, действует как для регистрации возникновения, перехода, прекращения права собственности, так и для регистрации возникновения и прекращения его ограничений и обременений (ст. 15 Закона о регистрации недвижимости).

Системное толкование п. 2 ст. 8.1, ст. 131, абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ, ст. 18, ч. 3 ст. 33 ЖК РФ во взаимосвязи позволяет сделать вывод о том, что право пользования жилым помещением, установленное в силу завещательного отказа, как обременение недвижимости возникает с момента внесения соответствующей записи в ЕГРН. Так, в одном из рассмотренных дел³⁵

³³ Гришаев С. П. Жилищный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий. 2-е изд. : учебное пособие. М. : Проспект, 2024.

³⁴ См. об этом подробнее: Мацакян Г. С. Способы защиты права пользования в римском, европейском и российском праве // История государства и права. 2018. № 1. С. 41–44.

³⁵ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2023 № 88-8062/2023 по делу № 2-3802/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

кассационный суд посчитал необходимым отменить апелляционное определение в части оставления без изменения решения суда первой инстанции об отказе в государственной регистрации права пользования жилым помещением, предоставленного в силу завещательного отказа, по тем основаниям, что суды подошли к рассмотрению данного требования формально, не принимая во внимание положения ч. 3 ст. 33 ЖК РФ.

Суд подчеркнул, что на основании ст. 131 ГК РФ право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в специальном публичном реестре (ЕГРН). К числу последних относится и право пользования жилым помещением, возникающее в силу завещательного отказа. В другом деле суд пришел к выводу о том, что «гарантией информирования приобретателя жилого помещения об объеме передаваемых ему правомочий и обременений может являться государственная регистрация права пользования жилым помещением, возникающего из завещательного отказа»³⁶. Как указал суд, если в государственном реестре (ЕГРН) отсутствуют сведения о рассматриваемом обременении недвижимости, то презюмируется, что приобретатель жилого помещения не знал и не должен был знать о наличии права пользования жилым помещением, предоставленного в силу завещательного отказа («принцип публичной достоверности»).

Право пользования жилым помещением, предоставленное по завещательному отказу, может быть зарегистрировано по заявлению наследника, приобретшего право собственности на жилое помещение в порядке наследования, и (или) отказополучателя (пп. 5 п. 3 ст. 15 Закона о регистрации недвижимости). В качестве документа-основания для регистрации названного субъективного права наследник может представить органу регистрации прав на недвижимость и сделок с ней, в частности, сви-

детельство о праве на наследство, в котором нотариус отразил содержание обязательства из завещательного отказа.

Как показывает сложившаяся практика, документом-основанием для государственной регистрации исследуемого обременения недвижимости по единоличному заявлению отказополучателя служит вступившее в законную силу судебное решение, принятое по результатам рассмотрения требования о понуждении к предоставлению права пользования жилым помещением во исполнение завещательного отказа. Отказополучатель вправе ознакомиться с завещанием с целью получения сведений о наследнике, обязанном исполнить завещательный отказ. Однако проблема заключается в том, что копию завещания, хранящегося в наследственном деле, которое по сути является единственным доказательством установления завещательного отказа, нотариус не выдает отказополучателю³⁷. Следовательно, если наследник отказывается добровольно исполнить завещательный отказ, то установление права пользования жилым помещением во исполнение завещательного отказа возможно в принудительном порядке путем обращения в суд.

Принимая во внимание изложенное, можно сделать вывод о том, что исполнение завещательного отказа, предметом которого является предоставление права пользования жилым помещением (абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ), предполагает (означает) государственную регистрацию соответствующего обременения недвижимости в пользу отказополучателя. Регистрация отказополучателя в жилом помещении по месту жительства, предоставление ему доступа к такому помещению сами по себе могут лишь отражать факт проживания в жилом помещении, а не свидетельствовать о возникновении жилищных правоотношений³⁸ на условиях рассматриваемого вещного титула. Воля законодателя, выраженная в абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ, заключается в обеспечении отказополучателя юридически прочным правом, которое будет защищать его

³⁶ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 28.04.2015 по делу № 11-3843/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ См.: п. 4.7 методических рекомендаций по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 № 956-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидоренко Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 28 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

от действий новых собственников жилого помещения, имеющих намерение в одностороннем порядке прекратить соответствующие жилищные правоотношения. Отсутствие сведений в ЕГРН о зарегистрированном праве пользования жилым помещением равнозначно отсутствию у отказополучателя вещного титула.

Таким образом, юридическое последствие в виде возникновения вещного правоотношения, в котором управомоченным лицом (обладателем вещного титула) выступает отказополучатель, наступает при наличии сложного юридического состава, включающего несколько элементов: 1) совершение завещания; 2) установление в завещании завещательного отказа; 3) открытие наследства; 4) принятие наследником наследства; 5) государственную регистрацию права пользования жилым помещением, предоставленного в силу завещательного отказа. Обязанность по предоставлению отказополучателю права пользования жилым помещением может быть исполнена публично-правовым образованием вследствие признания имущества выморочным. В этом случае вместо четвертого элемента указанного сложного юридического состава могут оказаться те обстоятельства, в силу которых имущество признано выморочным (п. 1 ст. 1151 ГК РФ).

При установлении права пользования жилым помещением на основании соглашения также имеет место сложный юридический состав, охватывающий несколько обстоятельств: 1) заключение договора пожизненного содержания с иждивением, включающего особое условие — оговорку о сохранении за получателем ренты права пользования жилым помещением после его перехода в собственность плательщика ренты³⁹; 2) государственную регистрацию перехода права собственности на жилое помещение от получателя ренты к ее плательщику; 3) государственную регистрацию права пользования жилым помещением как обременения недвижимости в пользу получателя ренты. В случае отсутствия последнего элемента указанного сложного юридического состава право пользования жилым помещением будет иметь обязательственную природу. Как справедливо отмечал известный классик российской цивилистики О. А. Красавчиков,

условие договора — это волевая модель поведения сторон; после достижения соглашения и придания ему соответствующей формы, когда договор обретает юридическую силу, происходит объективизация волевых моделей (условий) в «адекватные» права и обязанности⁴⁰. Таким образом, условие о сохранении получателем ренты права пользования жилым помещением после его приобретения плательщиком ренты может быть элементом содержания договора ренты (п. 602 ГК РФ, ст. 34 ЖК РФ), в связи с чем следует сделать вывод о том, что названное право возникает в силу особого договорного условия.

Субъектами права пользования жилым помещением могут выступать только физические лица, которые наделяются юридически обеспеченными возможностями владеть и пользоваться чужим жилым помещением. Руководствуясь данными соображениями, субъекта права пользования жилым помещением следует именовать пользователем. Это позволит отграничить его от сервитутария — субъекта ограниченного вещного права пользования чужим недвижимым имуществом, в содержание которого входит только правомочие пользования вещью. В германском законодательстве право на жилое помещение, так же как и узуфрукт и ограниченный личный сервитут, может быть установлено в интересах физического или юридического лица (§ 1092 ГГУ). Вместе с тем последнее вправе использовать жилое помещение только для проживания граждан (§ 1093 ГГУ).

Объектом права пользования жилым помещением выступают непосредственно жилое помещение или его определенная часть — одна либо несколько комнат в квартире или жилом доме (абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ). Это обусловлено тем, что российское законодательство, как известно, признает здания и помещения (жилые или нежилые) самостоятельными объектами недвижимости (ст. 130 ГК РФ). Германский подход в решении обозначенного вопроса несколько иной. Как уже отмечалось, непосредственным объектом *Wohnungsrecht* является земельный участок с его составной частью (зданием), а содержание указанного вещного титула сводится к возможности использовать

³⁹ См.: Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. С. 300.

⁴⁰ См.: Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. М. : Статут, 2005. Т. 2. С. 279.

жилое помещение («жилое пространство») соответствующего здания.

Определенной спецификой обладает установление *Wohnungsrecht* на часть здания — квартиру. Известно, что в Германии реализуется такой тип «жилищной собственности» (*Wohnungseigentum*), для которого характерно соединение индивидуального права собственности на квартиру и права долевой собственности на общие части здания и расположенный под ним земельный участок⁴¹. Так, «единая недвижимая вещь (жилой дом и (или) земельный участок) юридически разделяется на отдельные части (квартиры) и “общую часть” (земельный участок и несущие стены дома), каждая из которых становится самостоятельным объектом вещного права (единоличной или общей собственности), а их гражданско-правовой режим характеризуется неразрывным соединением названных вещных прав»⁴². Очевидно, что при установлении *Wohnungsrecht* на часть здания (квартиру) его действие распространяется и на общую часть здания (земельный участок и несущие стены дома). Германский законодатель в связи с этим в абз. 3 § 1093 ГГУ подчеркивает, что в случаях, когда *Wohnungsrecht* распространяется на часть здания, его субъект вправе пользоваться также сооружениями и оборудованием, предназначенными для общего пользования (например, подвалами, лестницами, системой коллективного отопления, помещением для велосипедов, детской площадкой, садом и т.п.).

Право пользования жилым помещением, так же как и *Wohnungsrecht*, может быть установлено в пользу пользователя пожизненно или на определенный срок (абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ). Специфика завещательного отказа как «социального» института состоит в том, что он совершается завещателем в пользу определенного лица без возложения на него каких бы то ни было обязанностей с целью обеспечить его содержание. Поэтому, исполняя завещательный отказ, наследник не вправе устанавливать для отказополучателя плату за пользование жилым помещением. Безвозмездный характер

право пользования жилым помещением имеет также в случае его установления в силу особого договорного условия, поскольку обеспечение потребности получателя ренты в жилище включается в объем содержания с иждивением (ст. 602 ГК РФ). Аналогичный подход действует и в германском правопорядке применительно к *Wohnungsrecht*. В частности, требования о внесении в поземельную книгу сведений о возмездности или безвозмездности права на жилое помещение германское законодательство не предусматривает, поскольку названное вещное право предполагается безвозмездным⁴³.

Право пользования жилым помещением, подобно германскому *Wohnungsrecht*, относится к числу субъективных гражданских прав, неразрывно связанных с личностью. Поэтому смерть пользователя неизбежно влечет за собой прекращение соответствующего вещного титула.

В отличие от германского законодательства, в котором, как отмечалось, установление *Wohnungsrecht* сопровождается выбытием жилого помещения из пользования собственника, в российском законодательстве право пользования жилым помещением, предоставленное в силу завещательного отказа или на основании договора пожизненного содержания с иждивением, не препятствует совместному проживанию собственника и пользователя в обремененном жилом помещении. В силу ч. 1 ст. 33 ЖК РФ отказополучатель пользуется жилым помещением наравне с собственником последнего. При возникновении коллизии между интересами собственника жилого помещения и отказополучателя (например, если общая жилая площадь, согласно установленным нормам учета, недостаточна для проживания двух или более граждан) приоритетной защите подлежат интересы отказополучателя⁴⁴. Решая подобные споры, суды, вероятно, руководствуются разъяснением Верховного Суда РФ, согласно которому на право отказополучателя требовать исполнения завещательного отказа не влияет нуждаемость наследника в пользовании наследственным имуществом, например

⁴¹ См.: Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. А. С. Комаров, проф. А. А. Костин, проф. О. Н. Зименкова, доц. Е. В. Вершинина. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 331–332 (авторы главы — О. М. Козырь, Е. А. Суханов).

⁴² Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник. С. 331–332.

⁴³ См.: *Westermann H. P., Gursky K.-H., Eickmann D. Sachenrecht.* S. 931.

⁴⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2025 № 88-11373/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

личная потребность в жилом помещении⁴⁵. Полагаем, что аналогичным образом подлежат защите и интересы польовладельца — получателя ренты.

Интересно, что в германском законодательстве допускается установление права на жилое помещение одновременно в пользу двух или более лиц. К таким отношениям в порядке аналогии, как правило, применяется норма § 428 ГГУ («Солидарные кредиторы»), хотя судебная практика не отрицает также возможность применения нормы § 432 ГГУ («Несколько кредиторов при неделимом исполнении»)⁴⁶. В случае применения § 428 ГГУ субъекты, образующие множественность лиц на стороне пользователя, имеют положение солидарных кредиторов. Каждый из них вправе требовать от собственника установления права на жилое помещение, однако последний обязан осуществить исполнение только один раз, предоставив его по своему усмотрению любому из кредиторов (§ 428 ГГУ)⁴⁷. Исполнив обязательство одному из солидарных кредиторов, собственник (должник) освобождается от исполнения остальным кредиторам. В соответствии с § 47 Правил поземельной книги⁴⁸, если право должно быть зарегистрировано за несколькими управомоченными лицами, запись должна быть сделана таким образом, чтобы в поземельной книге были указаны либо арифметически выраженные доли этих лиц, либо правоотношение со множественностью лиц.

При установлении права на жилое помещение в пользу нескольких лиц государственная регистрация соответствующего вещного титула осуществляется под одним и тем же порядковым номером и сопровождается внесением в поземельную книгу записи о возникшем между собственником и сопользователями (совместными пользователями) правоотношении по поводу жилого помещения. Очевидно, что на самом деле речь идет о возможности сосуществования нескольких прав пользования в отношении одного и того же жилого помещения. Это объясняется тем, что смерть одного из

совместных пользователей не затрагивает прав остальных сопользователей. Недвижимость считается обремененной до тех пор, пока жив хотя бы один из совместных пользователей.

Российское законодательство, как известно, не допускает возможности образования множественности лиц на стороне субъекта ограниченного вещного права. Не исключаются, однако, случаи, когда одно и то же жилое помещение выступает объектом нескольких прав пользования. Иллюстрацией к сказанному может служить норма ст. 292 ГК РФ, которая гласит, что члены семьи собственника, проживающие в принадлежащем ему жилом помещении, имеют право пользования этим помещением.

Исходя из общего смысла предписаний ст. 1119, 1120, п. 1, 2 ст. 1137 ГК РФ, ч. 2 ст. 33 ЖК РФ, представляется, что завещатель вправе обязать наследника, которому переходит жилое помещение, предоставить указанное помещение в пользование нескольким отказополучателям. Очевидно, что с момента принятия наследства наследник вступит с каждым из них в правоотношение. В результате каждый из отказополучателей станет обладателем вещного титула на жилое помещение. На случаи конфликта интересов отказополучатели наделены правом отказаться от получения завещательного отказа (п. 1 ст. 1160 ГК РФ).

Вопрос о том, вправе ли отказополучатель вселить в жилое помещение членов семьи, прямо не регламентирован российским законодательством. Имея в виду, что в силу принципа *numerus clausus* содержание вещных прав исчерпывающим образом определяется законом, а не соглашением, полагаем, что отказополучатель таким правом не наделен. Обозначенную проблему можно решить, как уже отмечалось, путем совершения завещательного отказа в пользу нескольких граждан, которые могут быть членами одной семьи. В противном случае вселение отказополучателем членов своей семьи в обремененное жилое помещение будет возможно лишь на основании соглашения, заключенного между ним и собственником.

⁴⁵ См.: п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

⁴⁶ См. подробнее об этом: BGH (Zivilsachen). Bundesgerichtshof. Beschl. v. 21.12.1966, Az.: V ZB 24/66 // URL: <https://research.wolterskluwer-online.de/document/3d7098fd-0080-4501-aa11-ea8c9ac7aa15> (дата обращения: 20.08.2025).

⁴⁷ См.: Milatz J. E. Op. cit. S. 190.

⁴⁸ Правила поземельной книги (Grundbuchordnung (GBO)) // URL: www.gesetze-im-internet.de (дата обращения: 20.08.2025).

В германском законодательстве на этот счет предусмотрено, что субъект *Wohnungsrecht* вправе разместить в обремененном здании (части здания) членов своей семьи и лиц, в которых он нуждается для соответствующего его положению обслуживания и ухода (абз. 2 § 1093 ГГУ). Поскольку указанным правом пользователь наделен в силу закона, то определение перечня членов семьи и «обслуживающего персонала», которые могут быть им вселены в жилое помещение, не относится к предмету соглашения сторон. Множественности лиц на стороне пользователя в этом случае не образуется.

Глава 18 ГК РФ не содержит каких-либо предписаний, касающихся объема и содержания права пользования жилым помещением, предоставленного в силу завещательного отказа или на основании договора пожизненного содержания с иждивением. Жилищное законодательство на этот счет ограничивается лишь общим правилом, согласно которому собственник жилого помещения и отказополучатель несут солидарную ответственность по обязательствам, возникающим в связи с использованием жилого помещения (ч. 2 ст. 33 ЖК РФ). Исключение из круга ответственных отказополучателей составляют недееспособные граждане. Иной вариант распределения ответственности по названным обязательствам может быть предусмотрен соглашением между пользователем и собственником жилого помещения (ст. 33, 34 ЖК РФ).

В противоположность российскому, германское законодательство обеспечивает весьма детальную регламентацию прав и обязанностей собственника жилого помещения и субъекта *Wohnungsrecht*, к которому, как уже отмечалось, субсидиарно применяются положения ГГУ об ограниченном личном сервитуте, узупфрукте и земельном сервитуте. Так, объем права на жилое помещение, если не доказано иное, определяется в соответствии с личными потребностями управомоченного лица (§ 1091 ГГУ). Кроме того, в ГГУ закреплена презумпция, согласно которой право на жилое помещение распространяется также на принадлежности (абз. 1 § 926, § 1031 ГГУ) — движимые вещи, которые служат ее хозяйственному назначению и в соответствии с этим предназначением находятся в пространственных отношениях с главной вещью (§ 97 ГГУ). Перед тем как приступить к осуществлению своего права, субъект права на жилое помещение вправе за свой счет привлечь эксперта для оценки состояния жилого

помещения и его принадлежностей (§ 1034 ГГУ). Осуществляя право на жилое помещение, субъект *Wohnungsrecht* обязан обеспечить целостность и сохранность обремененной вещи (§ 1036 ГГУ). Он не вправе переделать жилое помещение либо подвергнуть его существенным изменениям (абз. 1 § 1037 ГГУ). В частности, он не вправе самостоятельно, без согласия собственника производить переустройство или перепланировку жилого помещения, преобразовать его в нежилое.

В процессе использования обремененного имущества субъект *Wohnungsrecht* обязан производить за свой счет ремонт и обновлять жилое помещение в той мере, в какой это необходимо для поддержания его в надлежащем состоянии (§ 1041 ГГУ). В случае утраты или повреждения обремененной вещи, необходимости производства срочного ремонта, обновления или принятия мер по ее защите от непредвиденной опасности, неправомерного завладения другим лицом субъект *Wohnungsrecht* обязан немедленно предупредить об этих обстоятельствах собственника (§ 1042 ГГУ). Если ремонт или обновление вещи осуществляются силами и средствами собственника, то субъект *Wohnungsrecht* обязан обеспечить ему доступ к обремененной вещи для выполнения соответствующих работ (§ 1042 ГГУ).

Субъект права на жилое помещение вправе изъять оборудование, которым он оснастил вещь, требовать от собственника возмещения своих расходов на нее, к которым он не был обязан на основании закона или соглашения (§ 1049 ГГУ). Если изменение или ухудшение вещи было вызвано в результате ненадлежащего осуществления субъектом *Wohnungsrecht* своего права, данное обстоятельство является основанием для привлечения его к гражданско-правовой ответственности. В этой связи обращает на себя внимание то, что к требованию собственника о возмещении ущерба, причиненного вследствие изменения или ухудшения его вещи, а также к притязаниям субъекта *Wohnungsrecht* о возмещении расходов, понесенных в связи с обновлением вещи, либо о разрешении изъять установленное оборудование применяется шестимесячный срок давности (§ 1057 ГГУ), который начинает течь с момента возврата вещи (§ 548 ГГУ).

К общим основаниям прекращения права на жилое помещение относятся такие юридические факты, как: истечение срока, на который указанный вещный титул был установлен; гибель (уни-

чтожение) здания (части здания — квартиры); совпадение в одном лице собственника и субъекта *Wohnungsrecht* в случае приобретения последним обремененной вещи в собственность⁴⁹; отказ субъекта *Wohnungsrecht* от своего права⁴⁹; реквизиция; экспроприация. К числу специальных оснований прекращения права на жилое помещение германское законодательство относит следующие обстоятельства: 1) смерть субъекта права на жилое помещение; 2) злоупотребление субъектом *Wohnungsrecht* своим правом. Прекращение права на жилое помещение распространяется не только на здание (часть здания), но и на принадлежности (§ 1062 ГГУ).

К обстоятельствам, с которыми нормы российского гражданского и жилищного законодательства связывают прекращение права пользования жилым помещением, относятся: гибель (уничтожение) жилого помещения, равно как и изменение его назначения в результате переделки (в частности, перевод жилого помещения в нежилое); истечение срока, на который было установлено право пользования жилым помещением; смерть пользовладельца; соединение в одном лице собственника жилого помещения и пользовладельца (*consolidatio*); отказ пользовладельца от своего права (*derelictio*); реквизиция; изъятие жилого помещения у собственника в связи с изъятием земельного участка, на котором расположены такое жилое помещение или многоквартирный дом, в котором оно находится, для государственных или муниципальных нужд; систематическое нарушение пользовладельцем прав и законных интересов соседей; использование пользовладельцем жилого помещения не по назначению; непроведение пользовладельцем без уважительных причин необходимого ремонта.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в российском законодательстве существует очевидная необходимость в закреплении в гл. 18 ГК РФ специ-

альных правил, обеспечивающих детальную регламентацию права пользования жилым помещением, которое возникает в силу завещательного отказа или на основании договора пожизненного содержания с иждивением.

Выводы

Вопреки тому, что в гл. 18 ГК РФ вовсе отсутствуют упоминания о субъективных вещных правах, обеспечивающих юридическую возможность использовать жилые помещения, присвоенные другими лицами⁵⁰, тем не менее российское гражданское законодательство предусматривает возможность установления подобного вещного титула. Речь идет о праве пользования жилым помещением, которое возникает либо в силу завещательного отказа (п. 2 ст. 1137 ГК РФ), либо на основании договора пожизненного содержания с иждивением (ст. 601, 602 ГК РФ). Сходным вещным титулом в германском законодательстве является право на жилое помещение (*Wohnungsrecht*) (§ 1093 ГГУ).

Будучи современными аналогами римской *habitatio*, право пользования жилым помещением и право на жилое помещение (*Wohnungsrecht*) имеют ряд общих и отличительных признаков. Так, к общим признакам названных вещных титулов могут быть отнесены следующие обстоятельства: 1) рассматриваемые права относятся к числу субъективных прав, неразрывно связанных с личностью, в связи с чем они не обладают юридическим свойством оборотоспособности; 2) жилое помещение может быть использовано только для удовлетворения личных потребностей управомоченного лица, следовательно, оборотоспособности лишено также осуществление анализируемых вещных титулов, являющееся по существу особым имущественным правом; 3) их содержание сводится к правомочиям владения и поль-

⁴⁹ См. подробнее об этом: *Василевская Л. Ю., Суслова С. И.* Отказ от вещных прав на недвижимое имущество по российскому и германскому законодательству: проблемы определения и толкования // *Хозяйство и право*. 2020. № 2. С. 25–40.

⁵⁰ С помощью различных имущественных, в том числе вещных, прав оформляется часть экономических отношений присвоения. Установление ограниченного вещного права возможно только на индивидуально-определенную вещь, которая присвоена другим лицом, т.е. обращена в его собственность, ибо всякое право на чужую вещь имеет производный характер от права собственности. См. подробнее об экономических отношениях присвоения и их способности приобрести юридические (гражданско-правовые) формы: *Гражданское право : учебник : в 4 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. С. 35–42 (автор главы — Е. А. Суханов).*

зования жилым помещением, используемым в целях проживания, иначе говоря, они представляют собой не что иное, как особые случаи пользования.

К отличительным признакам анализируемых вещных титулов могут быть отнесены прежде всего следующие обстоятельства: 1) рассматриваемые права различаются по кругу субъектов, в пользу которых они могут быть установлены (право пользования жилым помещением может быть установлено только в интересах граждан; субъектом права на жилое помещение (Wohnungsrecht) может быть как

физическое, так и юридическое лицо); 2) российское законодательство допускает совместное проживание в жилом помещении его собственника и пользователя, тогда как в германском законодательстве установление права на жилое помещение (Wohnungsrecht) возможно только при условии устранения собственника от его использования; 3) ГК РФ не предусматривает права пользователя на вселение членов семьи в обремененное жилое помещение, тогда как в соответствии с ГГУ субъект Wohnungsrecht наделен подобным правом на основании закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вавилин Е. В.* Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 49–59.
- Вавилин Е. В.* Субъективное гражданское право и его реализация // Власть закона. 2015. № 1 (21). С. 43–51.
- Василевская Л. Ю.* О юридической природе вещного договора в гражданском праве // Закон и право. 2003. № 6. С. 66–70.
- Василевская Л. Ю.* Реформирование законодательства о вещных правах и их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 110–117.
- Василевская Л. Ю.* Учение о вещных сделках по германскому праву. М. : Статут, 2004. 538 с.
- Василевская Л. Ю., Суслова С. И.* Отказ от вещных прав на недвижимое имущество по российскому и германскому законодательству: проблемы определения и толкования // Хозяйство и право. 2020. № 2. С. 25–40.
- Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник : в 2 т. / отв. ред. А. С. Комаров, А. А. Костин, О. Н. Зименкова, Е. В. Вершинина. Т. 1 : Общая часть. М. : Статут, 2019. 559 с.
- Гришаев С. П.* Жилищный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий : учебное пособие. 2-е изд. М. : Проспект, 2024.
- Дождев Д. В.* Римское частное право : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2011. 784 с.
- Климанова Д. Д.* Ограниченные вещные права на жилое помещение в российском и зарубежном гражданском праве // Lex russica (Русский закон). 2021. № 74(3). С. 16–26.
- Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005.
- Мацакян Г. С.* Особенности правовой конструкции узупфрукта в российском, германском и французском гражданском праве // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 58–65.
- Мацакян Г. С.* Право личного пользования (узупфрукт) в зарубежном и российском гражданском праве : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2022. 208 с.
- Мацакян Г. С.* Способы защиты права пользования в римском, европейском и российском праве // История государства и права. 2018. № 1. С. 41–44.
- Мацакян Г. С.* Узупфрукт и сервитут: общее и особенное в правовой характеристике // Российский юридический журнал. 2015. № 5 (104). С. 129–137.
- Мацакян Г. С.* Юридические особенности социального пользования // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Иркутск, 11 марта 2016 г.) / отв. ред. С. И. Суслова ; Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Иркутск, 2016. С. 175–178.
- Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. М. : Статут, 2015. 271 с.
- Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стер. М. : Статут, 2013. 351 с.

Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. 626 с.

Суханов Е. А. Проблемы развития российского частного права : избранные труды 2018–2023 гг. М. : Статут, 2023. 384 с.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2021. 896 с.

Augustin G. Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht — Wohnungseigentumsgesetz — Kommentar. Berlin : Walter de Gruyter, 1983.

Milatz J. E. Die Übertragung von Familienvermögen: Besonderheiten im Steuer- und Zivilrecht. 2., korrigierte und aktualisierte Aufl. Wiesbaden : Springer Gabler, 2013. 252 S.

Westermann H. P., Gursky K.-H., Eickmann D. Sachenrecht. 8., neu bearbeitete Aufl. Heidelberg : C. F. Müller, 2011. 788 S.

Zimmermann W. Praktikum der Freiwilligen Gerichtsbarkeit. Heidelberg : C. F. Müller Verlag, 2004. 240 S.

REFERENCES

Augustin G. Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht — Wohnungseigentumsgesetz — Kommentar. Berlin: Walter de Gruyter; 1983. (In Germ.).

Dozhdev DV. Rome Private Law. Ed. by VS. Nersesyants. 3rd ed. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2011. (In Russ.).

Grishaev SP. Housing Code of the Russian Federation. Article-by-article scientific and practical commentary: textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).

Klimanova DD. Limited Proprietary Rights to Residential Premises in Russian and Foreign Civil Law. *Lex russica*. 2021;74(3):16-26. (In Russ.). DOI: 10.17803/17295920.2021.172.3.016-026.

Komarov AS, Kostin AA, Zimenkova ON, Vershinina EV (eds.). Civil and commercial law of foreign countries: textbook: in 2 volumes. Vol. 1: General Part. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Krasavchikov OA. Civil law science categories. Selected works: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Statut Publ.; 2005. (In Russ.).

Matsakyan GS. Features of the legal construction of usufruct in Russian, German and French civil law. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2016;2:58-65. (In Russ.).

Matsakyan GS. Legal features of social use of property. In: Suslova SI (ed.). Modern problems of lawmaking and law enforcement: *Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference (Irkutsk, March 11, 2016)*. P. 175–178. Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) VGUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia); 2016. (In Russ.).

Matsakyan GS. Usufruct and Servitude: The Common and Distinctive Features. *Russian Juridical Journal*. 2015;5(104):129-137. (In Russ.).

Matsakyan GS. Usufruct Protection Means in the Roman, European and Russian Law. *History of the State and Law*. 2018;1:41-44. (In Russ.).

Matsakyan GS. Vasilevskaya LYu (ed.). The right of personal use (usufruct) in foreign and Russian civil law. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

Milatz JE. Die Übertragung von Familienvermögen: Besonderheiten im Steuer- und Zivilrecht. 2., korrigierte und aktualisierte Aufl. Hamburg; 2013. (In Germ.).

Petrov EYu (ed.). Fundamentals of inheritance law of Russia, Germany, France. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).

Pokrovskiy IA. Major civil law issues. 6th ed. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Shershenevich GF. Textbook of Russian civil law: (based on the editions of 1912 and 1914–1915): in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).

Sukhanov EA. Problems of the development of Russian private law: selected works 2018–2023. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).

Sukhanov EA. Property law: scientific and educational essay. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Statut Publ.; 2024. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu, Suslova SI. Waiver of real property rights under Russian and German law: problems of definition and interpretation. *Economy and Law*. 2020;2:25-40. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu. On the legal nature of the property contract in civil law. *Zakon i pravo*. 2003;6:66-70. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu. The doctrine of property transactions under German law. Moscow; Statut Publ.; 2004. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu. The Reform of Legislation on Property Rights and their Protection: Contradictions, Problems and Development Tendencies. *Actual Problems of Russian Law*. 2018;(9):110-117. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.110-117.

Vavilin EV. A civil law relation in the mechanism for the implementation of subjective law and the performance of subjective duty. *Russian Law Journal*. 2007;7:49-59. (In Russ.).

Vavilin EV. A subjective civil right and its implementation. *Vlast' zakona*. 2015;1(21):43-51. (In Russ.).

Westermann HP, Gursky K-H, Eickmann D. Sachenrecht. 8., neu bearbeitete Aufl. Hamburg; 2011. (In Germ.).

Zimmermann W. Praktikum der Freiwilligen Gerichtsbarkeit. Heidelberg: C. F. Müller Verlag; 2004. (In Germ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мацакян Гоар Суреновна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vahemats@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goar S. Matsakyan, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vahemats@mail.ru

Материал поступил в редакцию 9 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 октября 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 09.09.2024.

Revised 12.10.2025.

Accepted 17.01.2026.

Е. И. Галяшина

Я. В. Комиссарова

Московский государственный юридический

университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Российская Федерация

Криминалистические подходы к противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий

Резюме. В статье рассматриваются возможности криминалистики как юридической науки прикладного характера для совершенствования механизма противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Ключевая проблема состоит в том, что компьютерно опосредованная коммуникация преступника и жертвы осуществляется дистанционно, преступная деятельность (как подготовка, так и совершение правонарушения) тщательно маскируется, ее следы нивелируются за счет применения современных технологий. В связи с этим у сотрудников правоохранительных органов возникают сложности с установлением местонахождения преступника, его личности и иных обстоятельств, имеющих значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Наряду с принятием на государственном уровне масштабных технических и правовых решений авторы полагают необходимым сосредоточить усилия криминалистов на многоаспектном анализе коммуникативной составляющей механизма преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Установлено, что медианарратив «жертвой мошенников может стать каждый» контрпродуктивен, так как он деморализует граждан, осложняя выявление и расследование рассматриваемой категории преступлений. Указано на целесообразность изменения подходов к изучению личности жертв мошенников (физических лиц) и формированию частных методик расследования отдельных видов преступлений в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: цифровизация; информационно-коммуникационные технологии; противодействие преступлениям; криминалистика; коммуникация; криминалистическое изучение личности; механизм преступления; мошенничество; медианарратив; криминалистическая профилактика

Для цитирования: Галяшина Е. И., Комиссарова Я. В. Криминалистические подходы к противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 55–66. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.055-066

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (центр компетенций «Социоправо»).

Forensic Approaches to Investigating and Countering Crimes Facilitated by Information and Communication Technologies

Elena I. Galyashina

Yaroslava V. Komissarova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the potential of criminalistic science, understood as an applied legal discipline, to enhance mechanisms for combating crimes carried out using information and communication technologies (ICT). The key problems identified are: that ICT-mediated offender–victim communications occur remotely, that both the preparation and commission of offenses are carefully concealed, and that crime traces are often obscured by modern technologies. These factors create substantial difficulties for law enforcement in establishing offenders' locations, identities, and other circumstances essential to detection, investigation, and prevention. While large-scale technical and legal measures at the state level are necessary, the authors argue that criminalists should also prioritize a multidimensional analysis of the communicative component of ICT-enabled crimes. The study finds that the prevailing media narrative that «anyone can become a victim of fraud» is counterproductive: it demoralizes citizens and hampers the identification and investigation of such offences. The paper recommends revising approaches to studying victims' identities and developing targeted, specialized investigative methods for particular categories of ICT-enabled crimes in the context of digital transformation.

Keywords: digitalization; information and communication technologies; countering crime; forensics; communication; forensic personality studies; crime mechanism; fraud; medianarrative; forensic prevention

Cite as: Galyashina EI, Komissarova YaV. Forensic Approaches to Investigating and Countering Crimes Facilitated by Information and Communication Technologies. *Lex russica*. 2026;79(2):55-66. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.055-066

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the Priority-2030 Strategic Academic Leadership Program («Sociopravo» Competence Center).

Введение

В условиях цифровой трансформации общества стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) оказывает значительное влияние на все сферы деятельности отдельно взятой личности и государства в целом, создавая одновременно преимущества и угрозы для их существования и развития. Злоумышленники, осваивая ИКТ опережающими темпами, всё чаще проявляют преступную активность в информационно-коммуникационной среде. Структура преступной деятельности при этом видоизменяется, непрерывно возникают новые способы совершения противоправных посягательств, их модернизация происходит в ускоренном темпе, что осложняет деятельность правоохранительных органов. Отлаженная годами система подготовки кадров и бюджетного финансирования подразделений, выполняющих разного рода функции

по противодействию преступности, не позволяет оперативно реагировать на новые вызовы.

Так, в криминальные схемы телефонного мошенничества на стороне преступников сегодня вовлечено большое количество молодежи, хорошо владеющей компьютерными технологиями, в то время как потерпевшими становятся преимущественно лица из социально незащищенных слоев населения с низким уровнем цифровой грамотности. Несмотря на некоторое уменьшение количества звонков с так называемых подменных номеров, данная практика еще не изжита. Злоумышленники продолжают использовать беспроводные средства мобильной связи, сим-боксы, возможности SIP-телефонии, виртуальных автоматических телефонных станций, фишинговые сайты или ссылки, ботнеты, фейковые биржевые площадки, криптообменники, «теневые» маркетплейсы и т.п.¹ С целью имитации подлинных речевых, голосовых и визуальных сообщений в мессенджерах и соци-

¹ URL: <https://мвд.рф/news/item/51089163/> (дата обращения: 15.03.2025).

альных сетях распространяются синтезированные с помощью искусственного интеллекта (ИИ) тексты, аудио- и/или видеофайлы. Важно, что для организации хищения денежных средств граждан России транснациональными организованными преступными группами используются кол-центры, действующие на территории недружественных государств, что затрудняет пресечение их деятельности.

Существенный рост и массовый характер мошенничества и иных преступных посягательств с использованием ИКТ потребовали от государства принятия беспрецедентных мер по борьбе с данным рода противоправными деяниями². Создание механизма эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с применением ИКТ, а также уменьшение причиняемого таким образом ущерба признаны одной из приоритетных национальных целей развития Российской Федерации на ближайшие годы³.

Президент РФ В. В. Путин 5 марта 2025 г. провел по видеосвязи совещание с членами Правительства, в ходе которого рассматривались вопросы профилактики общественно опасных деяний, совершаемых с использованием ИКТ, прежде всего телефонного и интернет-мошенничества⁴. Отмечалось, что, несмотря на законодательные и организационные меры, принимаемые органами государственной власти и управления, необходимый уровень безопасности в информационно-коммуникационной сфере пока не достигнут. Это отчасти объясняется виктимным поведением жертв мошенников, низким уровнем их правовой и цифровой грамотности наряду с применением преступниками высокотехнологичных способов анонимизации, методов социальной инженерии (манипулятивных технологий) при общении с потенциальными потерпевшими.

Общественно опасные деяния, совершаемые с использованием ИКТ, чрезвычайно разнообразны. По данным специалистов в области уголовного права, в УК РФ содержится 35 составов преступлений, объективная сторона которых охватывает применение ИКТ: из них 8 закрепляют рассматриваемый признак в качестве криминообразующего, 23 — квалифицирующего и 4 — особо квалифицирующего⁵.

Проблема выявления, раскрытия и расследования такого рода преступлений выходит далеко за пределы предметной области криминалистики и компетенции правоохранительных органов. Поэтому в ходе совещания, проведенного Президентом РФ, председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин предложил рассмотреть вопрос о создании Агентства по противодействию телефонному, интернет-мошенничеству и другим видам интернет-преступлений.

Разумеется, это не означает, что криминалистика не может предложить действенные меры, достаточно результативные не только в текущей ситуации, но и в перспективе. Так, согласно вышеупомянутой Концепции государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — Концепция), в целях повышения эффективности расследования соответствующей категории уголовных дел информационно-аналитическое обеспечение функционирования указанной системы может включать разработку единого методического подхода (криминалистической методики) расследования данных преступлений, аккумулирующего накопленный в разных странах мира положительный опыт.

Рассмотрим некоторые прикладные аспекты научного моделирования указанной частной криминалистической методики.

² Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501090003> (дата обращения: 14.03.2025).

³ Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года // URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcROA.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ Совещание с членами Правительства // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76409> (дата обращения: 14.03.2025).

⁵ Скрипченко Н. Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 200.

Общая характеристика ИКТ

В Концепции под ИКТ понимаются «процессы и методы создания, обработки, распространения информации, а также способы и средства их осуществления», информационно-коммуникационная сфера описывается как «совокупность информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”, технологической инфраструктуры, обеспечивающей их функционирование, и различных форм человеческой активности, осуществляемой посредством их использования».

В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ понятие ИКТ отсутствует. При этом в ст. 2 понятие «информация» определено как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»; под информационными технологиями подразумеваются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»; информационно-телекоммуникационная сеть рассматривается как «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники». Если информация была передана или получена пользователем такой сети, то она именуется электронным сообщением. Иными словами, любые текстовые, аудио-, видеоданные, транслируемые по линиям связи с использованием средств вычислительной техники, являются электронными сообщениями.

Несмотря на сходство дефиниций понятий «информационно-коммуникационные технологии» в Концепции и «информационные технологии» в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ключевое различие со

всей очевидностью детерминировано семантикой слова «коммуникационные», определяющей процессы и методы не только информационного обмена, но и создания информации, ее направленность на достижение поставленных целей, а также отражающей коммуникативную составляющую человеческого общения.

Термин «коммуникация» появился в научной литературе в начале XX в. Сегодня им обозначают всё многообразие информационных процессов между неодушевленными объектами, людьми, с представителями животного мира. Понятия «общение» и «коммуникация» пересекаются, когда рассматриваются передача информации от человека к человеку (межличностная коммуникация) и обмен информацией в обществе (социальная коммуникация)⁷.

Обмен информацией осуществляется посредством сигналов. Сигнал — это знак, несущий сообщение о каком-либо событии или явлении, состоянии объекта наблюдения. Используя совокупность сигналов, можно охарактеризовать любое сколь угодно сложное событие⁸. Такой подход позволяет описать всё многообразие источников криминалистически значимой информации, включая те, что появляются с течением времени (когда на определенном историческом этапе их возникновение не прогнозируется). Это обусловило необходимость выделения в современных учебниках по криминалистике самостоятельной группы следов — знаковых⁹.

Понятие «коммуникационные технологии» широко применяется в профессиональном дискурсе специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью, которые понимают их как совокупность приемов, процедур, средств и методов, используемых в процессе коммуникационного воздействия субъектом коммуникации с целью достижения поставленных целей и задач в разных областях человеческой деятельности¹⁰.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «Консультант-Плюс».

⁷ Комиссарова Я. В. Проблемные аспекты коммуникативной составляющей судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 10 (110). С. 39.

⁸ Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка : около 30 000 наиболее употребительных слов / под ред. проф. В. В. Морковкина. М. : АСТ-Пресс школа, 2018.

⁹ См., например: Криминалистика : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. С. 42–43.

¹⁰ См., например: Савченко Е. А., Макарова Т. П. PR и PR-технологии: сущность, цели, задачи, функции // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 178–180.

Термин «информационно-коммуникационные технологии» обозначает различного рода и назначения технические средства (в широком смысле слова), а также технологии, которые обеспечивают связь, обмен данными и глобальную коммуникацию. При этом наряду с передовыми (такими, как искусственный интеллект, робототехника, 5G/6G, Web3, квантовые вычисления и др.) понятие ИКТ охватывает и постепенно вытесняемые, но всё ещё применяемые для общения коммуникационные технологии с использованием стационарных телефонов, радио- и телевидения.

Очевидно, что «массовое использование ИКТ огромным количеством людей неизбежно приводит к их использованию в криминальных целях»¹¹, а необходимость применения при противодействии преступности не только открывает новые возможности, но и одновременно создает труднопрогнозируемые риски для уголовного судопроизводства¹².

ИКТ как элемент механизма преступления

По данным МВД России, количество преступлений, совершенных с использованием ИКТ, в 2023 г. по сравнению с 2022 г. увеличилось на 30 %, в 2024 г. их прирост по отношению к 2023 г. составил 13,1 %, а доля превысила 40 % от числа всех зарегистрированных преступлений, в то время как раскрываемость колеблется на уровне 30–35 %¹³. ИКТ открывают новые возможности для преступников, способствуют увеличению масштабов преступной деятельности, которая становится всё более изощренной.

К числу ИКТ, позволяющих совершать преступления и скрывать их следы, относятся средства анонимизации, спуфинга, смены фактиче-

ского IP-адреса, подменные номера телефонов, фиктивные данные для регистрации на интернет-платформах, временные сим-карты, подставные счета, оформленные на третьих лиц, так называемые виртуальные кошельки и многое другое¹⁴.

Для сокрытия связи между пользователем сети Интернет и конкретной реальной личностью могут создаваться вымышленная виртуальная личность или незаконно использоваться чужие персональные данные, т.е. злоумышленник будет осуществлять противоправную деятельность от лица ничего об этом не подозревающего человека. Для этого создается фейковый аккаунт в социальной сети и применяются методы социальной инженерии.

Возможности взаимодействия с жертвой в условиях, обеспечивающих анонимность злоумышленника, повышают социальную опасность преступлений с использованием ИКТ. Как справедливо отмечает Ю. В. Гаврилин, следствием цифровой трансформации общества неизбежно является развитие дистанционных способов совершения преступлений, исключающих непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с потерпевшими. Субъекты преступления взаимодействуют с потерпевшими или третьими лицами опосредованно, с использованием средств связи и информационных ресурсов сети Интернет. Применяя методы социальной инженерии для хищения денежных средств, направленные на введение потерпевшего в заблуждение относительно истинной цели телефонного вызова, злоумышленники активно используют технологии ИИ, включая синтез голоса и речи, видеоизображений¹⁵. Это позволяет мошенникам манипулировать поведением человека, подчинять его своей воле вплоть до склонения к преступным действиям.

¹¹ Мещеряков В. А. Теоретические основы слеодообразования в цифровой криминалистике : монография. М. : Проспект, 2022. С. 55.

¹² См., например: Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024.

¹³ URL: <https://habr.com/ru/news/877022/> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁴ Антонян Е. А., Бархатова Е. В. Противодействие киберпреступности // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 7 (64). С. 54–57.

¹⁵ Гаврилин Ю. В. Тенденции цифровой трансформации преступности и факторы, ее обуславливающие // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2020 г. / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. М. : Академия управления МВД России, 2020. С. 204–212.

С учетом изложенного при формировании статистической отчетности в перечень преступлений, совершенных с применением ИКТ или в сфере компьютерной информации, отмечаемых по способу совершения преступления, была включена технология Deepfake (методика синтеза аудио- или визуальной информации, основанная на ИИ, с целью создания сравнимой с оригиналом копии аудио- или видеоизображения)¹⁶. Однако этого мало. Сегодня остро стоит вопрос о разработке методического обеспечения криминалистического анализа следовой картины коммуникации мошенника с жертвой с целью распознавания криминального сценария речевого общения, обнаружения признаков подделки голосовых, видео- или текстовых сообщений, изготовленных с помощью ИИ и используемых в целях как повышения уровня доверия потерпевшего к собеседнику, так и порождения страха распространения дискредитирующей информации, содержащейся в цифровой подделке¹⁷. В ситуации, когда следователь нуждается в специальных знаниях для установления факта манипулятивного психологического воздействия на потерпевшего и выявления фальсификации текстового сообщения, изображения, звуко- и видеозаписей, криминалистика может дать научно обоснованные рекомендации по фиксации, изъятию и криминалистическому исследованию вербально-визуальных следов применения мошеннических схем.

Данные статистики позволяют спрогнозировать дальнейшее увеличение количества зарегистрированных преступлений, совершаемых

с использованием ИКТ¹⁸. Речь идет не только о стремлении преступников нажиться за счет жертв. Информационно-коммуникационная сфера выступает благоприятной площадкой для вредоносной пропаганды, а также посягательств на традиционные ценности общества и смысловые ориентиры личности¹⁹. Применение ИКТ в преступных целях может оказывать значительное влияние на масштабы, скорость совершения и объем уголовно наказуемых деяний, включая те, что связаны с терроризмом и экстремизмом. Инструментарий ИКТ с использованием ИИ модифицирует механизм преступления, превращая преступную деятельность из угрозы общественной безопасности в экзистенциальный вызов для всех систем национальной безопасности каждого отдельно взятого государства и, более того, в международном масштабе.

Ряд мер, которые необходимо принять государствам для предотвращения киберпреступности и борьбы с ней, были сформулированы в Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, принятой Генеральной Ассамблеей в декабре 2024 г. Конвенция, будучи первым всеобъемлющим международным договором по этому вопросу, направлена на укрепление международного сотрудничества при обмене электронными доказательствами по делам о тяжких преступлениях²⁰.

В Конвенции используется семантически сходный с ИКТ термин «информационно-коммуникационная система», который означает любое устройство или группу соединенных или взаимосвязанных устройств, одно или

¹⁶ Указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности. Перечень № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации» // URL: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-Rossii-n-1111-mvd-Rossii/> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁷ Галяшина Е. И., Антонян Е. А., Богатырев К. М. Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности : монография / отв. ред. Е. И. Галяшина. М. : Проспект, 2025. С. 60–61.

¹⁸ Квасникова Т. В. Новые направления мошеннических посягательств с использованием цифровых технологий // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2024. № 2 (107). С. 81–86.

¹⁹ Галяшина Е. И. О понятии цифровой трансформации в криминалистике // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 379–389.

²⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 24.12.2024 79/243 // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/426/76/pdf/n2442676.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

несколько из которых по команде программы производят сбор, хранение и автоматическую обработку электронных данных; под «электронными данными» подразумевается любое представление фактов, информации или концепций в форме, пригодной для обработки в информационно-коммуникационной системе, включая соответствующую программу, в результате действия которой информационно-коммуникационная система выполняет ту или иную функцию (ст. 2 Конвенции).

Прогрессирующая зависимость социума от ИКТ определяет дальнейшую экспансию криминала в виртуальное пространство. В этой связи мы солидарны с теми учеными, кто предлагает на уровне УК РФ использование ИКТ включить в числоотягающих обстоятельств. Как обоснованно пишет Е. А. Русскевич, существенные трудности в процессе раскрытия и расследования преступлений, возникающие в связи с неправомерным сокрытием либо изменением идентификаторов ИКТ, обеспечивают требуемый для отягчающего обстоятельства значимый перепад в уровне общественной опасности деяния²¹.

Изложенное предложение нашло поддержку у правоприменителей: в ходе совещания с Президентом страны председатель СК России А. И. Бастрыкин высказался за то, чтобы использование современных информационных технологий и искусственного интеллекта в противоправных целях стало отягчающим обстоятельством при квалификации деяния.

О значении криминалистического изучения личности

Криминалистика находится на переднем крае борьбы с преступностью, успешность которой во многом зависит от качества аналитической работы следователей и дознавателей по уяс-

нению механизма преступной деятельности в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Стремление получить желаемое мотивирует злоумышленника. Руководствуясь поставленными целями, он выбирает способ совершения преступления. Реализуя преступный замысел, субъект действует в конкретной обстановке: взаимодействуя со средой, он вносит в нее изменения (оставляет следы), анализируя которые правоприменители получают информацию о событии преступления, позволяющую установить и изобличить преступника. Поэтому учение о криминалистических методах и средствах изучения личности занимает важное место среди частных криминалистических теорий²².

Суть любой мошеннической схемы (когда речь идет о физических лицах) — завоевание доверия человека с целью его дальнейшего обмана. Поэтому очевидна необходимость не только повышения цифровой грамотности, но и формирования у граждан определенной культуры коммуникации на основе принципа «нулевого доверия» (концепция, известная как Zero Trust, — «незнакомцу не доверяй без проверки»). В этой связи представляется важным углубленный криминалистический анализ дел о мошенничестве в отношении физических лиц (по видам преступлений) для составления портрета жертвы подобных преступлений за счет выявления криминалистически значимых признаков.

Не следует ограничиваться использованием результатов исследований в данной области, проводимых психологами и криминологами²³. Их подходы к составлению виктимологического портрета жертвы преступления отличаются от тех, что применяются в процессе криминалистического портретирования. Описания индивидуально-психологических особенностей жертв мошенников, их деления на «доверчивых» и

²¹ Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. М. : Инфра-М, 2019. С. 126–127.

²² См., например: Криминалистика / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, И. А. Возгрин [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. М. : Акад. МВД России, 1995. Т. 1 : История, общая и частные теории. С. 221–233 ; Криминалистическое изучение личности : науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедрезов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин [и др.] ; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М. : Проспект, 2016 ; Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. М. Комарова. М. : Юрлитинформ, 2023. С. 402–419.

²³ См., например: Доув М. Психология мошенничества. Методы убеждения и мошенничества / пер. с англ. Е. М. Тарабановой. М. : Гуманитарный центр, 2022. С. 119–143 ; Кабанов П. А. Жертвы кибермошенничества как один из объектов современной кибервиктимологии: краткий статистический анализ показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. 2023. Т. 10. № 1. С. 17–28.

«алчных»²⁴ явно недостаточно для принятия мер криминалистической профилактики, особенно с учетом данных психологов о том, что ключевой характеристикой жертвы телефонного мошенничества является не стремление к обогащению, а страх потерять имеющееся²⁵.

На наш взгляд, при совершении мошенничества в отношении физических лиц в группе риска преимущественно находятся:

1) страдающие психическими расстройствами (речь идет о множестве специфических психических состояний, когда проблемы могут не осознаваться как самим человеком, так и его близким окружением);

2) совершающие правонарушения в целях незаконного обогащения, в том числе уклоняющиеся от уплаты налогов, сборов, страховых взносов;

3) лица, подпадающие под категорию, обозначенную «антигероями» Базилио и Алисой в детском художественном фильме «Приключения Буратино»: «Покуда есть на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки» (диапазон широк — от девиантного поведения до так называемого наивного оптимизма, рассматриваемого психологами в качестве потенциально токсичной формы позитивного мышления)²⁶.

Нетрудно заметить, что в приведенной классификации нет места размытой характеристике «пожилые лица», зато становится понятно, какими причинами могут обуславливаться опасения конкретного человека потерять имеющееся. Такой подход упрощает выработку мер криминалистической профилактики рассматриваемой категории преступлений.

Что касается первой группы, имеет смысл рассмотреть возможность автоинформирования граждан (например, путем СМС-оповещений, направляемых операторами сотовой связи, по аналогии с оповещениями об изменении метеоусловий) о том, что в случае совершения в отношении них мошеннических действий

рекомендуется обратиться за психиатрической помощью.

По данным специалистов, от 65 до 90 % больных с психическими расстройствами изначально обращаются к врачам общей практики, а не к психиатрам. До 70 % людей, совершивших попытку самоубийства, в течение трех месяцев перед этим обращались к терапевтам, невропатологам, кардиологам и другим врачам, 35 % из них длительно лечились у терапевтов или невропатологов²⁷. В какой-то мере обратиться к психиатру людям мешают укоренившиеся негативные стереотипы. Возможно, в случае телефонного мошенничества эти обращения могли бы сыграть позитивную роль. СМИ пестрят рассказами о пожилых людях, передавших большие суммы «на сохранение» мошенникам, когда родственникам не было известно о наличии сбережений. Не секрет, что многие психические расстройства ведут к разрыву связей именно с близкими людьми, из-за чего редко диагностируются на ранней стадии.

Всемирная организация здравоохранения настоятельно призывает директивные органы и активистов разных стран взять на себя повышенные обязательства и активизировать меры по изменению установок, практики и подходов, имеющих отношение к психическому здоровью, его детерминантам и оказанию психиатрической помощи²⁸. Не исключено, что системный анализ поведения людей, ставших жертвами мошенников, проводимый специалистами, может сыграть положительную роль с точки зрения обеспечения ранней диагностики некоторых распространенных психических расстройств.

Данный вопрос является крайне деликатным и нуждается в комплексной проработке. На наш взгляд, целесообразно сформировать рабочую группу из специалистов разного профиля для того, чтобы каждая формулировка и, возможно, правовые последствия принятых решений не выходили за границы этики.

²⁴ См., например: Ревенко Н. И. Криминалистическая характеристика мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. Т. 21. № 2. С. 88.

²⁵ Мешкова Н. В., Кудрявцев В. Т., Ениколопов С. Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2022. № 1. С. 138–157.

²⁶ Подробно см.: Психология глупости / под ред. Ж.-Ф. Мармьона; пер. с фр. Э. Болдиной. М.: Эксмо, 2019.

²⁷ Психические расстройства в общемедицинской практике // URL: <https://lrkpnbgosuslugi.ru/novosti/psihicheskie-rasstroystva-v-obshchemeditsinskoy-praktike.html> (дата обращения: 14.03.2025).

²⁸ ВОЗ: необходимо срочно изменить подход к психическому здоровью и оказанию психиатрической помощи // URL: <https://www.who.int/ru/news/item/17-06-2022-who-highlights-urgent-need-to-transform-mental-health-and-mental-health-care> (дата обращения: 14.03.2025).

В отношении лиц, включенных во вторую группу, целесообразно проработать вопрос об усилении уголовной ответственности за совершение преступления, если в отношении субъекта преступления были предприняты мошеннические действия, в силу которых мошенники завладели деньгами и ценностями, добытыми преступным путем. Когда незаконным способом нажитые средства переходят к мошенникам, они не могут быть изъяты для погашения причиненного ущерба или конфискации в пользу государства²⁹.

Изменению позиции субъектами последней группы отчасти могло бы способствовать смещение акцентов в информационном поле.

Участники проведенной кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 10 февраля 2025 г. совместно с Молодежной секцией Международного союза криминалистов дизайн-сессии «Криминалистическая превенция телефонного мошенничества» обратили внимание на то, что стереотип, навязанный СМИ, «жертвой мошенников может стать каждый» сегодня является контрпродуктивным³⁰. С одной стороны, можно согласиться с тем, что к любому человеку в силу его индивидуально-психологических особенностей и некоторых других факторов злоумышленники могут подобрать ключ — побудить выполнить их требования. С другой стороны, данный тезис деморализует граждан, превращая в безвольных жертв, что осложняет выявление и расследование рассматриваемой категории преступлений.

На наш взгляд, назрела необходимость смены медианарратива: следует отказаться от введения телефонных мошенников в ранг мастеров гипноза и властителей душ и определить круг обязанностей, которые могут и должны нести граждане в условиях цифровой трансформации общества в целях предупреждения совершения преступлений с использованием ИКТ. В Концепции отмечены необходимость повышения уровня осведомленности граждан о методах совершения противоправных деяний и

способах защиты от них, значение социальной рекламы, направленной на воспитание цифровой грамотности, но ничего не сказано о личной ответственности граждан за свою информационную безопасность (в широком смысле слова) и сохранность имущества.

Заключение

Современная криминалистика — не застывшая, а динамически развивающаяся на основе интеграции и дифференциации область научных знаний, нацеленная на разработку средств, приемов и методов обнаружения, фиксации, изъятия, исследования следов преступления и использования полученной таким образом информации в доказывании по уголовным делам. Появление новых видов преступлений, совершаемых с применением ИКТ, обусловило изменение следовой картины противоправных деяний, что никоим образом не меняет природу криминалистики как юридической науки. В настоящее время в условиях цифровизации общественной жизни наблюдается некоторое смещение фокуса внимания ученых и практиков на изучение закономерностей, связанных с техническими аспектами преступной деятельности. Однако это не должно мешать анализу ее коммуникативной составляющей.

Преступления как совершают, так и расследуют люди. На данном этапе развития общества и государства представляются утопическими идеи авторов научных публикаций, полагающих, что в обозримом будущем «раскрытие преступлений на основе баз данных о лице, накопленных в агрегированных системах данных государства-платформы, в сети Интернет, телекоммуникационных, информационных каналах связи, будет осуществляться, разумеется, не людьми-«киберследователями», а техническими интеллектуальными агентами»³¹.

Другое дело — изменение подходов к формированию и совершенствованию частных методик расследования отдельных видов пре-

²⁹ Наше предложение в определенной мере коррелирует с вышеобозначенной позицией СК России относительно необходимости усиления ответственности за преступления, совершаемые с применением ИКТ.

³⁰ Ученые-криминалисты обсудили превенцию телефонного мошенничества // URL: <https://msal.ru/news/prepodavateli-universiteta-imeni-o-e-kutafina-mgyua-rasskazali-o-preventsii-telefonnogo-moshennicheska/> (дата обращения: 14.03.2025).

³¹ Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 14.

ступлений, обусловленное расширением сферы применения ИКТ.

В рамках XII Московского инновационного юридического форума 26 марта 2025 г. кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) провела панельную дискуссию «Криминалистическое обеспечение противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»³². Предваряя выступления спикеров, модератор (соавтор статьи Я. В. Комиссарова) отметил, что за счет синергии правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических подходов в современных условиях все преступления условно можно разделить на три группы:

а) преступления, методика расследования которых позволяет следователю самостоятельно получать криминалистически значимую информацию в установленном законом порядке (например, направленные против личности);

б) преступления, алгоритм расследования которых строится на привлечении в установленном законом порядке лиц, обладающих

специальными знаниями, предоставляющих следователю криминалистически значимую информацию для принятия процессуальных решений (например, в сфере компьютерной информации);

в) преступления, криминалистический алгоритм расследования которых может быть реализован в соответствии с действующим УПК РФ только после выработки и принятия на государственном уровне масштабных технических и правовых решений.

В последнюю группу входят преступления, совершаемые с использованием ИКТ. Вступление в силу федерального закона «О создании государственных информационных систем по противодействию правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³³ задает новый вектор научных исследований, с учетом которого криминалистам предстоит модифицировать работу по формированию соответствующих частных методик расследования преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонян Е. А., Бархатова Е. В. Противодействие киберпреступности // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 7 (64). С. 54–57.

Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.

Гаврилин Ю. В. Тенденции цифровой трансформации преступности и факторы, ее обуславливающие // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2020 г. / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. М. : Академия управления МВД России, 2020. С. 204–212.

Галяшина Е. И. О понятии цифровой трансформации в криминалистике // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 379–389.

Галяшина Е. И., Антонян Е. А., Богатырев К. М. Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности : монография / отв. ред. Е. И. Галяшина. М. : Проспект, 2025. 272 с.

Доув М. Психология мошенничества. Методы убеждения и мошенничества / пер. с англ. Е. М. Тарабановой. М. : Гуманитарный центр, 2022. 224 с.

Кабанов П. А. Жертвы кибермошенничества как один из объектов современной кибервиктимологии: краткий статистический анализ показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. 2023. Т. 10. № 1. С. 17–28.

Квасникова Т. В. Новые направления мошеннических посягательств с использованием цифровых технологий // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2024. № 2 (107). С. 81–86.

³² Криминалисты vs мошенники, использующие информационно-телекоммуникационные технологии // URL: <https://msal.ru/news/kriminalisty-vs-moshenniki-ispolzuyushchie-informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/> (дата обращения: 01.04.2025).

³³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/842276-8> (дата обращения: 01.04.2025).

Комиссарова Я. В. Проблемные аспекты коммуникативной составляющей судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 10 (110). С. 38–46.

Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. М. Комарова. М. : Юрлитинформ, 2023. 712 с.

Криминалистика. Т. 1 : История, общая и частные теории / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, И. А. Возгрин [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. М. : Акад. МВД России, 1995. 278 с.

Криминалистика : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. 544 с.

Криминалистическое изучение личности : науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин [и др.] ; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М. : Проспект, 2016. 224 с.

Мешкова Н. В., Кудрявцев В. Т., Ениколопов С. Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2022. № 1. С. 138–157.

Мещеряков В. А. Теоретические основы слеодообразования в цифровой криминалистике : монография. М. : Проспект, 2022. 176 с.

Психология глупости / под ред. Ж.-Ф. Мармьона ; пер. с фр. Э. Болдиной. М. : Эксмо, 2019. 320 с.

Ревенко Н. И. Криминалистическая характеристика мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. Т. 21. № 2. С. 87–90.

Рускевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. М. : Инфра-М, 2019. 227 с.

Савченко Е. А., Макарова Т. П. PR и PR-технологии: сущность, цели, задачи, функции // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 178–180.

Скрипченко Н. Ю. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в криминальных целях: нормативный учет и перспективы расширения уголовно-правового значения // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 196–214.

Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 48 с.

REFERENCES

Antonyan EA, Barkhatova EV. Countering cybercrime. *Eurasian Union of Scientists (EUS)*. 2019;7(64):54-57. (In Russ.).

Averyanova TV, Belkin RS, Vozgrin IA, et al. Belkin RS, Kolomatsky VG, Luzgin IM (eds.). *Forensics*. Vol. 1: History, general and specific theories. Moscow: MIF RF Academy Publ.; 1995. (In Russ.).

Bastrykin AI, Ishchenko IP, Komissarova YaV (eds.). *Criminalistics*. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).

Bedrizov AG, Volchetskaya TS, Galyashin NV, et al. Komissarova YaV (ed.). *Forensic study of personality*. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).

Churikova AYU. Use of information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation. *Dr. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract*. Saratov; 2024. (In Russ.).

Douv M. Psychology of fraud. Methods of persuasion and fraud. Tr. from English by Tarabanova EM. Moscow: Gumanitarnyi tsentr Publ.; 2022. (In Russ.).

Galyashina EI (ed.), Antonyan EA, Bogatyrev KM. Protection against artificial intelligence and neurotechnology abuse in terms of media security. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Galyashina EI. On the Concept of Digital Transformation in Criminalistics. *Russian Journal of Criminology*. 2024;18(4):379-389. (In Russ.).

Gavrilin YuV. Trends in the digital transformation of crime and the factors driving it. In: Chistoborodov IG, Sitkovskogo AL, Lapina VO (eds). *Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: State, trends, prospects*. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 23, 2020. Moscow: MIA Academy of Management Publ.; 2020. (In Russ.).

Kabanov PA. Victims of cyber theft as an object of modern Russian cybervictimology: a criminological analysis of statistical indicators of criminal victimhood 2021–2022. *Viktimologiya [Victimology]*. 2024;11(1):25-42. (In Russ.). DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-25-42.

Komarov IM. *Criminalistics*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2023. (In Russ.).

- Komissarova YaV. Problematic Aspects of the Communicative Component of Legal Proceedings. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;10(110):38-46. (In Russ.).
- Kvasnikova TV. New Areas of Fraudulent Attacks Committed through Digital Technologies. *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2024;2(107):81-86. (In Russ.).
- Marmontel JF. Psychology of stupidity. Moscow: Eksmo Publ.; 2019. (In Russ.).
- Meshcheryakov VA. Theoretical foundations of trace formation in digital forensics. Moscow: Prospekt Publ.; 2022.
- Meshkova NV, Kudryavtsev VT, Enikolopov SN. To the Psychological Portrait of the Victims of Telephone Fraud. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*. 2021;1:138-157. (In Russ.). DOI: 10.11621/vsp.2022.01.06.
- Revenko NI. Criminalistic Characteristics of Frauds Committed Using Information and Telecommunication Technologies. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» [Herald of Omsk University. Series «Law»]*. 2024;21(2):87-90. (In Russ.). DOI: 10.24147/1990-5173.
- Ruskevich EA. Criminal law and «digital crime»: problems and solutions. Moscow: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).
- Savchenko EA, Makarova TP. PR and PR-Technologies: Essence, Objectives, Tasks, Functions. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2019;3:178-180. (In Russ.).
- Skripchenko NYu. The Use of Information and Telecommunication Networks for Criminal Purposes: Regulatory Accounting and Prospects for Expanding Criminal Law Authority. *RUDN Journal of Law*. 2024;28(1):196-214. (In Russ.).
- Vlasova SV. On the question of adapting the criminal procedure mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*. 2018;1:9-18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галяшина Елена Игоревна, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
eigalyashina@gmail.com

Комиссарова Ярослава Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
a5143836@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena I. Galyashina, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philology), Professor, Honorary Education Worker of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
eigalyashina@gmail.com

Yaroslava V. Komissarova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honorary Education Worker of the Russian Federation, Associate Professor, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
a5143836@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 11 апреля 2025 г.
Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 23.03.2024.
Revised 11.04.2025.
Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.067-082

А. А. Бимбинов

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): теоретические и правоприменительные аспекты

Резюме. В статье содержатся результаты исследования уголовного законодательства об ответственности за картель, практики его применения и содержания признаков соответствующего состава преступления. Установлено, что объектом преступного посягательства является состояние рынка товаров, работ и услуг, позволяющее формально равным субъектам экономической деятельности иметь равные возможности для получения прибыли, а потребителям выбирать лучшее для себя из имеющихся предложений. Двойное упоминание в ч. 1 ст. 178 УК РФ ограничения конкуренции не расширяет перечень криминообразующих признаков. Формулировка диспозиции содержит наименование преступления и описание соответствующего деяния, что характерно для уголовного закона и в отношении рассматриваемого преступления обусловлено отраслевым законодательством. В ходе исследования определено, что стоимостные признаки состава, например величина дохода, используются для характеристики общественной опасности криминального деяния в целях разведения юридической ответственности на административную и уголовную. Эти признаки отражают не столько экономический результат поведения виновных, сколько масштабность их противоправной деятельности, придающую содеянному преступный характер. Кроме того, отмечена актуальность признака «причинение ущерба». Деятельность конкурентов (например, в ритейле — направленная на поддержание определенных цен, раздел рынка, сокращение товаров, установление дополнительных условий для заключения договоров) вполне может причинить реальный ущерб другим хозяйствующим субъектам, которые в отсутствие рентабельности могут потерять производство и продукцию. В работе также дается характеристика неочевидных квалифицирующих признаков рассматриваемого состава преступления.

Ключевые слова: картель; сговор; антиконкурентное соглашение; антиконкурентные действия; монополистическая деятельность; уголовная ответственность; крупный ущерб; торги; повышение цен; потребитель

Для цитирования: Бимбинов А. А. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): теоретические и правоприменительные аспекты. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 67–82. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.067-082

Restricting Competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation): Theoretical and Law-Enforcement Issues

Arseniy A. Bimbinov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper presents the results of a doctrinal and comparative study of criminal legislation and practice concerning liability for cartel conduct, and analyzes the constituent elements (*corpus delicti*) of the relevant offence. It is shown that the legal object of the offence is the state of the market for goods, works and services, i.e., the institutional conditions that afford formally equal economic actors equal opportunities to obtain profit and enable consumers to choose among available offers. The double reference to «restrictions on competition» in Part 1 of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation does not expand the catalogue of criminally relevant elements. The statutory disposition, which names the offence and describes the prohibited conduct, is formulated in general criminal-law terms, while the concrete content of the proscribed behavior is determined

© Бимбинов А. А., 2026

by sectoral economic regulation. The study further demonstrates that quantitative (value-based) thresholds (for example, the amount of income or benefit) are employed to assess the public danger of the act and to delimit administrative responsibility from criminal responsibility. Such thresholds indicate the scale of unlawful activity rather than merely its economic outcome, thereby imparting a criminal character to the conduct. The author emphasizes the relevance of actual «causing of damage:» competitor conduct (e.g., price-fixing, market-division, discriminatory contract terms) can inflict tangible harm on other market participants. Finally, the paper identifies and explicates several non-obvious qualifying elements of the offence under consideration.

Keywords: cartel; collusion; anticompetitive agreement; anticompetitive actions; monopolistic activities; criminal liability; major damage; bidding; price increases; consumer

Cite as: Bimbinov AA. Restricting Competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation): Theoretical and Law-Enforcement Issues. *Lex russica*. 2026;79(2):67-82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.067-082

Введение

Ценность мер, направленных на поддержку конкуренции, с момента перехода к рыночной экономике никогда ни у кого не вызывала сомнений. Сегодня значимость таких мер возросла как никогда. Введенные против Российской Федерации экономические ограничения существенно повлияли на состояние рынка товаров, работ и услуг. Отдельные организации прекратили или приостановили деятельность, другие, напротив, масштабировали свои предприятия, получив в том числе возможность влиять на баланс спроса и предложения. Новые участники экономических отношений, возникшие в процессе естественного, а также вынужденного импортозамещения, продолжают встраиваться в экономику страны, допуская при этом многочисленные нарушения. Изложенное расставляет акценты и требует обеспечения экономической безопасности России, в том числе посредством реализации юридической ответственности за деяния, причинившие вред экономике. Уголовному праву как одному из наиболее эффективных регуляторов экономических отношений в этой связи отведена особая роль. Государство уже много лет стремится обеспечить неотвратимость ответственности и придать уголовно-правовым нормам, охраняющим отношения в сфере экономической деятельности, осязаемую компенсационную функцию. По делам об имущественных, предпринимательских, налоговых и внешнеэкономических преступлениях эти задачи в целом выполняются. Однако формам реализации ответственности за антиконкурентные посягательства еще предстоит пройти этот путь. Во многом это обусловлено несовершенством законодательства, в том числе в части межотраслевых связей, и дефектами правоприменения.

Законодательство об уголовной ответственности за антиконкурентные посягательства

Единственной нормой уголовного закона, которая предусматривает ответственность за непосредственное посягательство на конкуренцию, является статья 178 УК РФ. Сегодня ее применение возможно только по делам о картельных соглашениях, в результате которых их участники извлекли доход в крупном размере или причинили крупный ущерб. Однако ранее эта статья применялась и по другим нарушениям антимонопольного законодательства. Так, П1 и П2 признаны виновными в ограничении конкуренции посредством устранения с рынка других субъектов экономической деятельности по ч. 2 и по ч. 3 (только П2) ст. 178 УК РФ. По делу установлено, что подсудимые и еще одно лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в связи с неустановлением его местонахождения, прибыли в офис фирм ООО № 1 и ООО № 2 и потребовали от их руководителей Ф. И. О.1 и Ф. И. О.2 документы, касающиеся ферментного направления их деятельности. Ф. И. О.2 и Ф. И. О.1, полагая, что они имеют законное право заниматься торговлей ферментами для производства спирта, ответили, что документов представить не могут, однако могут гарантировать, что не будут поставлять товары на заводы, с которыми сотрудничают подсудимые. Поскольку противоправный умысел сообщников состоял в полном устранении ООО № 1 и ООО № 2 с рынка ферментных препаратов для производства спирта, компромиссное предложение Ф. И. О.2 и Ф. И. О.1 их не устроило. Поэтому они продолжили действия по устранению с рынка конкурентов, поручив П1 оказывать дальнейшее давление на руководителей указанных ООО. Выполняя это поручение, П1 во время встречи с ними в категоричной форме заявил Ф. И. О.1,

Ф. И. О.2 и Ф. И. О.3, что он лично запрещает им заниматься торговлей ферментами и что они обязаны все документы по данному виду деятельности передать двум его сообщникам.

При этом П1 осознавал, что заявляет незаконные требования как сотрудник налоговой полиции, имеющий реальные возможности создать трудности в деятельности ООО, и рассчитывал, что это само по себе окажет воздействие на Ф. И. О.1, Ф. И. О.2 и Ф. И. О.3. Последние, реально опасаясь в случае отказа выполнить незаконные требования П1, П2 и другого лица применения к ним и их близким упомянутого ранее насилия, а также каких-либо действий со стороны П1 в связи с занимаемым им служебным положением, вынуждены были согласиться с их требованиями. Потерпевшие передали П1, П2 и их сообщнику все имеющиеся документы, касающиеся торговли ферментными препаратами, а именно: санитарно-эпидемиологические заключения на ферментные препараты, контракт ООО с фирмой «*» из США, технологические инструкции по применению ферментных препаратов, закупленные ООО, договоры с покупателями и др. Передача данных документов исключала возможность для потерпевших в дальнейшем заниматься коммерческой деятельностью по торговле ферментными препаратами¹.

Первоначально статья 178 УК РФ предусматривала ответственность за монополистические действия, совершенные путем установления монополично высоких или монополично низких цен, а равно ограничение конкуренции посредством раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен.

Затем в 2003 г. указанная статья поменяла наименование, в ее диспозицию добавили способы («...путем установления или поддер-

жания монополично высоких...») и обязательное последствие — крупный ущерб (свыше 1 млн руб.)².

В 2009 г. ст. 178 УК РФ приводят в соответствие с новым регулятивным законодательством и дополняют новыми альтернативно-конструктивными признаками. С этого момента деяние состоит в недопущении, ограничении или устранении конкуренции путем заключения ограничивающих конкуренцию соглашений или осуществления ограничивающих конкуренцию согласованных действий, неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монополично высокой или монополично низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, если это причинило крупный ущерб (свыше 1 млн руб.) гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере (свыше 5 млн руб.)³.

В 2011 г. объективная сторона рассматриваемого преступления уточняется: ограничивающее конкуренцию соглашение должно заключаться только между хозяйствующими субъектами-конкурентами, а пункт 3 примечаний к ст. 178 УК РФ трансформировался из типичного основания освобождения в связи с деятельным раскаянием в специфическое по делам о коллективных экономических преступлениях, распространенное в западных экономиках: когда является с повинной первый из заключивших противоправное соглашение⁴.

Федеральным законом от 08.03.2015 № 45-ФЗ⁵ редакция ст. 178 была вновь изменена и в части основного состава (ч. 1) остается в таком виде до сегодняшнего дня. В апреле 2024 г. были актуализированы размерные признаки основного и квалифицированного составов⁶. В декабре 2024 г. существенным образом

¹ Приговор Рязанского областного суда от 15.02.2010 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

² Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 29.07.2009 № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 08.03.2015 № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶ Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

преобразованы квалифицирующие признаки, закреплён алгоритм установления криминального дохода и уточнены условия освобождения от уголовной ответственности⁷.

Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации

На данный момент преступление, предусмотренное статьей 178 УК РФ, состоит в ограничении конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством РФ, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере.

Т. Д. Устинова пишет, что исключение из объективной стороны рассматриваемого состава такого деяния, как злоупотребление доминирующим положением, не вполне оправданно. Указанное злоупотребление может воплощаться в монопольно высоких (или низких) ценах на товар, что может привести к общественно опасным последствиям для конкурентов и потребителей⁸.

А. Ю. Кинев и А. П. Тенишев, напротив, положительно оценивают сведения состава преступления, предусмотренного статьей 178 УК РФ, к заключению картеля, поскольку ранее действовавшие редакции этой статьи в совокупности с искаженными представлениями о конкуренции в сознании правоприменителей приводили к неверной интерпретации уголовно-правового смысла охраны конкуренции в приговорах судов⁹.

Необходимо отметить, что в процессе либерализации ответственности все иные антиконкурентные действия перешли из ст. 178 УК РФ в КоАП РФ, причем в качестве преступления остался лишь крупный картель в силу его надлежащей общественной опасности.

Картельные соглашения наносят непоправимый ущерб бюджету и государственным организациям. Этот ущерб может быть материальным, когда в условиях сговора торги не приводят к тем финансовым результатам, которые могли бы быть достигнуты в условиях конкуренции, и идеологическим, когда дискредитируются правовые нормы, направленные на справедливое распределение ресурсов и прав, на защиту конкуренции. Таким образом подрывается доверие к государственным институтам, участвующим в этих процессах, создаются условия для коррупции¹⁰.

А. В. Тесленко отмечает, что ущерб от деятельности картелей может достигать 1,5–2 % валового внутреннего продукта, что значительно превышает общий показатель ущерба, причиняемого другими преступлениями экономической направленности¹¹.

Высокие поражающие экономику возможности антиконкурентных соглашений¹² и ограниченность превентивного потенциала административно-деликтного права¹³ подтверждают общественную опасность крупных картелей и определяют необходимость их уголовно-правового запрета.

Кроме того, распространенность подобных противозаконных соглашений не уменьшается. А. П. Тенишев и М. А. Хамуков полагают, что это во многом предопределено площадью страны (проблемы логистики формируют локальные рынки), памятью субъектов о плановости эко-

⁷ Федеральный закон от 13.12.2024 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁸ Устинова Т. Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 110–117.

⁹ Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за картели // Юрист. 2017. № 1. С. 7–13.

¹⁰ Кинев А. Ю. Борьба со сговорами на торгах — путь к снижению расходов государства // Юрист. 2016. № 1. С. 14–19.

¹¹ Тесленко А. В. Уголовный кодекс — инструмент репрессии или защиты добросовестных предпринимателей? // Закон. 2018. № 8. С. 84–92.

¹² Шевелева С. В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 106–123.

¹³ Сегал (Решетникова) С. Б., Маслов А. О. Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2. С. 10–17.

номики (когда условно благие побуждения не позволяют допускать неизвестных участников), большим количеством проводимых торгов, разрозненностью отечественной экономики (включающей ультрасовременные и отстающие рынки) и развитием цифровых технологий, которые в том числе приводят к созданию новых антиконкурентных практик¹⁴.

Конкуренция является механизмом, направленным на достижение баланса интересов предпринимателей и потребителей, а также обуславливающим качественную составляющую рынка, предполагающую определение субъектного состава его участников, количественные и качественные характеристики представленного на нем товара (работ, услуг) и их цену. Конкуренция стимулирует предпринимателей к производству более качественного товара и представлению его на рынке по более справедливой по сравнению с конкурентами цене¹⁵. Когда отдельные хозяйствующие субъекты вступают в сговор и пытаются изменить правила, что приводит к нарушению баланса интересов предпринимателей и потребителей, влекущему определение несправедливой рыночной стоимости товаров, имеет место тот самый крупный картель, запрещенный статьей 178 УК РФ.

Объектом преступления, предусмотренного статьей 178 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие конкуренцию, т.е. состояние рынка товаров, работ и услуг, позволяющее формально равным субъектам экономической деятельности иметь равные возможности для получения прибыли, а потребителям выбирать лучшее для себя из имеющихся предложений.

В соответствии с ч. 1 ст. 178 УК РФ общественно опасное деяние выражается в ограничении конкуренции посредством заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения — картеля, запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством РФ (если это деяние причинило крупный ущерб либо повлекло извлечение дохода в крупном размере).

Картелем согласно ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции»¹⁶ (далее — Закон о защите конкуренции) признаются запрещенные соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами (т.е. осуществляющими продажу или приобретение товаров на одном товарном рынке), если такие соглашения приводят или могут привести к установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращению или прекращению производства товаров; отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Изложенная формулировка положила начало дискуссии о возможности ее применения для целей привлечения к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ. Многие правоведы, имеющие в том числе опыт работы в антимонопольном органе, указывают, что в соответствии с Законом о защите конкуренции картели запрещены *per se*, а диспозиция ст. 178 УК РФ требует установления ограничения конкуренции при заключении ограничивающих конкуренцию соглашений, т.е. доказывания наступления одного из пяти вышеперечисленных последствий картельного сговора.

И. В. Башлаков-Николаев, ссылаясь на презумпцию добросовестного соперничества хозяйствующих субъектов, пишет, что для целей уголовной и административной ответственности запрещенности картеля как такового недостаточно, необходим обязательный элемент правонарушения в виде наступления вреда конкуренции¹⁷.

По сути, такого же мнения придерживаются его коллеги. А. Ю. Кинев и А. П. Тенишев отмечают, что, несмотря на запрет картелей *per se*, уголовный закон обязывает устанавливать целый ряд обстоятельств, в том числе то, что ограничивающее конкуренцию соглашение

¹⁴ Тенишев А. П., Хамуков М. А. Новый «антикартельный пакет»: защита общественных интересов или мифы о давлении на бизнес? // Закон. 2020. № 2. С. 65–73.

¹⁵ Демиева А. Г. Конкуренция как стимул осуществления предпринимательской деятельности: правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 61–68.

¹⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

¹⁷ Башлаков-Николаев И. В. Новый антикартельный пакет и вероятные последствия его принятия // Закон. 2020. № 10. С. 109–119.

ограничивает конкуренцию. ФАС России, изобличая картели, не должна доказывать ограничение конкуренции, а обязана установить лишь факт ограничивающего конкуренцию соглашения. Следователи и суды, напротив, должны это делать, что, по мнению авторов, является требующим устранения противоречием между антимонопольным и уголовным законодательством¹⁸.

Законопроект об устранении этого противоречия даже был подготовлен, в пояснениях к нему изложенная ситуация была представлена как основной аргумент в пользу необходимости принятия данного акта¹⁹.

Вместе с тем обозначенная проблема не являлась и не является препятствием для уголовного судопроизводства по ст. 178 УК РФ. Доказывание последствий в виде ограничения конкуренции осуществляется посредством истребования заключения специалиста антимонопольного органа в порядке, предусмотренном УПК РФ. Истребование такого заключения чаще всего осуществляется в рамках уже возбужденного уголовного дела²⁰.

П. С. Яни пишет, что описание уголовно-правовой нормы по ч. 1 ст. 178 УК РФ приводит юристов к разным выводам. Слова «ограничение конкуренции путем заключения ограничивающего конкуренцию соглашения» нередко воспринимаются как противоправное деяние и его последствие: ограничивающее конкуренцию соглашение и ограничение конкуренции соответственно. Эту же формулировку можно интерпретировать как деяние и его характеристику (свойство деяния). Такая двойственность понимания диспозиции ст. 178 Кодекса не означает констатацию неустранимого сомнения в содержании уголовно-правового запрета. Поскольку, как отмечает автор, из понятия картеля следует, что к нему относятся соглашения, влекущие ограничение конкуренции, необходимо признать, что ограничение конкуренции не является каким-то самостоятельным признаком состава, поэтому его неустановление не влияет на квалификацию деяния по ст. 178 УК РФ²¹.

Раскрывая положение закона о запрете ограничивающих конкуренцию соглашений, Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что необходимо исходить из того, что само по себе взаимодействие хозяйствующих субъектов к общей выгоде, в том числе предполагающее объединение их усилий, взаимное согласование и совместное осуществление действий на товарном рынке (например, заключение договоров простого товарищества для ведения совместной деятельности; привлечение одним хозяйствующим субъектом другого в качестве соисполнителя (субподрядчика) по гражданско-правовому договору; участие в решении общих проблем функционирования рынка в рамках деятельности профессиональных ассоциаций), антимонопольным законодательством не запрещается. Достигнутые между хозяйствующими субъектами договоренности запрещаются антимонопольным законодательством, если целью или результатом соглашений является недопущение (устранение, ограничение) соперничества хозяйствующих субъектов на товарных рынках.

Исходя из ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, при установлении наличия картельного соглашения подлежит доказыванию факт того, что участники картеля являются конкурентами на товарном рынке и достигнутые между ними договоренности имеют предмет, определенный в п. 1–5 ч. 1 ст. 11 этого Закона. Наличие конкурентных отношений между участниками картеля подтверждается результатами анализа состояния конкуренции на товарном рынке. Ограничение конкуренции картелем в случаях, упомянутых в указанных пунктах, в силу Закона предполагается²².

Вышеописанное ограничение конкуренции (определенное фактом заключения соглашения) является административным правонарушением, предусмотренным статьей 14.32 КоАП РФ. Уголовно наказуемое ограничение конкуренции требует большего числа обязательных признаков, но не предполагает установления (обязательного исследования)

¹⁸ Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Указ. соч. С. 7–13.

¹⁹ Тенишев А. П., Тесленко А. В. Антикартельный пакет: «экстраполномочия» или оправданные меры? // СПС «КонсультантПлюс», 2020.

²⁰ Петров Д. А. Проблемы доказывания нарушения антимонопольного законодательства с использованием материалов уголовного дела // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 3–8.

²¹ Яни П. С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля // Законность. 2020. № 5. С. 45–49.

²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

обстоятельств, предусмотренных в п. 1–5 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

Двойное упоминание в ч. 1 ст. 178 УК РФ ограничения конкуренции не расширяет перечень криминообразующих признаков. Исторический анализ политико-правовой судьбы ст. 178 УК РФ свидетельствует, что избранная в ч. 1 формулировка диспозиции содержит наименование преступления и описание соответствующего деяния. Диспозиции типа «доведение лица до самоубийства... путем угроз...», «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению...», «собираение сведений, составляющих коммерческую... тайну, путем похищения документов...» отличаются лишь тем, что в тексте используются разные словосочетания, в то время как в ч. 1 ст. 178 УК РФ дважды упоминается «ограничение конкуренции» в силу того, что законодатель при конструировании указанного состава преступления использовал категории отраслевого законодательства.

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного статьей 178 УК РФ, является извлечение дохода в крупном размере или причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству.

В соответствии с примечаниями к ст. 178 УК РФ доходом в крупном размере признается сумма, превышающая 80 млн руб., а крупным ущербом — превосходящая 16 млн руб.

При определении дохода устоялась практика, применяемая ранее по делам о незаконном предпринимательстве. Правомерность исчисления размера извлеченного в результате картеля дохода по правилам, предусмотренным для квалификации незаконного предпринимательства, т.е. без вычета произведенных виновным расходов, обусловлена сходством оцениваемых при квалификации по ст. 171 и 178 УК РФ фактических обстоятельств. Как и при незаконном предпринимательстве, весь доход, полученный в результате исполнения контракта, заключенного по результатам торгов, проведенных под воздействием картельного соглашения, является незаконным, поскольку при соблюдении законодательства о конкуренции

хозяйствующий субъект такую деятельность осуществлять бы не смог и признание его победителем на торгах находится в прямой причинно-следственной связи с совершением уголовно наказуемого деяния. Согласно информации АО «Сбербанк-АСТ» об электронном аукционе на капитальный ремонт здания Килемарской средней общеобразовательной школы, начальная цена контракта составляла 118 480 093 руб. Такая сумма, в соответствии с примечаниями к ст. 178 УК РФ, относится к крупному размеру²³.

Тем не менее этот подход активно критикуется в науке. Так, А. Е. Шаститко и К. В. Дозмаров считают, что логика определения дохода для целей ст. 171 УК РФ тут не уместна, потому что с экономической точки зрения незаконным является не весь доход от картеля, а только разница между полученным доходом и доходом, который сформировался бы без учета незаконных действий. Они полагают, что более адекватным в этом смысле является подход, применяемый к определению излишнего дохода, как в ст. 185.3 УК РФ²⁴.

В целом признавая допустимость исчисления дохода от картеля по примеру незаконного предпринимательства, П. С. Яни всё же считает верным устанавливать доход исходя не из общей суммы, извлеченной всеми участниками картельного соглашения, а из ее части (без суммирования), которая была получена хозяйствующим субъектом, участвующим в картельном сговоре, привлекаемым к уголовной ответственности. Автор полагает, что такой подход соответствует позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой доход, полученный группой хозяйствующих субъектов в результате нарушения антимонопольного права, должен определяться на основе суммы, подлежащей взысканию персонально с каждого из этих субъектов пропорционально незаконно полученным средствам. Он также отмечает, что в противном случае на лицо, желающее выполнить условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, неосновательно будут возложены обязанности по передаче в бюджет суммы денежных средств, незаконно полученных другими участниками картеля, которые могут их сохранить при себе²⁵.

²³ Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 13.02.2023 по делу № 1-19/2023.

²⁴ Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Уголовное право в антитрасте — хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. № 9. С. 141–150.

²⁵ Яни П. С. Вопросы квалификации ограничения конкуренции (ст. 178 УК) по признаку извлечения дохода // Законность. 2021. № 10. С. 28–32.

Представляется всё же, что при использовании понятия дохода для формулирования объема и содержания форм реализации административной либо уголовной ответственности противоречия между признаками состава преступления и соответствующими средствами правового воздействия в отношении виновных лиц отсутствуют. Виновный или виновные в ограничении конкуренции вправе воспользоваться возможностью быть освобожденными от уголовной ответственности, если они согласятся и смогут перечислить в бюджет всю сумму преступного дохода и денежное возмещение в размере двукратной суммы этого дохода. При этом освобождены могут быть все участники картеля, возместившие ущерб от преступления. Более того, у участников картеля имеется дополнительное основание освобождения, предусмотренное в п. 4 примечаний к ст. 178 УК РФ, где установлены другие условия.

Стоимостные признаки, в частности величина дохода, зачастую используются для характеристики общественной опасности криминального деяния в целях разведения юридической ответственности на административную и уголовную. В таких случаях эти признаки отражают не столько экономический результат поведения виновных, сколько масштабность их противоправной деятельности, придающую содеянному преступный характер.

В постановлении Конституционного Суда РФ, подтвердившем обоснованность определения дохода при заключении картелей на торгах в размере цены контракта, заключаемого по результатам таких торгов, без ее уменьшения на сумму каких-либо расходов, помимо прочего, было отмечено, что в подобных случаях «размер дохода выступает объективным показателем, характеризующим объем (масштаб) предпринимательской деятельности и, значит, реальную степень угрозы охраняемым цен-

ностям (определение от 10 октября 2019 года № 2685-О), притом что использование в определенных случаях конкурентных процедур отбора контрагентов является общемировой практикой и обусловлено как необходимостью удовлетворить интерес заказчика в заключении договора на лучших для него условиях и с лучшим контрагентом, так и публично-правовыми по своей сути задачами защиты конкуренции и профилактики коррупционных нарушений (постановление от 23 декабря 2022 года № 57-П)»²⁶. Отрадно, что в итоге эта позиция почти в самом конце 2024 г. была возведена в закон (п. 1 примечаний к ст. 178 УК РФ).

Касательно определения ущерба — альтернативного обязательного признака ограничения конкуренции — методика вовсе отсутствует. Как отмечают А. Н. Плетешков и Ю. А. Свалова, этот показатель никаким образом не может быть соотнесен с цифрами, которыми располагает антимонопольный орган в процессе рассмотрения дел о картелях на торгах²⁷.

Некоторые исследователи полагают, что при определении крупного ущерба можно учитывать упущенную выгоду²⁸. А. В. Денисова считает, что при злоупотреблении на торгах установить крупный размер ущерба не представляет большой сложности: он определяется по цене контракта, заключить который добросовестный хозяйствующий субъект не смог из-за сговора²⁹. Однако цена контракта используется, как уже было указано, для подсчета дохода картеля; с учетом разницы между суммами, установленными в п. 2 и 3 примечаний к ст. 178 УК РФ, определять одновременно и величину ущерба она не может. Более того, уголовно-правовой смысл рассматриваемого состава не предполагает учет убытков какого-то одного хозяйствующего субъекта, даже если по обстоятельствам дела только у него были шансы на победу в аукционе. Исследуе-

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта “в” части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шатило».

²⁷ Плетешков А. Н., Свалова Ю. А. Противодействие антиконкурентному коллективному поведению хозяйствующих субъектов на товарных рынках и торгах Ленинградской области // Конкурентное право. 2019. № 2. С. 32–34.

²⁸ См.: Хутов К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 101–102; Деревягина О. Е. Крупный ущерб как криминообразующий признак недопущения, ограничения или устранения конкуренции // Российский следователь. 2008. № 16.

²⁹ Денисова А. В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Российский следователь. 2016. № 13. С. 26–32.

мые нормы уголовного закона обеспечивают уголовно-правовую охрану конкуренции как механизма и состояния, при которых субъекты соответствующей экономической деятельности на одном товарном рынке имеют равные и справедливые возможности поступать и рисковать сообразно ситуации и собственной стратегии. Утверждать, что в отсутствие картеля какой-то конкретный хозяйствующий субъект совершит определенные действия (например, снизит цену контракта на какой-то определенный процент), невозможно.

В картельных соглашениях на торгах упущенная выгода, вероятно, может состоять из величины несэкономленных средств заказчика или усредненного значения прибыли, которую мог бы получить любой другой добросовестный участник торгов. Практического подтверждения метод определения ущерба при картельных сговорах пока не имеет. Судебные решения, которые впервые в новейшей практике применения ст. 178 УК РФ признали наличие криминообразующего ущерба, были отменены³⁰, а перспектив пересмотра этого дела с обвинительным приговором немного из-за увеличения размеров дохода и ущерба.

Тем не менее важно помнить, что картели могут быть заключены не только на торгах, но и на основе различного рода соглашений между конкурентами о совместной предпринимательской деятельности для извлечения сверхприбыли, получение которой может причинить существенный вред другим участникам отношений, как предпринимателям, так и потребителям. Совместные действия конкурентов-производителей, конкурентов-поставщиков, конкурентов-ритейлеров, направленные на поддержание определенных цен, раздел рынка, сокращение товаров, установление дополнительных условий для заключения договоров, вполне могут причинить реальный ущерб другим хозяйствующим субъектам, которые в отсутствие рентабельности (например, при поддержании необоснованно низких цен конкурентами) могут потерять производства и продукцию.

Изложенный формат картеля иногда забывается, потому что современная практика применения ст. 178 УК РФ целиком построена на уголовных делах о картельных соглашениях на торгах. Подобные ситуации возникают при проведении конкурсов на осуществление строительных работ, при определении поставщиков продовольственной продукции и т.д., в целом под эту норму подпадают сговоры при проведении государственных и муниципальных закупок³¹.

Сговор, именуемый по закону картелем, может состояться между двумя или более конкурентами, осуществляющими деятельность на одном товарном рынке, как в устной, так и в письменной форме. Очевидно, что участники запрещенного и наказуемого соглашения стремятся скрыть свое участие в нем и сам факт его заключения, поэтому сговор на торгах устанавливается и доказывается на основании характерных для картелей признаков. Например, отсутствие экономического смысла в поведении отдельных участников торгов; последующее заключение договора поставки (субподряда) между победителем и другими участниками тех же торгов, отказавшимися от активных действий на торгах; наличие взаиморасчетов между участниками торгов и др.³² ФАС России публикует информацию, которую учитывает при оценке антиконкурентных действий хозяйствующих субъектов³³.

Помимо разъяснений ФАС России, практикообразующее значение имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». В нем, в частности, указывается, что при возникновении спора о наличии соглашения, запрещенного пунктом 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, следует давать оценку совокупности доказательств, свидетельствующих о наличии причинно-следственной связи между действиями участников торгов и повышением, снижением или поддержанием цен на торгах. В том числе необходимо принимать во

³⁰ Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 29.03.2022 № 22-403/2022.

³¹ Антонов В. Ф. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: вопросы квалификации // Конкурентное право. 2021. № 1. С. 8–11.

³² Разъяснение № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах», утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3.

³³ Разъяснение ФАС России № 14 «О квалификации соглашений хозяйствующих субъектов, участвующих в торгах», утв. протоколом Президиума ФАС России от 30.05.2018 № 7.

внимание то, является ли достигнутый уровень снижения (повышения) цены обычным для торгов, которые проводятся в отношении определенных видов товаров; имеются ли в поведении нескольких участников торгов признаки осуществления единой стратегии; способно ли применение этой стратегии повлечь извлечение выгоды из картеля его участниками³⁴.

Практика противодействия картельным соглашениям на торгах позволяет сделать вывод, что большинство из них подразумевают договоренность об антиконкурентном поведении по одной из популярных противоправных схем.

Схема «таран» предполагает подачу заявок на участие в торгах лишь с целью существенного и, как правило, резкого занижения цены контракта, делая его нерентабельным для добросовестных участников торгов, которые в этой связи отказываются от последующего участия в торгах. При «таранах» обычно заявка участника, резко снизившего цену, изначально не соответствует требованиям (отсутствуют какие-либо документы или предполагаемые возможности по выполнению контракта), а когда в ходе последующего рассмотрения это выясняется, победа присуждается тому, кто подавал заявку позднее и специально снизил цену незначительно. Установление признаков картеля требует также тщательного анализа состава участников. Предприниматели, использующие «таран», перемещаются из одной закупки в другую, что косвенно подтверждает согласованность их действий, которая становится очевидной при выявлении между такими участниками общности инфраструктуры, IP-адресов и других электронных материалов, а также богатой истории взаимоотношений. Единая инфраструктура нарушителей, как пишет Е. А. Капитонова, может выражаться в уполномочивании одного лица на получение электронных цифровых подписей различных фирм, использовании общей электронной почты и т.п.³⁵

В схеме «карусель» участники заранее распределяют торги, а затем путем подачи мни-

мых заявок или их отзýба создают видимость конкуренции и обеспечивают победу заранее определенному участнику. Распределение при этом может производиться по различным основаниям: по территориальному принципу, ассортименту закупаемых товаров (работ, услуг) и др. Поочередная победа членов картеля обеспечивается отсутствием других участников.

При «разделе рынка» члены картеля заранее определяют победителя и сознательно бойкотируют соответствующие торги (единственный поставщик) либо обеспечивают видимость конкуренции при постоянной победе заранее определенного участника (единственный победитель).

Организаторы торгов также зачастую вступают в сговор с участниками или конкретным участником, обещая за «откаты» или другие преференции обеспечить беспрепятственную приемку реализуемой продукции, работ или услуг, разработку аукционной документации под нужды одного из игроков, неправомерное отклонение чужих заявок и т.д.

А. В. Тесленко пишет, что большинство картелей носят гибридный характер: имеют признаки классических картелей на торгах и противоправных соглашений с организаторами и заказчиками торгов. Такие гибридные картели являются более опасными, так как причиняют вред сразу нескольким группам охраняемых законом отношений³⁶.

Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что сходство поведения нескольких хозяйствующих субъектов само по себе не является основанием для вывода о наличии между ними ограничивающего конкуренцию соглашения. В этом случае необходимо учитывать, имелись ли иные причины для избранного хозяйствующими субъектами поведения, например, если оно соответствует сформировавшимся (изменившимся) на рынке условиям деятельности, обусловлено одинаковой оценкой ситуации на рынке со стороны хозяйствующих субъектов и т.п.³⁷

М. А. Бuzин пишет, что Пленум в постановлении вновь обратил внимание на публично-

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

³⁵ Капитонова Е. А. Картельный сговор и иные формы скрытого соглашения участников торгов // Конкурентное право. 2023. № 1. С. 11–15.

³⁶ Тесленко А. В. Наиболее распространенные стратегии реализации картелей и иных антиконкурентных соглашений на торгах // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2. С. 49–54.

³⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

правовой характер процедур по выявлению картелей и презумпцию добросовестности хозяйствующих субъектов. Содержание запрета на картель *per se* состоит в том, что при наступлении или возможности наступления последствий, указанных в п. 1–5 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, ограничение конкуренции предполагается. Это означает, что доказывания упоминаемых последствий не требуется, а их отсутствие при доказанности других признаков картельного соглашения не свидетельствует об отсутствии нарушения. Однако на практике нередко происходит смешение признаков антиконкурентных соглашений с их антиконкурентными эффектами, что позволяет арбитражным судам и ФАС России делать вывод о наличии картеля лишь на основе установленных фактов коммуникации между конкурентами до или во время торгов³⁸.

Преюдициальное решение арбитражного суда о наличии картеля при этом не предопределяет установления в уголовно-процессуальном доказывании факта картельного соглашения между физическими лицами³⁹. Г. А. Есаков пишет, что внешне противоправные соглашения: когда два конкурирующих юридических лица фактически контролируются одним физическим лицом, «семейные картели» и варианты «рядом постоять», «для порядка», «чтобы не было лишних вопросов» (при участии в торгах нескольких хозяйствующих субъектов, не связанном с повышением, снижением или поддержанием цен на торгах, но направленном на то, чтобы торги были признаны состоявшимися и к ним не применялись правила заключения договора с единственным участником), — уголовно наказуемого картеля не образуют по причине отсутствия субъектов-конкурентов, требуемых законом последствий в виде ограничения конкуренции или причинной связи⁴⁰.

Ранее в обоснование отсутствия субъектов-конкурентов, как правило, представляли различные доказательства, подтверждающие наличие владельческого или управленческого контроля, единого экономического интереса, например договоры доверительного управления, доверенности, договоры аренды, беспроцентного займа, доказательства семейных отношений⁴¹.

Несмотря на то что позиция ФАС России была и остается неизменной (п. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции), суды, следуя требованию о доказывании конкурентных отношений между участниками картеля, приходили к выводу, что, например, семейные хозяйствующие субъекты соперничать не могут, а выбранная ими стратегия поведения — не более чем модель ведения хозяйственной деятельности⁴². Теперь же в силу изменений, внесенных в п. 7 ст. 11 Закона о защите конкуренции, любые участники одних и тех же торгов — хозяйствующие субъекты-конкуренты.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 178 УК РФ, является лицо, контролирующее одного или нескольких хозяйствующих субъектов-конкурентов, заключивших картельное соглашение.

А. В. Денисова отмечает, что субъектом рассматриваемого преступления могут выступать индивидуальные предприниматели, руководители или иные представители юридического лица, физические лица, осуществляющие деятельность, приносящую доход в соответствии с законодательством, при условии что они имеют непосредственное отношение к хозяйствующим субъектам-конкурентам⁴³.

Субъективная сторона ограничения конкуренции характеризуется умышленной формой вины. Участник картеля осознает, что заключенное им соглашение нарушает провозглашенную в Конституции РФ и обеспечиваемую законо-

³⁸ Бузин М. А. Картель или не картель: проблемы доказывания соглашений между конкурентами после принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 года № 2 // Российское конкурентное право и экономика. 2022. Специальный выпуск. С. 70–76.

³⁹ Есаков Г. А. Преюдиция в уголовном процессе: материально-правовой взгляд // Закон. 2022. № 1. С. 87–94.

⁴⁰ Есаков Г. А. Картельное соглашение и номинальное участие в торгах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 76–90.

⁴¹ Панарин Р. С. Особенности квалификации действий хозяйствующих субъектов, входящих в одну группу лиц, по статье 11 Закона о защите конкуренции // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 3. С. 88–92.

⁴² Грибанова Д. В. Установление единого экономического интереса в делах о картелях и его влияние на квалификацию // Уголовное право. 2023. № 6. С. 14–24.

⁴³ Денисова А. В. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: субъект преступления // Уголовное право. 2015. № 1. С. 44–47.

дательством конкуренцию и желает этого, руководствуясь, как правило, стремлением извлечь прибыль, используя не основанные на справедливом соперничестве методы и пренебрегая конкурентным правом. Умысел обычно прямой, но при ограничении конкуренции с причинением крупного ущерба может быть косвенным, так как виновное лицо, участвующее в картеле, безразлично относится к чужим убыткам либо их допускает как сопутствующие последствия желаемого результата — извлечения прибыли.

Основную сложность в доказывании и принятии решений в рамках уголовного дела по ст. 178 УК РФ представляет необходимость устанавливать желание (вину) лица заключить ограничивающее конкуренцию соглашение (картель). Это желание будет установлено, когда будет доказано наличие самого картеля. Как правило, в этом вопросе не обходится без участия ФАС России.

Авторы, имеющие опыт борьбы с картелями, выделяют следующие признаки, которые могут свидетельствовать о том, что картель заключен: регулярная победа на торгах одного участника; поочередная победа на торгах участников, подающих заявки на одни и те же конкурсы; незначительное число участников торгов; незначительное снижение цены контракта; отсутствие участников на процедуре торгов; наличие участников, не подающих предложений; ограниченность информации о торгах; значительное отличие цен по результатам торгов от среднерыночных; общая инфраструктура, в том числе IP-адреса, участников торгов; субподрядные взаимоотношения участников торгов⁴⁴.

Вместе с тем важно помнить, что перечисленные признаки сами по себе не предreshают вывод о заключении картеля. Для этого необходимы доказательства, свидетельствующие о намерении виновных ограничить конкуренцию. Например, планирование совместного участия в

торгах по одной из картельных схем, коммуникация во время аукциона, распределение дохода от заключенного контракта, согласование условий его исполнения до завершения торгов и т.п.

Преступлению, предусмотренному статьей 178 УК РФ, в наследство от предыдущих редакций закона достались неочевидные по содержанию и механизму реализации квалифицированные и особо квалифицированные составы. Несмотря на неоднозначное отношение к размерным признакам ограничения конкуренции⁴⁵, их содержание сегодня не вызывает вопросов.

Разумные сомнения в возможности заключения картеля насильственным способом (ч. 4 ст. 178 УК РФ) в совокупности с отсутствием практики вменения данных признаков (ранее предусматривавшихся пунктом «б» ч. 2 и частью 3 ст. 178 УК РФ), скорее всего, исключают возможность реализации таких составов. Применение насилия, угрозы его применения, уничтожение или повреждение имущества или угрозы этого совершенно не свойственны картелям, указанные признаки противоречат самой природе соглашений, когда правонарушители, добровольно объединившись, причиняют вред охраняемым законом отношениям⁴⁶.

Даже если в адрес отдельных участников соглашения поступали угрозы применения насилия, то в целом картель всё равно заключается по добровольному согласию хозяйствующих субъектов-конкурентов, иначе в поведении адресата угроз отсутствует состав преступления или его действия совершаются при обстоятельстве, исключающем преступность деяния. М. Ершов пишет, что насильственные квалифицирующие признаки были актуальны для уже декриминализированных деяний, например ограничения доступа на рынок⁴⁷.

К сожалению, законодатель при реформировании ст. 178 УК РФ не учел и того факта, что

⁴⁴ См.: Кинев А. Ю. Классификация антиконкурентных соглашений в антимонопольном законодательстве Российской Федерации // Современная конкуренция. 2011. № 1 (25). С. 78; Хамуков М. А. Угрозы эффективного размещения государственного заказа // Российское предпринимательство. 2014. № 20 (226). С. 25; Даниловская А. В., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 119–131.

⁴⁵ Есаков Г. А. Размерные признаки в уголовном законе: к вопросу о существовании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1. С. 78–83.

⁴⁶ См.: Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Указ. соч. С. 7–13; Ефимцева Т. В. Проблемы применения юридической ответственности за незаконные коллективные акты, ограничивающие конкуренцию на товарных рынках, и пути их решения // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 9–12.

⁴⁷ Ершов М. Актуальные вопросы квалификации недопущения, ограничения или устранения конкуренции, совершенных с применением насилия или угрозой его применения // Уголовное право. 2014. № 5. С. 52–55.

картели всегда заключают лица, использующие свое служебное положение. Ученые по этому поводу обоснованно пишут, что содеянное всегда будет охватываться не частями 1 или 2, а пунктом «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ (ранее п. «а» ч. 2 указанной статьи) по признаку использования служебного положения⁴⁸. Т. Д. Устинова пишет, что данный признак следует исключить, так как он порождает конкуренцию и, по сути, является бессмысленным в отношении хозяйствующих субъектов⁴⁹. Об этом в том числе упоминается в пояснительной записке к проекту федерального закона № 848246-7⁵⁰, который в новой редакции был принят 13 декабря 2024 г. и установил ряд новых квалифицирующих признаков.

Обновленный квалифицированный состав, предусмотренный частью 2 ст. 178 УК РФ, состоит в заключении картеля на торгах, проведение которых является обязательным. Таким образом, законодатель установил повышенную ответственность за наиболее распространенную (и на практике пока единственную) форму картельных сговоров, которые с неизбежностью причиняют существенный ущерб бюджету и ставят под угрозу выполнение задач по обеспечению безопасности общества и государства, реализация которых основана на проведении обязательных торгов.

Часть 3 ст. 178 УК РФ в новой редакции содержит такоеотягчающее обстоятельство, как совершение преступления организованной группой. Лишь эта форма соучастия свидетельствует о повышенной общественной опасности картеля и требует квалификации по указанной части статьи. При этом важно отметить, что статья 178 УК РФ не содержит квалифицирующих признаков, связанных с групповым способом совершения преступления (группой лиц или группой лиц по предварительному сговору). Картельный сговор сам по себе представляет собой умышленное совместное участие двух или более хозяйствующих субъектов-конкурентов в деятельности по причинению вреда конкуренции, поэтому учитывать групповой способ и в качестве обстоятельства, отягчающего

наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), нет никаких оснований.

Несмотря на критику⁵¹, специальное основание освобождения от уголовной ответственности применяется, а информация, полученная при этом, позволяет привлечь к уголовной ответственности остальных участников картеля. Так, П. совершила ограничение конкуренции. По делу установлено, что П. совместно с не установленными следствием лицами из числа сотрудников районной администрации, являясь единственным акционером АО1 и единолично осуществляя полномочия высшего органа этого общества, действуя умышленно, из корыстных побуждений заключила антиконкурентное соглашение с АО2 в лице генерального директора (к уголовной ответственности не привлекается в связи с примечанием к ст. 178 УК РФ), который дал согласие на участие в картеле и вступил в преступный сговор в целях обеспечения победы в конкурсах с ограниченным участием на право заключения государственных контрактов⁵².

Последние изменения ст. 178 УК РФ коснулись и условий рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности. В пункте 4 примечаний к ст. 178 УК РФ совершенно справедливо уточнено, что лицо, подлежащее освобождению, должно возратить лишь им самим незаконно полученный доход.

Заключение

Развитие уголовной ответственности за ограничение конкуренции продолжается. Настоящее исследование является попыткой проиллюстрировать процесс взаимовлияния теории и практики, завершающийся совершенствованием уголовного закона и его применения. Несмотря на кажущуюся скромность преобразований (повышены стоимостные признаки, законодательно закреплён метод определения величины дохода, трансформированы квалифицирующие обстоятельства и т.д.), прогнозируемый эффект от них является положительным хотя бы потому, что это содействует реализации принципа правовой определенности.

⁴⁸ Яни П. С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 26 ; Устинова Т. Д. Указ. соч.

⁴⁹ Устинова Т. Д. Указ. соч.

⁵⁰ Проект федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁵¹ Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право. М. : Проспект, 2021. С. 664.

⁵² Приговор Кировского районного суда города Санкт-Петербурга от 20.03.2023 по делу № 1-276/2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов В. Ф. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: вопросы квалификации // Конкурентное право. 2021. № 1. С. 8–11.
- Башлаков-Николаев И. В. Новый антикартельный пакет и вероятные последствия его принятия // Закон. 2020. № 10. С. 109–119.
- Бузин М. А. Картель или не картель: проблемы доказывания соглашений между конкурентами после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2 // Российское конкурентное право и экономика. 2022. Специальный выпуск. С. 70–76.
- Грибанова Д. В. Установление единого экономического интереса в делах о картелях и его влияние на квалификацию // Уголовное право. 2023. № 6. С. 14–24.
- Даниловская А. В., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 119–131.
- Демиева А. Г. Конкуренция как стимул осуществления предпринимательской деятельности: правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 61–68.
- Денисова А. В. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: субъект преступления // Уголовное право. 2015. № 1. С. 44–47.
- Денисова А. В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Российский следователь. 2016. № 13. С. 26–32.
- Деревягина О. Е. Крупный ущерб как криминообразующий признак недопущения, ограничения или устранения конкуренции // Российский следователь. 2008. № 16.
- Ершов М. Актуальные вопросы квалификации недопущения, ограничения или устранения конкуренции, совершенных с применением насилия или угрозой его применения // Уголовное право. 2014. № 5. С. 52–55.
- Есаков Г. А. Картельное соглашение и номинальное участие в торгах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 76–90.
- Есаков Г. А. Размерные признаки в уголовном законе: к вопросу о существовании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1. С. 78–83.
- Есаков Г. А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: проблемы и перспективы // Закон. 2019. № 8. С. 140–152.
- Ефимцева Т. В. Проблемы применения юридической ответственности за незаконные коллективные акты, ограничивающие конкуренцию на товарных рынках, и пути их решения // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 9–12.
- Капитонова Е. А. Картельный сговор и иные формы скрытого соглашения участников торгов // Конкурентное право. 2023. № 1. С. 11–15.
- Кинев А. Ю. Борьба со сговорами на торгах — путь к снижению расходов государства // Юрист. 2016. № 1. С. 14–19.
- Кинев А. Ю. Классификация антиконкурентных соглашений в антимонопольном законодательстве Российской Федерации // Современная конкуренция. 2011. № 1 (25).
- Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за картели // Юрист. 2017. № 1. С. 7–13.
- Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право. М. : Проспект, 2021. 984 с.
- Панарин Р. С. Особенности квалификации действий хозяйствующих субъектов, входящих в одну группу лиц, по статье 11 Закона о защите конкуренции // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 3. С. 88–92.
- Петров Д. А. Проблемы доказывания нарушения антимонопольного законодательства с использованием материалов уголовного дела // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 3–8.
- Плетешков А. Н., Свалова Ю. А. Противодействие антиконкурентному коллективному поведению хозяйствующих субъектов на товарных рынках и торгах Ленинградской области // Конкурентное право. 2019. № 2. С. 32–34.
- Сегал (Решетникова) С. Б., Маслов А. О. Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2. С. 10–17.
- Тенишев А. П., Тесленко А. В. Антикартельный пакет: «экстраполномочия» или оправданные меры? // СПС «КонсультантПлюс», 2020.
- Тенишев А. П., Хамуков М. А. Новый «антикартельный пакет»: защита общественных интересов или мифы о давлении на бизнес? // Закон. 2020. № 2. С. 65–73.

Тесленко А. В. Наиболее распространенные стратегии реализации картелей и иных антиконкурентных соглашений на торгах // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2. С. 49–54.

Тесленко А. В. Уголовный кодекс — инструмент репрессии или защиты добросовестных предпринимателей? // Закон. 2018. № 8. С. 84–92.

Устинова Т. Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 110–117.

Хамуков М. А. Угрозы эффективного размещения государственного заказа // Российское предпринимательство. 2014. № 20 (226).

Хутов К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Волтерс Клувер, 2007.

Шашитко А. Е., Дозмаров К. В. Уголовное право в антитрасте — хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. № 9. С. 141–150.

Шевелева С. В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 106–123.

Яни П. С. Вопросы квалификации ограничения конкуренции (ст. 178 УК) по признаку извлечения дохода // Законность. 2021. № 10. С. 28–32.

Яни П. С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля // Законность. 2020. № 5. С. 45–49.

Яни П. С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // Российская юстиция. 2010. № 11.

REFERENCES

Antonov VF. Criminal Liability for Restriction Of Competition: Qualification Issues. *Competition Law*. 2021;1:8-11. (In Russ.).

Bashlakov-Nikolaev IV. New cartel package and probable consequences of its adoption. *Zakon*. 2020;10:109-119. (In Russ.).

Buzin MA. Cartel or not cartel: problems of proving agreements between competitors after the adoption of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021 No. 2. *Russian Competition Law and Economy. Special Issue*. 2022;70-76. (In Russ.).

Danilovskaya AV, Tenishev AP. Criminal Responsibility for Collusions at Auctions. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;(1):119-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.119-131.

Demieva AG. Competition as a Business Incentive: The Legal Aspect. *Journal of Russian Law*. 2017;6:61-68. (In Russ.).

Denisova AV. Avoidance, limitation or elimination of competition: the subject of the crime. *Criminal Law*. 2015;1:44-47. (In Russ.).

Denisova AV. Publicly Dangerous Consequences of the Crime Provided By Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation «Limitation of Competition». *Russian Investigator*. 2016;13:26-32. (In Russ.).

Derevyagina OE. Major damage as a crime-forming sign of preventing, limiting or eliminating competition. *Russian Investigator*. 2008;16. (In Russ.).

Efimtseva TV. Issues of the Application of the Legal Liability for Illicit Collective Acts Restricting Competition on Commodity Markets and Ways of Solution Thereof. *Competition Law*. 2020;2:9-12. (In Russ.).

Ershov M. Topical Issues of Classification of Prevention, Restriction or Elimination of Competition Performed with Violence or Threat of Violence. *Criminal Law*. 2014;5:52-55. (In Russ.).

Esakov GA. Cartel Agreement and Formal Participation in Tenders. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 2020;12:76-90. (In Russ.).

Esakov GA. Dimensional Features in Criminal Law: On the Question of the Existence. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2024;1:78-83. (In Russ.).

Esakov GA. Criminal liability for restricting competition: problems and prospects. *Zakon*. 2019;8:140-152. (In Russ.).

Gribanova DV. Determination of Joint Economic Interest in Cartel Cases and Its Impact on the Qualification of Crimes. *Criminal Law*. 2023;6:14-24. (In Russ.).

Kapitonova EA. A Cartel Agreement and Other Forms of a Covert Arrangement between Auction Participants. *Competition Law*. 2023;1:11-15. (In Russ.).

- Khamukov MA. Threats to Efficient Placement of a State Order. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2014;20(226). (In Russ.).
- Khutov KM, Lopashenko NA (ed.). Criminal monopolism: criminal-political and criminological research. Moscow: Wolters Kluwer Publ.; 2007. (In Russ.).
- Kinev AYu, Tenishev AP. Criminal Liability for Cartels. *Yurist*. 2017;1:7-13. (In Russ.).
- Kinev AYu. Fighting Bid Collusion Is a Path to Lower State Spending. *Yurist*. 2016;1:14-19. (In Russ.).
- Kinev AYu. Clasification of anticompetitive agreements in antitrust laws of the Rusian Federation. *Journal of Modern Competition*. 2011;1(25). (In Russ.).
- Klepitskiy IA. New economic criminal law. Moscow: Prospekt Publ.; 2021(In Russ.).
- Panarin RS. Features of Actions Qualification of Economic Entities Belonging to the Same Group of Entities under Article 11 of the Law on Competition Protection. *Russian Competition Law and Economy*. 2020;3:88-92. (In Russ.).
- Petrov DA. Issues of Proving of a Violation of Antimonopoly Laws Using Criminal Case Files. *Competition Law*. 2020;2:3-8. (In Russ.).
- Pleteshkov AN, Svalova YuA. Combating Anticompetitive Collective Behavior of Business Entities on Commodities Markets and Auctions of the Leningrad Region. *Competition Law*. 2019;2:32-34. (In Russ.).
- Segal (Reshetnikova) SB, Maslov AO. Antitrust Legislation in the Context of Constitutional Control: Novelties of Law Enforcement Practice. *Russian Competition Law and Economy*. 2024;2:10-17. (In Russ.).
- Shastitko AE, Dozmarov KV. Criminal law in antitrust is a good place to meet law and economics. *Zakon*. 2020;9:141-150. (In Russ.).
- Sheveleva SV. Transformation of Criminal Legislation at the Present Stage. *Journal of Russian Law*. 2024;3:106-123. (In Russ.).
- Tenishev AP, Khamukov MA. New «Cartel Package»: Protection of Public Interests or Myths about Pressure on Businesses. *Zakon*. 2020;2:65-73. (In Russ.).
- Tenishev AP, Teslenko AV. Anti-cartel package: «extrapolation» or justified measures? SPS «KonsultantPlus»; 2020. (In Russ.).
- Teslenko AV. Criminal code -a tool of repression or a safeguard for bona fide entrepreneurs? *Zakon*. 2018;8:84-92. (In Russ.).
- Teslenko AV. The Most Common Strategies of Cartelisation and Other Anticompetitive Agreements through the Bidding Process. *Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*. 2019;2:49-54. (In Russ.).
- Ustinova TD. Protection of Freedom of Competition under Criminal Law With Regard To Changes and Amendments to Criminal Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2016;7:110-117. (In Russ.).
- Yani PS. Issues of Qualification of Restriction of Competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation) By the Indicium of Revenue-Extraction. *Zakonnost'*. 2021;1:28-32. (In Russ.).
- Yani PS. Problems of criminal law protection of the economy from unfair competition. *Rossiyskaya justitsiya*. 2010;11. (In Russ.).
- Yani PS. The Problems of Criminal Classification of A Cartel. *Zakonnost'*. 2020;5:45-49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бимбинов Арсений Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
aabimbinov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arseniy A. Bimbinov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aabimbinov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 7 февраля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 5 марта 2025 г.
Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 07.02.2025.
Revised 05.03.2025.
Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.083-093

И. О. Кравченко

Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация

Влияние дополнительных наказаний на обеспечение экокriminalогической безопасности

Резюме. Статья посвящена определению роли дополнительных наказаний в дифференциации, индивидуализации наказаний за экологические преступления и формировании экокriminalогической безопасности. Выявлен дефицит научных исследований в области оценки дополнительных наказаний как средства защиты экологической среды от криминальных угроз, в связи с чем данное направление развития научных знаний рассматривается как перспективное. Установлено несоответствие между законодательной моделью задействия дополнительных наказаний в назначении справедливого наказания за экологические преступления и сложившейся судебной практикой. Более половины санкций гл. 26 УК РФ являются кумулятивными, однако суды крайне редко используют потенциал дополнительных наказаний. Примечательно, что три четверти санкций, устанавливающих дополнительное наказание, предусмотрены в квалифицированных составах экологических преступлений. При этом только около 5 % осужденных за совершение экологических преступлений назначаются дополнительные наказания, что свидетельствует о неэффективности влияния дополнительных наказаний на индивидуализацию уголовной ответственности в рассматриваемой сфере. Выявлено отсутствие единообразия законодательной модели дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления в части определения размера дополнительного наказания, предусмотренного санкцией статей гл. 26 УК РФ. Медианы одного и того же дополнительного наказания при разных вариантах кумуляции не тождественны, что отображает проблемы в оценке степени общественной опасности экологических преступлений. Сделан вывод, что предусмотренные в уголовном законе вариации кумуляции наказаний явно недостаточны.

Ключевые слова: экокriminalогическая безопасность; экологические преступления; охрана природной среды; дополнительные наказания; кумулятивные санкции; индивидуализация наказания; дифференциация наказания; медианы; справедливость; криминальные угрозы

Для цитирования: Кравченко И. О. Влияние дополнительных наказаний на обеспечение экокriminalогической безопасности. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 83–93. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.083-093

The Impact of Additional Penalties on Ecocriminological Safety

Irina O. Kravchenko

Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper examines the role of additional penalties in the differentiation and individualization of punishment for environmental crimes and in the formation of ecocriminological security. It identifies a paucity of scholarly research on the effectiveness of additional penalties as a means of protecting the environment from criminal threats and therefore further study of threats in this area as promising. The study demonstrates an inconsistency between the legislative model governing the imposition of additional penalties and established judicial practice. Although more than half of the sanctions contained in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation permit cumulative application, courts seldom exploit the potential of additional penalties. Notably, three quarters of the sanctions that provide for additional penalties appear in qualified forms of environmental offences; nevertheless, only about 5 % of those convicted of environmental crimes receive additional penalties. This disparity indicates the limited effect of additional penalties on the individualization

© Кравченко И. О., 2026

of criminal liability in this field. Further, there is no uniform legislative model for differentiating criminal liability for environmental crimes with respect to the amount of additional penalty prescribed by the sanctions of Chapter 26. Median values for the same additional penalty differ under alternative cumulation options, reflecting problems in assessing the public danger posed by environmental offences. The study concludes that the existing statutory variations in the cumulation of penalties are clearly insufficient to achieve consistent and proportionate sentencing in environmental criminal law.

Keywords: ecocriminological safety; environmental crimes; environmental protection; additional penalties; cumulative sanctions; individualization of punishment; differentiation of punishment; medians; fairness; criminal threats

Cite as: Kravchenko IO. The Impact of Additional Penalties on Ecocriminological Safety. *Lex russica*. 2026;79(2):83-93. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.083-093

Введение

Трудно переоценить роль дополнительных наказаний в реализации принципа справедливости. С одной стороны, дополнительные наказания не являются самостоятельными и выполняют вспомогательную роль, присоединяясь к основным с целью усиления их воздействия. Однако именно за счет потенциала дополнительных наказаний становится возможным качественно выполнить задачу по выбору наказания, соответствующего показателям общественной опасности совершенного деяния с учетом личности виновного. Интенсивность наказания, назначенного лицу за совершенное преступление, во многом определяется функционалом дополнительного наказания. Важно, что данные о личности преступника раскрываются именно при использовании дополнительных наказаний, они позволяют сделать нужные акценты, учесть специфику конкретного дела и реализовать стремление к индивидуальному подходу при назначении наказания.

В науке уголовного права интерес вызывает дискуссия о легитимности наличия дополнительных наказаний в системе наказаний¹. Ведь в ч. 2 ст. 6 УК РФ² установлен запрет на привлечение к уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление. В связи с этим возник вопрос, а не является ли дополнительное наказание нарушением указанного запрета, ведь оно представляет собой второе наказание за это же преступление (преступле-

ние одно, а наказаний назначено виновному два). Эта дилемма в качестве своей основы имеет некоторый логический диссонанс, когда отождествляются два понятия: «наказание» и «ответственность». В настоящее время в науке уголовного права общепризнано самостоятельное значение каждого из указанных терминов, отождествление которых невозможно в силу того, что они соотносятся друг с другом как часть и целое. Кроме того, уголовное законодательство предусматривает дополнительные наказания именно в расчете на достижение кумулятивного эффекта за счет объединения с основным видом наказания. Сама постановка вопроса ставит под сомнение законодательный подход к кумуляции наказания.

Проблема в том, что создание комплексной меры наказания есть проявление сложных юридических конструкций, имеющих системные признаки³. Кроме того, обращает на себя внимание факт недостаточности видов дополнительных наказаний, их слабая структурированная проработка и сформированность⁴. Данный общий системный сбой зеркально отражается в практике назначения наказания за совершение экологических преступлений, но при этом дополняется специальными проблемами правоприменения рассматриваемой сферы.

Полагаем оправданным подход законодателя к выделению разновидностей наказаний с возможностью их объединения. Целесообразность такого варианта назначения наказания

¹ Степенко А. В., Погорелов А. С. Основные и дополнительные виды наказаний // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4. С. 358.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Розенко С. В. Дополнительные наказания в российском уголовном праве: проблемы системности и совершенствования // Вестник Югорского государственного университета. 2020. Вып. 4 (59). С. 60.

⁴ Рожкова Л. О. Дополнительные виды наказаний в современном уголовном праве // Юристы-Правоведь. 2022. № 2 (101). С. 208.

представлена в гл. 26 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за экологические преступления, и является важной составляющей реализации направлений обеспечения экокriminalогической безопасности.

Признавая новизну экокriminalогической безопасности как нового вида национальной безопасности, считаем перспективным направлением изучение отдельных средств ее обеспечения. Под экокriminalогической безопасностью в данной работе понимается «состояние защищенности природной среды, жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, возникающих в результате негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий»⁵. Формирование указанного состояния во многом определяется реализацией современной уголовно-правовой пенологической политики. Потенциал дополнительных наказаний в сфере индивидуализации и дифференциации наказаний за экологические преступления остается малоизученным компонентом обозначенного направления уголовной политики. Для определения значения дополнительных наказаний в решении этой проблемы необходимо задействовать математические методы, позволяющие проникнуть в суть исследуемого феномена, проиллюстрировать результаты и сформулировать выводы. Причем возможности дополнительных наказаний в достижении целей наказания при привлечении виновных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, а также степень включенности их в систему средств обеспечения экокriminalогической безопасности видятся насущным новым знанием в современной парадигме уголовной политики.

Основные результаты исследования

Что касается возможности применения дополнительных наказаний, то в гл. 26 УК РФ при-

мерно в равных долях представлены простые и кумулятивные санкции (в частности, дополнительное наказание предусмотрено в 52 % санкций), расширяющие возможности суда в индивидуализации наказания за экологические преступления. Это говорит о стремлении законодателя к практической реализации идеи справедливого наказания в его распределительной части. Таким образом, 27 кумулятивных санкций гл. 26 УК РФ закрепляют 68 вариантов объединения основных и дополнительных наказаний, что свидетельствует о достаточно высокой оценке законодателем дополнительных наказаний в качестве альтернативных пенологических средств обеспечения экокriminalогической безопасности.

Важно иметь в виду, что возможности этим не ограничиваются, ведь лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания может быть назначено по усмотрению суда, даже если это не предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК РФ. А лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград назначается исключительно по усмотрению суда и в санкциях статей Особенной части УК РФ не содержится. В этой связи следует отметить, что около четверти экологических преступлений (23 %) отнесены законодателем к категории тяжких, что указывает на достаточно высокий потенциал использования данного наказания. Убедительно звучит предложение о необходимости включения этих видов наказаний непосредственно в санкции статей и, следовательно, ограничения практики судебного усмотрения на использование потенциала дополнительных наказаний. Вариант закрепления такой возможности лишь в Общей части УК РФ приводит к игнорированию этих дополнительных наказаний в правоприменении⁶.

Практика применения уголовного закона в сфере охраны природной среды демонстрирует полное соответствие указанной тенденции. За пятилетний период (с 2019 по 2023 г.)⁷ лишение

⁵ Кравченко И. О. Экокriminalогическая безопасность как новый вид национальной безопасности // Всероссийский криминалистический журнал. 2023. № 5. С. 447.

⁶ Караваева Ю. С. Анализ российской уголовной политики в отношении преступлений со специальным субъектом // Академический юридический журнал. 2019. № 1 (75). С. 44–53.

⁷ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (за 2019–2023 гг.) / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2024 // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.10.2024).

специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград за совершение экологических преступлений не применялось. Это объясняется прежде всего особенностями личности экологического преступника, который, как правило, не имеет соответствующих званий, чинов или наград. Поэтому данное наказание не обладает высоким потенциалом предупредительного воздействия в обеспечении экокriminalогической безопасности в масштабе его проявления. В то же время в точечном варианте оно подчеркивает индивидуализм наказания и способно неординарно повлиять на исправление осужденного, предупредить новые преступления в силу своей специфики.

Действительно, престиж выполнения определенной роли в обществе имеет огромное значение для личности, поэтому утрата права на реализацию этих социальных функций способна воздействовать превентивно. Тот факт, что государственные и муниципальные служащие, а также военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов крайне редко привлекаются к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений (менее 1 % от общей численности экологических преступников), не объясняет, почему суды абсолютно не задействуют дополнительное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград. В отношении выявленных и привлеченных к уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие экологические преступления и имеющих соответствующие звания и чины, применение данного дополнительно наказания целесообразно. В свою очередь, лишение наград за тяжкие экологические преступления вызывает вопросы в части соответствия характера общественной опасности преступления и важности тех подвигов, за которые награды были присвоены.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о применении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного при отсутствии соответствующего указания в санкции статьи гл. 26 УК РФ. Если экологическое преступление совершено государственным или муниципальным служащим и непосредственно сопряжено с выполняемыми должностными функциями этого лица, то сохранение за ним права занимать данную должность противоречит сущ-

ности справедливого подхода к назначению наказания, так как нарушает один из важнейших принципов уголовного права. А в случаях совершения захватнических экологических преступлений с элементами промысла сохранение права на занятие охотой, рыбалкой или заготовкой древесины противоречит элементарной логике и подрывает доверие населения к судебной системе в силу очевидной несправедливости.

В качестве дополнительных наказаний в санкциях рассматриваемой главы закреплено шесть вариантов использования кумуляции: штраф — к принудительным работам; штраф — к лишению свободы; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — к принудительным работам; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — к лишению свободы; ограничение свободы — к принудительным работам; ограничение свободы — к лишению свободы.

При этом 22 % кумулятивных санкций гл. 26 УК РФ предоставляют суду лишь один вариант объединения основных и дополнительных видов наказаний; 33 % санкций содержат два варианта; 19 % — три варианта и 26 % санкций закрепляют, соответственно, четыре варианта кумуляции.

Необходимо отметить, что решение о применении совокупности основного и дополнительных наказаний за совершение отдельных видов экологических преступлений законодатель установил в подавляющем большинстве случаев в факультативном формате, указав на приоритет суда в решении данного вопроса. Только в двух санкциях статей гл. 26 УК РФ применение дополнительного наказания является обязанностью суда — в ч. 2 ст. 252 и ч. 3 ст. 253 УК РФ. Во всех остальных кумулятивных санкциях подчеркивается право суда при назначении наказания за экологическое преступление использовать определенные виды дополнительных наказаний. Такой подход представляется единственно верным. Усиление строгости наказания в каждом конкретном случае должно носить исключительно индивидуальный характер, оценить который может суд при рассмотрении уголовного дела. Уравнительный подход к определению возможности использования дополнительных наказаний нецелесообразен, поскольку подвергает сомнению практическое воплощение генеральной идеи справедливости

в ее окончательном виде. Не следует забывать, что нравственная составляющая теории экокriminalогической безопасности основывается на философской категории справедливости.

Более 75 % экологических преступлений отнесены законодателем к категориям небольшой и средней тяжести, применение суровых наказаний за которые явно несправедливо. Однако для достижения целей наказания за их совершение необходимо усилить воздействие за счет индивидуального подхода, реализуемого именно посредством активизации дополнительных наказаний. Кроме того, расширение границ применения дополнительных наказаний позволяет минимизировать масштаб использования наказаний, связанных с лишением свободы, применительно к указанным категориям преступлений, что в системе мер обеспечения экокriminalогической безопасности видится перспективным направлением.

Стоит заметить, что суды неохотно реализуют свое право на применение дополнительных наказаний при привлечении виновных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений. В целом за период с 2019 по 2023 г. к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений привлечено 29 673 виновных. Дополнительное наказание экологическим преступникам назначено только в отношении 1 747 осужденных, что составило 5,8 %. Таким образом, широкие возможности индивидуализации наказаний за счет использования потенциала дополнительных наказаний, предусмотренные в гл. 26 УК РФ, на практике реализуются весьма слабо, что фактически сводит к нулю стремление законодателя к дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления. Указанное положение полностью соответствует стереотипу формирования в судебной практике индивидуализации наказаний⁸.

Примечательно, что в научной литературе достаточно часто высказывается призыв к ограничению возможности судебного усмотрения в связи с опасностью утраты законом своей доминирующей роли при определении пределов ответственности за совершение того или иного преступления⁹. В этом смысле ситуация с

правоприменительной практикой в сфере обеспечения экокriminalогической безопасности выходит из общего тренда и является иллюстрацией обратного варианта развития событий при низкой вовлеченности суда в индивидуализацию наказания.

В главе 26 УК РФ дополнительные наказания, установленные в санкциях статей, предусмотрены в подавляющем большинстве случаев за совершение экологических преступлений с квалифицированным составом. Так, 75 % санкций указанной главы предусматривают штраф в качестве дополнительного наказания при совершении экологического преступления с отягчающими обстоятельствами, 80 % санкций закрепляют лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания при совершении преступления с квалифицированным составом и 54 % санкций квалифицированных составов сопряжены с установлением дополнительного наказания в виде ограничения свободы. В целом в рассматриваемой главе УК РФ 73 % санкций, устанавливающих дополнительное наказание, предусмотрены в квалифицированных составах экологических преступлений.

Штраф в качестве дополнительного наказания за экологические преступления используется законодателем в санкциях статей гл. 26 УК РФ достаточно часто. Так, 10 санкций предусматривают штраф с принудительными работами и 22 санкции — штраф с лишением свободы. Размер штрафа варьируется в зависимости от кумуляции. Штраф к принудительным работам в 30 % случаев составил от 500 тыс. до 1 млн руб., по 20 % — от 100 тыс. до 200 тыс. и 1 млн руб. В то же время размер штрафа к лишению свободы в 18 % случаев — до 2 млн руб. Таким образом, среднее арифметическое значение наказания в виде штрафа к принудительным работам, исчисляемого в фиксированной сумме, — 960,3 тыс. руб., а аналогичный показатель штрафа к лишению свободы определен законодателем в 798,3 тыс. руб.

Однако вычисление средних показателей с использованием традиционного математического подхода не раскрывает истинного

⁸ Подройкина И. А., Леймоева З. Б. Дополнительные наказания как средство индивидуализации наказания // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 1. С. 132–137.

⁹ Карабанова Е. Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 280.

содержания допустимого размера наказания, установленного законодателем. Более точным показателем признается медиана санкции — методика, позволяющая определить среднюю шкалу размера наказания и демонстрирующая ее типовую величину.

Штраф к принудительным работам при использовании способа исчисления его размера в абсолютных показателях, т.е. в фиксированной сумме (далее — первый вариант), в рамках гл. 26 УК РФ демонстрирует средние показатели медианы в 575 тыс. руб. При определении размера штрафа, используемого в качестве дополнительного наказания к принудительным работам, в виде заработной платы и иного дохода за определенный период (далее — второй вариант) — 124 недели. Самые высокие показатели медианы первого варианта установлены в санкции ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ (1 млн руб.), а самые низкие величины медианы составили 150 тыс. руб. и предусмотрены в ч. 2 ст. 255 и ч. 1 ст. 260 УК РФ. Вместе с тем медианы второго варианта варьируются от самого большого значения, установленного в ч. 3 ст. 253 УК РФ (208 недель), до самого низкого показателя — 40 недель, установленного в ч. 2 ст. 255 и ч. 1 ст. 260 УК РФ. Примечательно, что определение минимального размера медианы при первом и втором вариантах в санкциях гл. 26 УК РФ совпало и нашло закрепление применительно к одним и тем же составам преступлений, что свидетельствует о сформированности оценки степени общественной опасности этих экологических преступлений и единстве законодательного видения дифференциации уголовной ответственности в обозначенной сфере. Но установление максимальных показателей медиан при сопоставлении данных по первому и второму вариантам определения размера штрафа к принудительным работам не свидетельствует о единообразии законодательной модели дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления.

При определении размера штрафа, используемого в качестве дополнительного наказания к лишению свободы, картина сходная. Так, максимальные величины медианы первого варианта исчисления штрафа закрепляются в ч. 3.1 ст. 258.1 и ч. 6 ст. 260.1 УК РФ и составляют 2 250 тыс. руб., а минимальные — в ч. 2 ст. 252 УК РФ (22,5 тыс. руб.). Диапазон вариаций медиан при втором варианте определения размера штрафа к лишению свободы выглядит следующим образом: максимальный размер

составляет 208 недель и содержится в санкциях ч. 3 ст. 253, ч. 2.1 ст. 258.1, ч. 3.1 ст. 258.1, ч. 4 ст. 260.1 и ч. 6 ст. 260.1 УК РФ, а минимальный размер (семь недель) закреплен в санкции ч. 2 ст. 252 УК РФ. Таким образом, определение минимального размера медианы штрафа к лишению свободы при первом и втором вариантах в санкциях гл. 26 УК РФ совпало и закреплено применительно к одному и тому же составу преступления. Из пяти случаев проявления наивысшего уровня рассматриваемой медианы два совпадают полностью и два демонстрируют близкие по содержанию показатели. Санкция ч. 3 ст. 253 УК РФ — яркий пример отклонения в оценке степени общественной опасности деяния при использовании разных вариантов исчисления размера штрафа как дополнительного наказания. Так, при первом варианте размер штрафа составил лишь 34 % от максимального значения медианы, в то время как при втором использован максимум. Можно заключить, что математический подход к определению размера штрафа позволит выявить отдельные проблемы в криминологическом обосновании средств обеспечения экокриминологической безопасности.

Неудивительно, что суды крайне редко закладывают штраф в качестве дополнительного наказания за совершение экологических преступлений. В рассматриваемый период штраф как дополнительное наказание был назначен 336 осужденным (1,1 % от общего числа лиц, осужденных за преступления, предусмотренные главой 26 УК РФ) с учетом личности экологического преступника. По данным официальной статистики, обобщенный портрет экологического преступника представлен достаточно отчетливо и является неизменным на протяжении всего периода применения действующего уголовного закона. Это мужчина старше 30 лет, постоянный житель сельской местности, имеющий общее профессиональное, или основное общее, или начальное образование, трудоспособный, но не работающий. Применение к указанной категории экологических преступников дополнительного наказания, сопряженного с ущемлением материальной сферы, незаконно, так как именно имущественный статус выступает доминирующим фактором, определяющим вектор решения. Соответственно, низкий уровень финансовой обеспеченности подавляющей части экологических преступников ограничивает возможности суда по применению дополнительного наказания в виде

штрафа в связи с зависимостью данного наказания от имущественного положения осужденного. Необходимо отметить, что широкие границы использования штрафа в качестве дополнительного наказания в санкциях статей гл. 26 УК РФ криминологически не обоснованы. Дело в том, что особенности личности экологического преступника, который совершает эти преступления по большей части вынужденно, стремясь получить жизненно необходимые ему и его семье средства, не коррелируются с сущностью карательных свойств штрафа.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания к принудительным работам предусмотрено в восьми санкциях и как дополнительное наказание к лишению свободы — в 17 санкциях. Размер данного наказания принципиально разнится в зависимости от вида кумуляции. Так, при его использовании с принудительными работами средние арифметические показатели по гл. 26 УК РФ составили 16,5 месяца, а при объединении с лишением свободы — 62 месяца. Вместе с тем средние величины медианы лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью при объединении с принудительными работами составили 13,5 месяца, а кумуляция с лишением свободы выразилась в 25,5 месяца. При определении медианы данного наказания с принудительными работами законодатель демонстрирует единообразие в оценке размера возможностей усиления воздействия.

Из восьми санкций, предусматривающих такую кумуляцию, пять закрепляют максимальные показатели медианы указанного наказания (21 неделя), открывая суду широкие перспективы для индивидуализации ответственности за совершение экологических преступлений. Минимальный размер медианы определен законодателем одинаково и установлен в санкциях ч. 2 ст. 253 УК РФ в размере шести месяцев. Пиковые значения медианы лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к лишению свободы наблюдаются в санкциях ч. 3.1 ст. 258.1 и ч. 6 ст. 260.1 УК РФ (45 месяцев). При этом медиана в размере 21 недели является доминирующей и в кумуляции данного наказания

с лишением свободы, в частности 53 % санкций гл. 26 УК РФ, предусматривающих лишение права занимать определенную должность и заниматься определенной деятельностью с лишением свободы, именно так определяют размер дополнительного наказания.

Именно лишение права занимать определенную должность и заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания доминирует при практическом использовании дополнительных наказаний при осуждении за экологические преступления: с 2019 по 2023 г. оно было назначено 1 387 осужденным экологическим преступникам (4,7 % от числа привлеченных к уголовной ответственности по гл. 26 УК РФ). Примечательно, что в этом смысле практика применения данного дополнительного наказания за экологические преступления соответствует общим тенденциям правоприменения¹⁰.

Ограничение свободы в качестве дополнительного наказания используется в 11 санкциях статей гл. 26 УК РФ, из них только в трех оно предусмотрено как дополнительное к принудительным работам. При этом размер ограничения свободы установлен единообразно как при объединении с принудительными работами, так и при кумуляции с лишением свободы. Средние арифметические показатели размера ограничения свободы с принудительными работами — 13 месяцев при размере средней медианы по гл. 26 УК РФ в 12 месяцев. Размер ограничения свободы с лишением свободы определен следующим образом: средние арифметические данные составили 13,5 месяца, а средняя медиана равна 12 месяцам.

Примечательно, что суды фактически игнорируют это наказание как инструмент для репрессивного усиления воздействия при привлечении виновных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений. Только 24 осужденным экологическим преступникам с 2019 по 2023 г. было назначено ограничение свободы в качестве дополнительного наказания, что составило 0,08 %. Основной проблемой при применении ограничения свободы в настоящее время остается низкий потенциал его эффективности при катастрофических сложностях организации контроля. Недостаточные возможности результативной работы

¹⁰ Леймоева З. Б. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительный вид уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 12 (139). С. 92–95.

органов, исполняющих это наказание, являются системным препятствием расширению границ его применения. Если в крупных населенных пунктах проблема начинает решаться, то в сельской местности всё намного хуже. Следует признать, что в настоящее время обеспечить должный уровень контроля за соблюдением возложенных на осужденного ограничений, составляющих сущность рассматриваемого дополнительного наказания, в современных реалиях организации жизни в сельской местности невозможно. А без решения этого вопроса применение ограничения свободы утрачивает свое превентивное значение и становится просто профанацией индивидуализации наказания за экологические преступления. Безусловно, суды это понимают и избегают задействовать указанное наказание в качестве действенной меры обеспечения эокриминалогической безопасности.

Представляется оправданным призыв юридической общественности к законодателю об исключении ограничения свободы из перечня наказаний, которые могут быть использованы в качестве дополнительных¹¹. По крайней мере это предложение актуально для экологических преступлений, поскольку назначение за них данного наказания очевидно нецелесообразно.

Кроме того, в юридической литературе на протяжении уже достаточно длительного времени активно обсуждается вопрос об определении сравнительной тяжести уголовных наказаний. Ведь заявленный законодателем подход, отраженный в ст. 44 УК РФ, вызывает слишком много вопросов. В этой связи заслуживает внимания предложение об оценке наказания в виде ограничения свободы как наиболее мягкого в рамках действующей системы наказаний¹². В самом деле, его низкий карательный потенциал невозможно сбрасывать со счетов. Сущность ограничений, составляющих его содержание, при сопоставлении с особенностями организации жизни сельских жителей в современной ситуации свидетельствует о ничтожно

малой эффективности исправительного воздействия.

Профессор Н. А. Лопашенко справедливо утверждает, что налагаемые судом ограничения далеко не всеми категориями осужденных могут ощущаться как наказание, ведь они не сильно меняют привычный уклад жизни осужденного и не относятся к имущественным ограничениям, которые более болезненны, а значит, превентивная роль такого наказания будет минимальной¹³. Экологический преступник редко может позволить себе покинуть муниципальное образование, в котором он проживает, или изменить место жительства, или посетить места проведения массовых и иных мероприятий, принять участие в них в силу специфики своего социального статуса. Очевидно, что ограничение свободы в качестве дополнительного наказания является фикцией исправительного воздействия на экологического преступника. Присутствие данного наказания в санкциях статей гл. 26 УК РФ не имеет криминологического обоснования ввиду несоответствия его содержания личности лица, совершающего экологические преступления, и современным реалиям сельской жизни.

Ограничительный подход законодателя к формированию системы дополнительных наказаний не позволяет суду реализовать свою превентивную функцию. Неслучайно ученые вносят предложения о расширении перечня дополнительных наказаний и пределов применения уже существующих видов¹⁴. Изучение практики применения уголовного закона в сфере формирования экологически безопасной среды демонстрирует глобальные проблемы в задействовании потенциала существующих дополнительных наказаний. Фактически можно говорить об использовании лишь одной возможности, да и то в крайне ограниченном диапазоне. Среди пенитенциарных средств обеспечения эокриминалогической безопасности возможности дополнительных наказаний явно не получили должной оценки.

¹¹ Дроздов А. И., Орлов А. В. Перспективы применения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 3. С. 7–11.

¹² Гарбатович Д. А. Проблемы эффективности уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 32.

¹³ Лопашенко Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33–48.

¹⁴ Анисимов А. А., Барсуков А. А. Вопросы совершенствования современной системы дополнительных видов наказаний в уголовном праве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 380–387.

Выводы

Анализ влияния дополнительных наказаний на реализацию идеи об индивидуализации наказания экологическим преступникам показал низкий потенциал сложившегося паттерна в формировании экокriminalогической безопасности. Предусмотренные в действующем уголовном законе вариации кумуляции наказаний недостаточны, построены без учета специфики охраны природы уголовно-правовыми методами и являются попыткой применения общего клише к разрешению неординарной проблемы, что априори ошибочно.

«Национальная правовая система, обладающая совокупностью внутренних отличительных юридических средств и методов законодательной техники, является результатом культурно-исторического развития государства, отражает особенности достижений научно-правовой мысли, правовой опыт эволюции определенной цивилизации»¹⁵. Актуальные вопросы содержания и применения дополнительных наказаний в уголовном праве исследовались на протяжении длительного времени многими авторитетными учеными. Однако можно отметить некоторый дефицит научного познания в сфере формирования экокriminalогической

безопасности посредством активизации потенциала дополнительных наказаний. Представляется правильным настоящее направление уголовной политики, акцентирующее внимание на национальных особенностях правовой системы обеспечения безопасности. Стремление к достижению эффекта глобализации любым способом, даже путем утраты идентичности правовой системы, — явный регресс. В России разработан инструментарий обеспечения национальных интересов в различных сферах общественной жизни, который нуждается в дальнейшем развитии, при этом зарубежный опыт может быть использован, но при условии предварительного проведения криминалогической экспертизы на предмет его эффективности в российских реалиях и установления возможности инкорпорации в сложившуюся модель национальной уголовной политики. При этом роль дополнительных наказаний в системе мер обеспечения экокriminalогической безопасности явно недооценена. Сложившийся подход к построению модели усиления воздействия наказания за счет использования дополнительных наказаний в сфере формирования экологически безопасной от криминальных угроз среды неэффективен, но база для его реализации создана и нуждается в качественной криминалогической проработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев В. А., Авдеева О. А., Грибунов О. П., Сергеев В. А. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни // Криминалогический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 301–312.

Анисимов А. А., Барсуков А. А. Вопросы совершенствования современной системы дополнительных видов наказаний в уголовном праве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 380–387.

Гарбатович Д. А. Проблемы эффективности уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 32–34.

Дроздов А. И., Орлов А. В. Перспективы применения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 3. С. 7–11.

Карабанова Е. Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) // Всероссийский криминалогический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 271–282.

Караваева Ю. С. Анализ российской уголовной политики в отношении преступлений со специальным субъектом // Академический юридический журнал. 2019. № 1 (75). С. 44–53.

¹⁵ Авдеев В. А., Авдеева О. А., Грибунов О. П., Сергеев В. А. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности: взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни // Криминалогический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 304.

- Кравченко И. О. Экокриминологическая безопасность как новый вид национальной безопасности // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 5. С. 443–451.
- Леймоева З. Б. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительный вид уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 12 (139). С. 92–95.
- Лопашенко Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33–48.
- Подройкина И. А., Леймоева З. Б. Дополнительные наказания как средство индивидуализации наказания // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 1. С. 132–137.
- Рожкова Л. О. Дополнительные виды наказаний в современном уголовном праве // Юристы-Правоведы. 2022. № 2 (101). С. 206–209.
- Розенко С. В. Дополнительные наказания в российском уголовном праве: проблемы системности и совершенствования // Вестник Югорского государственного университета. 2020. Вып. 4 (59). С. 59–65.
- Степенко А. В., Погорелов А. С. Основные и дополнительные виды наказаний // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4. С. 356–358.

REFERENCES

- Anisimov AA, Barsukov AA. Issues of improving the modern system of additional types of punishment in criminal law. *Matters of Russian and International Law*. 2023;13(8A):380-387. (In Russ.).
- Avdeev VA, Avdeeva OA, Gribunov OP, Sergevnin VA. Punishment in the system of criminal law measures of counteracting corruption: interaction of legal systems in the conditions of international life's globalization. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2016;10(2):301-312. (In Russ.). DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).301-312.
- Drozдов AI, Orlov AV. Prospects for the use of restriction of freedom as an additional punishment. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy*. 2014;3:7-11. (In Russ.).
- Garbotovich DA. Problems of the effectiveness of criminal punishment in the form of restriction of freedom. *Rossiiskaya justitsia*. 2013;8:32-34. (In Russ.).
- Karabanova EN. Problems of systemic penalization (using the example of differentiating criminal liability for crimes with many-object corpus delicti). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2019;13(2):271-282. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).271-282.
- Karavaeva YuS. Analysis of the Russian State's Criminal Policy in respect of Crimes Committed by Special Subject. *Academic Law Journal*. 2019;1(75):44-53. (In Russ.).
- Kravchenko IO. Ecocryminological security as a new type of national security. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2023;5:443-451. (In Russ.).
- Leimoeva ZB. Deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities as an additional type of criminal punishment. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and governance]*. 2021;12(139). (In Russ.).
- Lopashenko NA. On criminal punishment in Russia: notes on the margins of the Criminal Code (from the present to the future). *Zakon*. 2021;12:33-48. (In Russ.).
- Podroikina IA, Leimoeva ZB. Additional penalties as a means of individualizing punishment. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 2022;1:132-137. (In Russ.).
- Rozenko SV. Additional Penalties in Russian Criminal Law: Problems of Consistency and Improvement. *Yugra State University Bulletin*. 2020;4(59):59-65. (In Russ.).
- Rozhkova LO. Additional Types of Punishments in Modern Criminal Law. *Yurist-pravoved*. 2022;2(101):206-209. (In Russ.).
- Stepenko AV, Pogorelov AS. Basic and additional types of punishment. *Uchenye zametki TOGU*. 2014;5(4):356-358. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Ирина Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета
д. 11, Ленина ул., г. Иркутск 664003, Российская Федерация
iokravchenko16@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina O. Kravchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology,
Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
iokravchenko16@mail.ru

Материал поступил в редакцию 3 января 2025 г.

Статья получена после рецензирования 9 февраля 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 03.01.2025.

Revised 09.02.2025.

Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.094-109

М. А. МалинаЮжный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Суд присяжных сегодня — индикатор эволюции российского демократического государства

Резюме. В статье обосновывается точка зрения, согласно которой удовлетворенность общества государственной властью, доверие ей со стороны населения напрямую зависят от качества уголовного процесса, его эффективности и оснащенности реальными гарантиями справедливого правосудия. Здесь перед государством стоят наиболее насущные, злободневные задачи в сфере охраны прав, свобод, интересов социума и личности. При этом на первый план выходит запрос общества на справедливость. Если он удовлетворяется, то уголовное судопроизводство получает серьезную поддержку и доверие граждан, обретает высокий уровень легитимности. Равно как и соответствующие государственные институты и государство в целом. И особо высокой степени такой поддержки власть достигает, если обеспечивает реальное, непосредственное участие населения в отправлении правосудия — решении вопросов государственной важности. В статье акцентируется внимание на суде с участием присяжных заседателей как одном из основных показателей развития российского демократического государства. Исследуются проблемы его реальной востребованности со стороны государства, общества, способность воплотить в жизнь заложенные в этот институт концептуальные и нравственные начала. В методологических целях суд присяжных рассматривается в качестве своеобразной модели взаимодействия государства и общества, в первую очередь в вопросах реального распределения между ними властных полномочий. Исходя из этого, учитывая правоприменительную практику, опираясь на данные статистических исследований, автор анализирует слабые места и дефекты этой формы судопроизводства. В работе сделан вывод о неготовности государства в полной мере доверить населению властные полномочия по отправлению правосудия. Предложены подходы к решению выявленных проблем, определению вектора развития российского суда присяжных и государства в целом.

Ключевые слова: государство; общество; власть; уголовный процесс; суд с участием присяжных заседателей; тайна совещательной комнаты; судебное следствие; доказательства; допрос; свидетель; суд апелляционной инстанции; правосознание

Для цитирования: Малина М. А. Суд присяжных сегодня — индикатор эволюции российского демократического государства. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 94–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.094-109

The Jury Trial Today: An Indicator of the Evolution of the Russian Democratic State

Maksim A. MalinaSouthern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The paper substantiates the point of view according to which society's satisfaction with state power and the public's trust in it directly depend on the quality of the criminal proceedings, its effectiveness and its provision with real guarantees of fair justice. Here, the state faces the most pressing, urgent tasks in the field of protecting the rights, freedoms, interests of society and the individual. At the same time, society's demand for justice comes to the fore. If it is satisfied, then criminal proceedings receive serious support and trust from citizens, and gain a high level of legitimacy. The same applies to relevant state institutions and the state as a whole. The government achieves a particularly high degree of such support if it ensures the real, direct participation of the population in the administration of justice — in resolving matters of national importance. It is proposed to consider a trial

© Малина М. А., 2026

with the participation of jurors as one of the main indicators of the development of the Russian democratic state. The paper examines the problems of its real relevance on the part of the state and society, its ability to bring to life the conceptual and moral principles embedded in this institution. For methodological purposes, the jury trial is proposed to be considered as a kind of model of interaction between the state and society, primarily in matters of the real distribution of power between them here. Based on this, taking into account law enforcement practice, based on statistical research data, the author analyzes the weaknesses and defects of this form of legal proceedings. As a result, it is concluded that the state is not ready to fully entrust the authorities in the administration of justice to the population. Approaches to solving the identified problems and determining the vector of development of the Russian jury trial and the state as a whole are proposed.

Keywords: state; society; government; criminal proceedings; trial by jury; secrecy of the jury room; judicial investigation; evidence; interrogation; witness; court of appeal; legal consciousness

Cite as: Malina MA. The Jury Trial Today: An Indicator of the Evolution of the Russian Democratic State. *Lex russica*. 2026;79(2):94-109. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.094-109

В современном мире возможность граждан участвовать в отправлении правосудия воплощена в жизнь в правовых системах подавляющего большинства стран. И это неудивительно, ведь доверие своему народу, привлечение его к решению вопросов государственной важности сегодня являются неотъемлемыми атрибутами любого демократического государства. Несмотря на специфику и концептуальное разнообразие подходов к реализации принципов народовластия от страны к стране, в телеологическом аспекте можно говорить о едином, универсальном векторе развития демократии — глобальной аксиологической конвергенции.

В то же время одной из основополагающих, системообразующих ценностей для каждого государства в этой мировоззренческой системе координат является справедливость. Наша страна, естественно, не исключение. Именно поэтому на конституционном уровне закреплено право россиян участвовать в отправлении правосудия — в суде с участием присяжных заседателей (ст. 20, 47, 123 Конституции РФ). Эта модель суда предполагает наделение представителей общества полномочиями по самостоятельному решению основных вопросов уголовного дела. То есть наши граждане напрямую участвуют в отправлении правосудия, реализуют принадлежащую народу власть в непосредственной форме (ст. 3 Конституции РФ).

Цель этой миссии — гарантировать достижение социальной справедливости, а присяжные заседатели, соответственно, выступают ее носителями.

Почему речь идет в первую очередь об уголовно-правовых конфликтах? Потому что вопросы безопасности, защищенности приобретают здесь особую актуальность, особую остроту. Запрос общества на справедливость именно в этой области достигает своего пика. Недаром еще великий дореволюционный процессуалист И. Я. Фойницкий писал, что в уголовном судопроизводстве рассматриваются «вопросы о наиболее важных благах общества и личности»¹. Поистине здесь решаются судьбы людей, вопросы жизни и смерти. Например, в Конституции РФ установлена гарантия защиты права обвиняемого на жизнь: ему предоставляется возможность привлечь к рассмотрению своего дела народ, сограждан (ч. 2 ст. 20). Как видим, на конституционном уровне² суд с участием присяжных заседателей определяется в качестве наилучшей формы судопроизводства, если лицу грозит максимально строгое наказание³. Метко высказался о суде присяжных М. И. Клеандров, отметив, что участие граждан в судебных делах «будет, безусловно, способствовать более справедливому правосудию, чем без них»⁴.

Далее, российские граждане уполномочены участвовать в управлении делами государства.

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб. : Альфа, 1896. С. 8.

² Федеральный законодатель также устанавливает приоритет этой формы судопроизводства: если в уголовном деле несколько обвиняемых и кто-то из них не согласен на его рассмотрение с участием присяжных, то при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство оно в целом рассматривается судом с участием присяжных (п. 1 ч. 5 ст. 217, ч. 2 ст. 325 УПК РФ).

³ Естественно, в нашей стране смертная казнь не назначается, но акцент делается на ценности суда присяжных в разрешении наиболее острых и опасных правовых конфликтов.

⁴ Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 16.

Этот императив закреплен в ч. 1 ст. 32 Конституции РФ. Остальные части этой статьи раскрывают способы осуществления такой деятельности, в том числе и посредством участия в отправлении правосудия (ч. 5). Но поскольку мы говорим о непосредственной форме такого участия (суд присяжных), то можно сделать вывод о возможности прямого участия народа в управлении делами государства. Именно в суде присяжных наши граждане вершат правосудие в соответствии с требованиями социальной справедливости и тем самым непосредственно вовлекаются в процесс управления государством⁵. Очевидно, что эта форма судопроизводства служит полноценному воплощению в жизнь демократических ценностей, нравственных начал.

Следовательно, от того, насколько качественно устроен уголовный процесс, насколько он эффективен и оснащен реальными, действенными гарантиями справедливого правосудия, напрямую зависит удовлетворенность общества действиями власти. То есть можно говорить о легитимности уголовного судопроизводства и соответствующих государственных институтов. И особенно высокую степень такой поддержки власть приобретает, если обеспечивает реальное, непосредственное участие населения в отправлении правосудия — решении вопросов государственной важности. Общество нуждается в справедливости — государство приглашает его самостоятельно, напрямую вершить справедливый суд по уголовно-правовым конфликтам. Такая миссия народа, его действительная причастность к государственным делам кардинально меняет правосознание граждан, способствует повышению правовой культуры в обществе. Растет доверие народа к суду, усиливается его авторитет, укрепляются социальные опоры судебной власти и государства в целом.

Поэтому представляется, что именно суд с участием присяжных заседателей следует рассматривать как один из основных индикаторов качества российского демократического государства. Здесь, если угодно, проявляется эффект лакмусовой бумажки: по состоянию этого института можно четко оценить развитие

не только отечественного уголовного судопроизводства, но и государства в целом. Насколько эффективен, жизнеспособен суд присяжных, настолько успешно проходит процесс демократизации нашей страны, нашей жизни.

Вот почему целесообразно уделить внимание российскому суду с участием присяжных заседателей. Его судьба не проста, это сложный, неординарный институт и в плане доктринального осмысления его свойств, перспектив, и с точки зрения его оптимальной нормативной организации, и в области материально-технического обеспечения. Соответственно, и проблем немало. Но самое слабое место нашего суда с участием присяжных заседателей — вопрос его реальной эффективности. Такой ли он в действительности, каким был задуман, выполняет ли он на практике свое предназначение? Это вопрос о его востребованности государством, обществом, его жизнеспособности. Да, суд присяжных у нас действует, но реализуются ли заложенные в него правовые, социальные, духовно-идеологические начала?

Здесь уместно вспомнить слова известного исследователя этого института К. Миттермайера о том, что именно в уголовном судопроизводстве наиболее очевидно выражается «недействительность самых лучших формальных постановлений, коль скоро они не оживлены нравственным и общественным духом того народа, для которого предназначены»⁶. Кем и для кого предназначены? Очевидно, государством — для своих граждан, для народа. Поэтому полагаем, что ответы на поставленные выше вопросы об эффективности нашего суда присяжных следует искать, рассматривая его в качестве своеобразной модели взаимодействия государства и общества. Необходимо проанализировать это взаимодействие в первую очередь в отношении феномена власти, то есть в вопросах реального (а не формального) распределения между ними в этом контексте властных полномочий.

Практикующие юристы уже привыкли к тому, что граждане крайне настороженно относятся к приглашению поучаствовать в от-

⁵ См. подробнее об этом: определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1052-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072013-n-1052-o-ob/> (дата обращения: 09.12.2024) ; Ляхов Ю. А., Малина М. А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 130–138.

⁶ Миттермайер К. Суд присяжных в Европе и Америке. СПб., 1865. С. 7.

правлении правосудия. Собрать коллегию присяжных — дело весьма непростое, зачастую получается это далеко не с первой попытки. Представители судейского сообщества давно высказывают тревожные замечания по этому поводу: чтобы в суд явились хотя бы 30 человек для дальнейшего формирования из них коллегии присяжных заседателей, рассылается порядка тысячи повесток!⁷ Иногда и эта огромная цифра — далеко не предел.

При этом, согласно исследованию, проведенному Общественной палатой РФ, половина респондентов отметила готовность участвовать в отправлении правосудия. Эта цифра говорит о достаточно высокой степени общественного внимания к этому вопросу. Вместе с тем около 17 % опрошенных в качестве причины отказа сослались на отсутствие уверенности в собственной безопасности⁸. Таким образом, нельзя сказать, что народ принципиально против реализации своей власти в суде, интерес к этому есть. Но важно понять, насколько он может доверять соответствующим государственным институтам. Могут ли граждане быть убеждены в том, что их действительно обеспечат необходимыми гарантиями и властными полномочиями? Рассмотрим далее эти вопросы.

Суд присяжных славится очень большим количеством оправдательных приговоров по сравнению с ординарным порядком судопроизводства (где их доля составляет в среднем 0,25 %⁹). Так, за первую половину 2024 г. 25 % подсудимых были оправданы, да и в целом эта цифра в последние годы стабильно укладывается в диапазон 20–25 %¹⁰. Однако в уголовном процессе обязательно должен быть предусмотрен механизм пересмотра приговоров. Решения судов присяжных исключением здесь

не являются, но в апелляционном порядке они проверяются уже профессиональными судьями, хотя и с определенными ограничениями. Другими словами, государство, открывая перед народом двери суда, доверяя ему столь ответственную миссию, не только допускает возможность проверки вынесенных на основе его решений приговоров, но и вверяет эту функцию своим должностным лицам. Следовательно, о полноценном делегировании власти народу речи нет.

Вариантов кардинального решения этой проблемы всего два: либо в апелляции пересматривать такие приговоры тоже с участием населения (французский опыт в сфере действия суда ассизов), либо не подвергать их проверке в принципе (французский и английский опыт после Великой французской революции) в соответствии с известной формулой: *vox populi, vox Dei* (глас народа — глас Божий). В первом случае существенно увеличивается материально-техническая, финансовая, организационная нагрузка, во втором невозможно реализовать фундаментальное для современности правило: «право на две инстанции», то есть право на два полноценных рассмотрения дела по существу¹¹. Поэтому стоит согласиться с мнением Л. В. Головки о концептуальной несовместимости суда присяжных с современной апелляцией¹².

Для решения этой проблемы хотя бы на юридико-техническом уровне российский уголовный процесс предполагает апелляционный пересмотр таких приговоров, но только в части их законности — по правовым основаниям. И вот тут уже статистика совершенно другая: по какой-то причине оправдательные приговоры суда присяжных отменяются во много раз чаще, чем обвинительные. Например, на

⁷ См., например: Эксперт из ЕАО: суд присяжных — это отживший институт англосаксонского (интервью с судьей областного суда Еврейской автономной области В. В. Ласкаржевским) // URL: <https://primamedia.ru/news/499854/?frp=aHROcHM6Ly9wcmVtYW1lZGlhLnJlL25ld3MvNDk5ODU0Lw--&instream> (дата обращения: 09.12.2024).

⁸ Исследование: половина россиян готовы стать присяжными (проведено комиссией Общественной палаты РФ по экспертизе общественно значимых законопроектов и иных правовых инициатив) // URL: <https://ria.ru/20210513/prisyazhnye-1732063346.html> (дата обращения: 08.12.2024).

⁹ Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6865059> (дата обращения: 07.12.2024).

¹⁰ Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru/news/media/v-2024-godu-prisyazhnye-v-Rossii-opravdali-kazhdogo-chetvertogo-obvinyаемого/> (дата обращения: 09.12.2024).

¹¹ См.: Головки Л. В. Курс уголовного процесса. М. : Статут, 2021. С. 1090.

¹² См.: Головки Л. В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 8. С. 44.

районном¹³ уровне в 2023 г. доля отмен оправдательных приговоров составила 73,8 %! При этом обвинительные приговоры отменялись лишь в 17 % случаев¹⁴. В целом в последние годы эти показатели существенно не меняются. Это очень странно, так как проверке подвергаются вопросы правильного применения норм уголовно-процессуального и уголовного права. Это вопросы юридического качества процесса, почему же тогда мы имеем такую чудовищную асимметрию? И снова перед нами проблема власти, ее реальной, действительной передачи обществу в лице присяжных.

Одна из наиболее частых, классических причин отмены приговоров, постановленных с участием присяжных, — нарушение правил формирования коллегии. Приведем показательный, на наш взгляд, пример — дело С. В. Капралова. Он выбрал суд с участием присяжных заседателей и был признан коллегией невиновным. Далее последовала отмена оправдательного приговора в апелляционной инстанции ввиду нарушений правил формирования коллегии. В дальнейшем были еще три оправдательных приговора и три их отмены по тому же основанию. Примечательно, что каждый раз выявлялись факты сокрытия некоторыми присяжными заседателями информации о том, что они или их близкие родственники привлекались к уголовной или административной ответственности. На пятом таком круге С. В. Капралов признан присяжными виновным¹⁵.

Что об этом думают юристы? Например, комментируя это дело, адвокат А. Островский подчеркнул, что «прокуратура всегда старается ввести в процесс “сомнительных” или своих присяжных, чтобы был повод для отмены решения», и назвал такой прием обычной практикой¹⁶. Представители академической среды также настроены не очень оптимистично. Вид-

ный исследователь суда присяжных С. А. Пашин отмечает, что оправдательные приговоры постоянно находятся под угрозой, указывает на осуществление «оперативного сопровождения процессов и внедрение “засланных казачков”, в результате чего присяжный опасается преследования не столько со стороны преступников, сколько со стороны правоохранителей, выясняющих его подноготную и сообщающих обо всем прокурору»¹⁷. В свою очередь, удачно по этому поводу выразилась Е. А. Ходжаева, которая констатировала ужесточение из года в год политики отмены оправдательных приговоров в апелляционном порядке и, соответственно, «снижение спроса на суд присяжных»¹⁸.

В качестве еще одной причины снижения востребованности этой формы судопроизводства у стороны защиты нужно отметить следующее. На практике обвиняемый, выбрав ее для рассмотрения своего дела, часто сталкивается с крайне негативным отношением судьи к такому его решению. Это выражается в том, что в частном порядке лицо получает предупреждение следующего характера: если не откажется от своего выбора, то при обвинительном вердикте ему будет назначено максимально строгое наказание. Это своеобразная расплата за то, что обвиняемый создал для судьи множество неудобств: существенное повышение ответственности, затрат сил и времени, серьезное увеличение психологической, интеллектуальной нагрузки и др. Естественно, если смотреть на суд присяжных с такой точки зрения, то он действительно не идет ни в какое сравнение с общим порядком судопроизводства. В итоге значительная часть соответствующих ходатайств просто отзывается обвиняемыми. Например, в 2020 г. отозвано 19 % от общего количества таких обращений¹⁹. В среднем это

¹³ Ситуация в суде присяжных в областных и равных им судах принципиально не отличается.

¹⁴ Ходжаева Е. А. Суды с участием присяжных в 2018–2023 годах. Пять лет после реформы: статистическая справка // URL: https://enforce.spb.ru/images/jury_trials_2023.pdf (дата обращения: 09.12.2024).

¹⁵ См. подробнее об этом: кассационное определение Верховного Суда РФ по делу от 08.04.2009 № 25-009-12СП // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=259170 (дата обращения: 11.11.2024); ВС отказал в компенсации за волокиту четырежды оправданному, а на пятый раз осужденному // URL: <https://pravo.ru/news/view/52282/> (дата обращения: 11.12.2024).

¹⁶ Присяжные заседатели // URL: <https://ast-news.ru/node/prisyazhnye-zasedateli/> (дата обращения: 11.12.2024).

¹⁷ См.: Пашин С. А. Не все способны проявлять героизм во время правосудия // URL: <https://pravo.hse.ru/news/210959584.html> (дата обращения: 09.12.2024).

¹⁸ См.: Ходжаева Е. А. Суды с участием присяжных в 2018–2023 годах.

¹⁹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году // URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 19.01.2024).

число сегодня составляет около 17 %²⁰, но при сложившейся практике это, естественно, далеко не предел²¹.

Такие случаи настолько распространены, что практикующие юристы давно уже считают их привычными. Например, адвокат Н. М. Мещеряков советует при выборе формы судопроизводства брать в расчет фактор «более сурового наказания при вынесении обвинительного вердикта присяжными»²² (чем в общем порядке). Логика та же: много времени, сил и терпения потребуется для формирования коллегии, планирования заседаний; повышенная сложность самого процесса и др. Еще пример. А. В. Васильев пишет, что при проведении предварительного слушания судьи, как правило, отговаривают обвиняемых от выбора суда присяжных. Судья предупреждает: «за свои страдания»²³ он назначит лицу максимально строгое наказание, если вердикт будет обвинительным. Список примеров можно продолжать.

Основательно этим вопросом занимался и Институт проблем правоприменения. Так, согласно проведенному Е. А. Ходжаевой статистическому исследованию, установлена четкая тенденция: при обвинительном вердикте присяжных судьи назначают более строгое наказание, чем в аналогичных случаях при рассмотрении дела в общем порядке²⁴. Отмечается, что политика более строгих наказаний направлена не только на то, чтобы возместить «более суровым наказанием ресурсы, время и риски, которые под-

судимый вызвал своим ходатайством о суде присяжных», но и на своеобразное сдерживание выбора обвиняемыми этой формы судопроизводства²⁵. Помимо этого, в результате масштабных анкетных опросов Е. А. Ходжаева приходит к выводу: многие практикующие юристы на своем опыте убедились, что «профессиональные судьи и сторона обвинения не рады суду присяжных, поскольку он одновременно создает значительные нагрузки и риски оправдательных вердиктов с их последующей отменой»²⁶.

Как видим, проблема чрезвычайно серьезная. Ранее мы подробно ее исследовали²⁷, поэтому приведем здесь лишь основные положения.

Ясно, что не каждый желает привлечь общественность к рассмотрению своего дела. Например, ходатайствовать о суде присяжных не имеет смысла, если обвиняемый не ставит под сомнение результат установления подлежащих доказыванию обстоятельств, но намерен оспорить неправильную, по его мнению, квалификацию деяния и решать иные сугубо правовые вопросы. То есть выбирать эту форму судопроизводства целесообразно, если лицо настаивает на своей невинности.

Более того, здесь возможен такой исход дела, при котором даже в случае доказанности совершения преступного деяния подсудимым он будет оправдан присяжными. В доктрине такой феномен получил название «нуллификация закона»²⁸ (nullification of law). Почему

²⁰ См.: Малина М. А. Суд с участием присяжных заседателей — свободный выбор обвиняемого // Русский закон. 2022. № 4. С. 101.

²¹ Такое воздействие на обвиняемого может оказываться и при разъяснении ему права выбрать суд присяжных — в рамках ознакомления с материалами дела (ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Причем здесь существенна и роль его адвоката, который мог не раз сталкиваться с практикой назначения более строгих наказаний при выборе суда присяжных. Тогда соответствующее ходатайство вообще не будет подано.

²² Мещеряков Н. М. Выбирать суд присяжных или нет? // URL: <https://advokat-nm.ru/stati/vybirat-sud-prisyazhnyx-ili-net/> (дата обращения: 09.12.2024).

²³ Васильев А. В., Барановский А. А. Суд присяжных: последний шанс Фемиды. Адвокат в процессе с присяжными: стратегия и тактика защиты. [Б. м.] : Издательские решения, 2017. С. 35–36.

²⁴ См.: Ходжаева Е. А. Суды присяжных в официальной статистике: аналитический обзор. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2020. С. 5–10.

²⁵ См.: Ходжаева Е. А. Наказывают ли судьи подсудимого за выбор суда с участием присяжных? Свидетельства недавней реформы в России // Закон. 2021. № 12. С. 92–102.

²⁶ См.: Ходжаева Е. А. Суд с участием присяжных в оценках ученых-юристов: различия в профессиональном опыте // Закон. 2023. № 11. С. 162.

²⁷ См.: Малина М. А. Суд с участием присяжных заседателей — свободный выбор обвиняемого ; Он же. Психологическое воздействие на обвиняемого при выборе им суда присяжных: от деформации правосознания к правовому нигилизму // Юридическая психология. 2023. № 1. С. 6–11.

²⁸ См. подробнее об этом: Есаков Г. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 121–129.

же в такой ситуации присяжные на вопрос о виновности могут дать отрицательный ответ? Известный дореволюционный исследователь суда присяжных А. М. Бобрищев-Пушкин писал о том, что лицо может быть и виновным с точки зрения закона, но не подлежать, «согласно данным правосознания присяжных, обвинению по суду»²⁹. Такой подход актуален и сегодня. Например, Г. Н. Ветрова отмечает, что при ответе на вопрос о виновности присяжные решают, подлежит ли обвиняемый привлечению к уголовной ответственности, заслуживает ли он наказания в данном конкретном случае³⁰. Право присяжных на нуллификацию закона часто становится предметом жарких дискуссий правоведов. Их анализ лежит за рамками нашего исследования. Отметим лишь, что без этого феномена не будет и суда присяжных в классическом его понимании. Очень точно по этому поводу выразился Л. В. Головкин: «Критика феномена нуллификации уголовного закона — это критика самого суда присяжных»³¹.

В результате суд с участием присяжных заседателей может не только оправдать обвиняемого в случае, если он преступления не совершал, но и помиловать его тогда, когда мы имеем дело с нестандартными, исключительными случаями, — здесь социальная справедливость ставится обществом выше, чем требования материального уголовного закона. В качестве примеров, ставших уже хрестоматийными, можно вспомнить историю В. Засулич³² (дореволюционный период), громкое дело пенсионерки В. Краскиной³³ в 1995 г. и др.

Поэтому очень опасна ситуация, когда возможность добиться справедливости просто блокируется внепроцессуальными методами, лишается права на жизнь. Здесь вновь остро проявляется нежелание реальной, действительной передачи власти народу при отправлении правосудия. О каком социальном предназначении уголовного процесса можно говорить в

этом случае? Обвиняемый подвергается манипуляции, психологическому воздействию. Находясь и так в крайне сложной, экстремальной ситуации, он теряет веру в справедливость, в силу права. Естественно, это влечет поистине катастрофические последствия для его правосознания. В дальнейшем обвиняемые (их защитники) транслируют в социум эти специфические жизненные познания, правовой нигилизм в обществе укрепляется. Более того, деформируется и профессиональное правосознание судей. Притупляется естественное чувство права, искажается направленность правовой психологии, правовой идеологии на поиск правды и справедливости. В свое время И. А. Ильин указывал на такой дефект правосознания, когда человеком движет желание в своей профессиональной деятельности «преуменьшить обязанности и сложить с себя запретности»³⁴.

Далее посмотрим на взаимодействие государства и общества в суде присяжных в большей степени в процессуальном преломлении. Напомним, в первую очередь нас интересует вопрос реального, действительного распределения и воплощения в жизнь властных полномочий.

Присяжные являются носителями социальной справедливости. Недаром еще дореволюционные правоведы говорили о суде «общественной совести»³⁵. Коллегия представляет собой срез нашего общества, ее решения способны запечатлеть, как выразился А. Ф. Кони, «житейскую правду дела»³⁶. Поэтому в учебной и научной литературе основное внимание уделяется самим присяжным заседателям. Это естественно. Председательствующий при этом часто остается как бы в тени научной мысли. Но в определенных случаях его роль требует не меньшего доктринального осмысления.

Наряду с присяжными председательствующий выступает полноценным субъектом доказывания. Да, он не участвует в совещании коллегии и непричастен к вынесению вердикта, но

²⁹ Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М. : Книга по требованию, 2013. С. 609.

³⁰ Ветрова Г. Н. Суд присяжных и проблема уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1999. № 3. С. 24–25.

³¹ Головкин Л. В. Суд присяжных и качество предварительного следствия: есть ли корреляция? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1. С. 62.

³² См.: Кони А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М. : Эксмо, 2013. С. 363–506.

³³ См.: Насонов С. А., Ярош С. М. Вердикт присяжных заседателей. М. : Р. Валент, 2003. С. 128–131.

³⁴ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарог, 1993. С. 81.

³⁵ См., например: Джаншиев Г. Суд над судом присяжных. М. : Рассвет, 1896. С. 3–4.

³⁶ См.: Кони А. Ф. Избранные произведения / сост. А. Б. Амелин. М. : Госюриздат, 1956. С. 19–20.

это отнюдь не означает, что профессиональный судья не обязан по своему внутреннему убеждению оценивать доказательства. И присяжные, и председательствующий нацелены на достоверное установление фактических обстоятельств дела. Соответственно, предъявленное подсудимому обвинение проверяется, так сказать, на прочность не только его согражданами, но и судьей-профессионалом³⁷. Если присяжные посчитают обвиняемого невиновным, то по делу будет постановлен оправдательный приговор. Но если коллегия признает лицо виновным, а профессиональный судья будет убежден в обратном, то он аннулирует процесс: распустит коллегия и направит дело на новое рассмотрение (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). Судья-профессионал здесь наделен властью, чтобы выполнять роль гаранта полноценной, реальной реализации принципа презумпции невиновности.

Теперь рассмотрим компетенцию председательствующего не в доказательственном плане, а с точки зрения его роли в обеспечении законности процесса. В суде присяжных вопрос неукоснительного соблюдения всех предусмотренных законом процедур приобретает особое значение, особую остроту и актуальность. Приговор, постановленный в этой форме судопроизводства, опирается на вердикт присяжных, обоснован их решениями. Внутреннее убеждение присяжных и определяет судьбу уголовного дела, судьбу человека. Вот главный замысел этой модели суда, ключевая ее идея: позволить обществу действительно вершить справедливость, реализовать свою власть. Но как осуществить этот замысел? Во-первых, нужно создать систему юридических правил и процедур, гарантирующих формирование внутреннего убеждения членов коллегии в строгом соответствии с хрестоматийной формулой: *vere dictum* (вердикт) — «верно сказано». Во-вторых, следует обеспечить реализацию этих правил, неукоснительное соблюдение процессуальных алгоритмов познавательной деятельности присяжных. Только тогда эта содержательная, гносеологическая составляющая их миссии будет запечатлена в вердикте без искажений и погрешностей. Другими словами, строгая процессуальная форма выступает гарантией достоверности выводов и оценок коллегии, гарантией справедливости ее решений.

И вот здесь уже на первый план выходит фигура председательствующего. Да, как было показано выше, его роль в доказательственной деятельности значима, но главная задача — обеспечивать легальность процесса с участием присяжных заседателей. Это поистине полномочный хранитель законности и юридической процедуры. Общество в лице присяжных доверяет судье эту правоохранительную миссию. Он должен оберегать их от любого незаконного воздействия, от каких бы то ни было угроз их непредвзятости и объективности. Представляется, что это аксиома. Повторим, эта модель суда обладает повышенной сложностью и вместе с тем повышенной значимостью, она позволяет раскрыться нравственному потенциалу нашего общества, воплотить в жизнь требования социальной справедливости путем действительной реализации народом принадлежащей ему власти. Для этого создан специальный многоэлементный, очень тонкий юридический механизм. Он требует филигранной точности исполнения всех процессуальных правил. Любое нарушение закона здесь фатально. Механизм этот — в руках председательствующего.

В более конкретной плоскости стоит обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Законодатель почему-то не наделил профессионального судью полномочиями по решению вопроса о роспуске коллегии в случаях поступления сведений о возможном незаконном воздействии на ее членов.

Могут быть разные способы такого воздействия. Рассмотрим наиболее опасный из них: нарушение тайны совещания присяжных заседателей. Естественно, это обесценивает вердикт, наносит максимальный урон их правосознанию, ведет к гибели самой идеи справедливого суда. К сожалению, такие факты не только имеют место в реальности, но и представляются авторитетными юристами в качестве устоявшейся практики. Например, С. А. Пашин пишет о регулярном «вторжении приставов и секретарей в совещательную комнату; сообщении присяжным сведений, порочащих подсудимого, а также о предъявлении им дополнительных доказательств, не рассматривавшихся в ходе судебного следствия»³⁸. Согласно комментария адвоката Г. Абшилавы,

³⁷ Естественно, немаловажную роль здесь играет и сторона защиты, но в методологических целях акцент сделан прежде всего на лицах, наделенных властью принимать решения по уголовному делу.

³⁸ Цит. по: Павлова З. КС указал, в каких случаях апелляционный суд может опросить присяжных, вынесших вердикт // Адвокатская газета. 2020, 9 июля. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ukazal-v>

который был представителем стороны защиты в громком деле Р. А. Алиева³⁹, «запасной присяжный постоянно заходил в совещательную комнату, пил там чай и слушал обсуждение своих коллег», при этом «одна присяжная, усомнившаяся в доказательствах вины подсудимых по уголовному делу, сказала, что они не вызывают доверия, за что судебный пристав пригрозил вывести ее за волосы из совещательной комнаты»⁴⁰. Но при обращении участников процесса к председательствующему выясняется, что он здесь бессилён.

Приведем свежий пример из практики. Весной 2024 г. вся страна узнала о страшном происшествии в г. Ростове-на-Дону. В квартире многоэтажного дома, где проживала молодая семья с ребенком, восьмимесячная девочка была жестоко убита. Для уничтожения ее тела совершены фантастические по своей жестокости действия. Обвиняемые — Я. и А. Майборода, родители ребенка. Интернет буквально взорвался⁴¹. Рассмотрение этого дела проходило с участием присяжных заседателей и закончилось постановлением обвинительного приговора.

Но перед этим произошло важное событие. При обсуждении последствий вердикта адвокат подсудимого заявил, что с ним через социальные сети связалось несколько присяжных заседателей. Они сообщили, что к ним в совещательную комнату якобы заходила сотрудница аппарата суда и оказывала давление на старшину, убеждала коллегию в виновности подсудимых. Далее защитник уведомил судью, что эти присяжные прибыли в судебное заседание и хотят всё рассказать. При этом они предварительно опрошены. Протоколы опроса лиц с их согласия были оглашены в заседании, и на этой основе заявлено ходатайство о допросе этих граждан. Были поданы также ходатайства: о допросе указанного ими в опросах сотруд-

ника суда, об изъятии и осмотре записей с камер видеонаблюдения, которые фиксируют происходящее в зоне входа в совещательную комнату. Однако судья отказал в удовлетворении всех ходатайств, объяснив это отсутствием у него соответствующих полномочий⁴².

В итоге складывается парадоксальная, по нашему мнению, ситуация. Председательствующий узнаёт о возможном нарушении тайны совещательной комнаты, видит в зале присяжных, которые явились в заседание и хотят всё рассказать об этом инциденте. Тут же оглашаются акты их опроса. Речь идет о грубейшем нарушении закона, имеющем в случае его подтверждения поистине роковые последствия. Казалось бы, вот реальная возможность выполнить свой долг в качестве хранителя юридической формы, процедуры, гаранта легальности процесса. Но председательствующий оставляет без внимания все соответствующие обращения ввиду того, что такие вопросы находятся за рамками его компетенции. Дескать, в апелляции разберутся. С концептуальной точки зрения такой подход представляется очевидным нонсенсом.

Вместе с тем законодатель и правда не наделил судью такими полномочиями. Получается, он действительно не должен обращать внимания на заявления о нарушении закона, на свидетельства самих присяжных и должен постановить по делу обвинительный приговор. О какой справедливости тогда может идти речь?

Повторим, что такое положение дел не является какой-то юридической абстракцией, оно существует в реальности. Здесь мы имеем дело с серьезнейшим теоретическим и практическим вопросом, правильное разрешение которого определит судьбу суда присяжных, судебной власти в целом и реальные перспективы укрепления правовой государственности в России. Недаром эта проблема в рамках

kakikh-sluchayakh-apellyatsionnyy-sud-mozhet-oprosit-prisyazhnykh-vynesshikh-verdikt/ (дата обращения: 09.12.2024).

³⁹ Это дело по жалобе подсудимого стало предметом исследования Конституционного Суда РФ, к чему мы еще вернемся.

⁴⁰ Значимая для защиты позиция Конституционного Суда // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/znachimaya-dlya-zashchity-pozitsiya-konstitutsionnogo-suda/> (дата обращения: 09.12.2024).

⁴¹ См., например: Ростовский суд вынес приговор по делу об убийстве младенца родителями // URL: <https://ria.ru/20241002/prigovor-1976038349.html> (дата обращения: 09.12.2024).

⁴² См., например: Адвокат заявил о давлении на присяжных в деле об убийстве младенца в Ростове // URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2024-10-03/advokat-zayavil-o-davlenii-na-prisyazhnyh-v-dele-ob-ubiystve-mladentsa-v-rostove-5210904> (дата обращения: 09.12.2024).

вышеупомянутого кейса гражданина Алиева не так давно стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В постановлении от 07.07.2020⁴³ он разрешил вопрос о возможности допросить присяжных в качестве свидетелей в отношении обстоятельств, подтверждающих нарушение тайны совещательной комнаты. В деле Р. А. Алиева сторона защиты во время пересмотра обвинительного приговора в апелляционной инстанции ходатайствовала об оглашении результатов опроса присяжных, которые сообщали о грубейших нарушениях уголовно-процессуального законодательства во время их совещания. Были поданы и ходатайства о допросе этих лиц. Но все они были оставлены без удовлетворения. Суд подчеркнул, что, согласно ч. 3 ст. 56 УПК РФ, присяжные не подлежат допросу в качестве свидетелей, а равно и опросу стороной защиты об обстоятельствах дела, которые стали им известны. В итоге суд апелляционной инстанции указал на отсутствие сведений о давлении на присяжных.

Проанализировав обстоятельства этого дела, Конституционный Суд РФ пришел к следующим выводам. К тайне совещательной комнаты следует относить только те сведения, которые касаются существа уголовного дела. Для присяжных это данные о фактических обстоятельствах произошедшего, сведения, напрямую связанные с поставленными перед ними вопросами. Но информация о нарушениях закона сюда не относится, поэтому она не охватывается тайной совещательной комнаты. Соответственно, и установленный в п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ запрет здесь не действует. То есть в апелляционной инстанции есть возможность получения от присяжных таких данных. Поводом для этого может послужить их опрос защитником. На этой основе суд вправе получить от присяжных сведения о предполагаемых нарушениях тайны совещательной комнаты, но без наделения их статусом свидетеля. Сама возможность того, что присяжный заседатель в последующем ста-

нет свидетелем по делу и подвергнется допросам (при этом его коснутся соответствующие ограничения: обязательность явки, привод в случае неявки без уважительных причин и др.), противоречит идее о независимости осуществляющего правосудие лица, несовместима с его статусом⁴⁴.

Естественно, внимание Конституционного Суда РФ к этой проблеме заслуживает всяческого одобрения. Отсутствие возможности проверить сведения о давлении на представителей народа, игнорирование судом таких обращений просто обескураживают. Фактически мы имеем своеобразный зеленый коридор для незаконного воздействия на присяжных, причем воздействия процессуально неуловимого. При таком положении дел говорить о реализации своей власти народом в суде присяжных, конечно же, нельзя. Конституционный Суд РФ кардинально изменил эту ситуацию.

Тем не менее считаем необходимым изложить и критические соображения в отношении его позиции.

Во-первых, как справедливо отмечают современные ученые-правоведы, предложенная Конституционным Судом РФ форма взаимодействия апелляционного суда и таких присяжных заседателей порождает большое количество вопросов: каков процессуальный статус этих лиц, каким образом должен осуществляться их вызов в суд и что делать в случае неявки присяжного (можно ли его подвергнуть приводу), каков процессуальный порядок получения от этих граждан искомых сведений и др.⁴⁵ Ответов на эти вопросы дано не было.

Во-вторых, нарушение тайны совещательной комнаты является не просто грубейшим попранием закона, оно имеет поистине разрушительные для всего дела последствия. Пожалуй, единственным полноценным источником информации о произошедшем за ее дверью будут свидетельства самих очевидцев, то есть присяжных заседателей. Возможность получить

⁴³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision478257.pdf> (дата обращения: 09.12.2024).

⁴⁴ С другой стороны, Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель может предусмотреть процедуру получения от присяжных соответствующей информации и установить ответственность за дачу заведомо ложных показаний.

⁴⁵ См., например: Смирнова И. Г., Небратенко Г. Г., Казарина М. И. Как обеспечить свидетельский иммунитет присяжных заседателей при производстве в суде апелляционной инстанции? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 85.

от них соответствующие сведения имеет здесь принципиальное, ключевое значение и, по нашему мнению, не может быть реализована просто через объяснения. Это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его без процессуальных гарантий достоверности полученных сведений.

Да, если гражданин будет осознавать, что при выполнении роли присяжного заседателя он в дальнейшем может быть допрошен и подвергнут определенным ограничениям (обязанность явки, привод и др.), то это, вероятно, понизит его мотивацию к участию в деле. Но что мешает поставить возможность проведения допроса присяжного под условие, что это следственное действие может быть произведено только по его собственной инициативе? Тогда отпадут все упомянутые риски и вероятные неудобства, связанные с особенностями статуса свидетеля. Однако сам же Конституционный Суд РФ и указал на возможность федерального законодателя регламентировать порядок предоставления присяжными соответствующих сведений и установить для них ответственность за дачу заведомо ложных показаний. Важно ввести и еще одно правило: при допросе ни в коем случае не должны выясняться обстоятельства, касающиеся тайны совещательной комнаты (мнения членов коллегии при обсуждении дела, их позиции и суждения, озвученные в ходе голосования, и т.д.).

В-третьих, утверждение о несовместимости роли свидетеля со статусом осуществляющего правосудие лица тоже требует критического анализа. Речь идет о допросе присяжного в ходе судебного следствия в рамках обсуждения последствий вердикта. Полагаем, что его миссия в качестве судьи уже выполнена, участие в отправлении правосудия окончено. Такого же мнения придерживаются И. Г. Смирнова, Г. Г. Небратенко, М. И. Казарина. Они отмечают, что, согласно ч. 2 ст. 346 УПК РФ, председательствующий после оглашения вердикта присяжных благодарит членов коллегии и сообщает, что их участие в деле окончено: присяжные заседатели далее «уже не выполняют функцию правосудия»⁴⁶. Поэтому считаем: если присяжный заседатель, выполняя свой гражданский долг, стал очевидцем нарушения закона, то он

теперь может быть допрошен об этих фактах в качестве свидетеля⁴⁷. Это не обесценивает исполненной им судебной роли. Наоборот, если имело место давление на присяжных, была угроза их независимости, то такой допрос очень важен — как раз в целях защиты коллегии от незаконного воздействия, в том числе и в превентивных целях. И, желая быть допрошенным в качестве свидетеля, присяжный просит этой защиты у государства, обещавшего ему неприкосновенность и независимость. Как же можно ему отказать? Если же граждане смогут инициировать полноценную, реальную проверку фактов нарушения закона, очевидцем которых они стали, то имеет смысл говорить о реализации народом своей власти не только в осуществлении правосудия, но и в его защите, защите правды и справедливости. Тем более, как мы видим из приведенных выше примеров, такое желание у присяжных есть.

Нужно подчеркнуть, что в этих рассуждениях мы не одиноки. Комментируя рассматриваемую позицию Конституционного Суда РФ, С. А. Пашин также счел спорным вывод о возможности получения от присяжных лишь объяснений, но не полноценных показаний. В итоге суд апелляционной инстанции получает не доказательства, а просто сведения. Причем на этой основе может быть отменен приговор суда первой инстанции. Но такие данные не подлежат использованию для достоверного установления в дальнейшем соответствующих фактических обстоятельств: было ли проникновение лиц в совещательную комнату, давление на присяжных и т.д. У них нет статуса доказательств. И С. А. Пашин по этому поводу справедливо замечает: «Значит, акт отмены приговора не будет иметь преюдициального значения для решения вопроса о преследовании виновных в нарушении УПК»⁴⁸.

Считаем целесообразным для проверки сведений о нарушениях закона нормативно закрепить возможность проведения именно допроса. Но только по инициативе самих присяжных и с запретом выяснять обстоятельства, касающиеся содержания их познавательной деятельности по делу, их суждений и мнений. Например, вопросы о том, входил ли кто-то в совещательную комнату, что делал, что гово-

⁴⁶ Смирнова И. Г., Небратенко Г. Г., Казарина М. И. Указ. соч. С. 87.

⁴⁷ Повторим, без раскрытия в какой-либо форме тайны совещания присяжных, которая, конечно же, незыблема и бессрочна.

⁴⁸ См.: Пашин С. А. Судебная система настроена крайне негативно к суду присяжных // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 39.

рил, и другие лежат за рамками таких ограничений. Вместе с тем проведение такого допроса, равно как и иных судебно-следственных действий для проверки соблюдения законности в процессе, нет смысла откладывать на апелляционный пересмотр уголовного дела. Иначе неоправданно увеличивается срок применения к подсудимому меры пресечения (почти всегда это самая суровая из них — заключение под стражу). Более того, возникает существенный риск утраты доказательств: пройдет много времени до допроса гражданина в суде апелляционной инстанции, и он может уже что-то забыть, передумать давать показания, переехать в другую страну и т.д. Или карта памяти в камерах наблюдения заполнится, пойдет новый цикл перезаписи сведений — и искомая видеозапись будет утеряна.

Ценным представляется и присутствие государственного обвинителя. Несмотря на основную свою функцию, прокурор здесь не лишается роли блюстителя законности. Соответственно, вопросы возможных ее нарушений, причем нарушений грубейших, ни в коем случае не должны оставлять его безучастным.

Поэтому разумным было бы на этапе судебного следствия при обсуждении последствий вердикта проводить такой допрос и иные судебно-следственные действия безотлагательно, по горячим следам. Зачем их откладывать (терять драгоценное время, создавать риск утраты ключевых доказательств), если председательствующий может разобраться в ситуации на месте? Да и кто, как не он, должен проводить такую проверку? Недаром он назван председательствующим. Судья не только разумом, но и чувствами погружен в уголовное дело, переживает за его исход, понимает все его юридические, психологические, социальные нюансы. Очень метко высказался А. Ф. Кони о том, что судья в процессе прислушивается не только к голосу разума, но и к «предстательству сердца»⁴⁹. В свою очередь, Н. А. Колоколов отметил, что деятельность судьи «сакральна», его работа в судебном разбирательстве — «священнодействие»⁵⁰. Стоит ли вопросы вероятного нарушения закона вырывать из этого сакрального контекста? Рационально ли извлекать из юридической

материи процесса эти аутентичные фрагменты и пытаться их как-то соединить, исследовать в будущем — в отрыве от первоисточника, от основных событий? Нужна ли нам в апелляции такая правовая эклектика? Полагаем, что нет.

Далее, необходимо на законодательном уровне предоставить председательствующему и право определять последствия нарушений уголовно-процессуальных процедур, выявленных им в результате такой проверки. У него должна быть возможность аннулировать процесс. Ведь законодатель наделил председательствующего властью распустить коллегию ввиду тенденциозности ее состава (ст. 330 УПК РФ), а также в случае его убежденности в том, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). В последнем случае речь идет о своеобразной оценке председательствующим доброкачественности самого вердикта, его содержания — для наиболее полного обеспечения презумпции невиновности. Нужно предоставить ему аналогичную возможность и в отношении безупречности процессуальной формы вердикта — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественно, при соответствующем к нему обращении.

Такие обращения он игнорировать не должен, как, например, не должен игнорировать возникший вопрос о признании какого-либо доказательства недопустимым. Здесь судья самостоятельно проверяет правовую форму доказательства, так как ее нарушение отменяет все гарантии достоверности его содержания⁵¹. Представляется разумным распространить эту логику и на вердикт коллегии, поскольку его содержание отражает фактическую сторону дела, это совокупный результат доказывания, и он будет достоверным, истинным, справедливым только в случае строгого соблюдения процессуальной формы. Как судья проверяет законность получения спорного с точки зрения его допустимости доказательства, так он должен иметь возможность проверить и допустимость самого вердикта в целом. Как председательствующий может исключить недоброкачественное доказательство, так он должен быть наделен полномочиями по роспуску коллегии в случае уста-

⁴⁹ См.: Кони А. Ф. Избранные произведения. С. 32.

⁵⁰ См.: Колоколов Н. А. Компьютер вместо души — арифметика вместо судьи // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 7.

⁵¹ Естественно, совершенно абсурдным было бы перекладывать такую проверку на суд апелляционной инстанции.

новления им нарушений процедуры вынесения вердикта.

Таким образом, судья сможет бороться с угрозами правосудию в своем собственном процессе. При этом стороны вполне могут оспорить его решение о роспуске коллегии в апелляционном порядке⁵². Если оно будет отменено, то есть вердикт будет признан юридически доброкачественным, то на его основе и будет постановлен приговор. Причем сделать это можно прямо в рамках апелляционного рассмотрения дела. Если же председательствующий в результате проведенной им проверки установит отсутствие нарушений закона, но какая-то из сторон с этим будет не согласна, то остается возможность, как и сегодня, предоставить сведения о таких нарушениях в суд апелляционной инстанции.

Подведем итог. На принципиальном уровне должен быть решен главный вопрос: готово ли государство реально делегировать власть гражданам для отправления правосудия? Пока на практике встречаются исследованные выше нарушения, утвердительно ответить на него нельзя. Поэтому-то и нужно совершенствовать российский суд присяжных — это своеобразный краш-тест для системы распределения властных полномочий между государством и обществом. И в каждом случае давления на присяжных, каких-то манипуляций с этой формой судопроизводства страдает наше правосознание, наша правовая культура. Эти казусы, становясь достоянием общественности, молниеносно распространяются в правовой психологии и правовой идеологии народа, словно отпечатываются в сердцах и умах граждан. В нашу социальную память включается негативное отношение к праву и государству в целом.

Сегодня на разные лады звучат призывы к расширению подсудности суда с участием присяжных заседателей. Дескать, всего одна-две тысячи уголовных дел в год на всю страну — это мизерное количество. Нужно позволить народу больше участвовать в отправлении правосудия.

Даже в царской России количество процессов с присяжными было во много раз выше (20–30 тыс. в год). Всё это действительно так. Идея заслуживает только одобрения, доводы авторитетных правоведов здесь очень весомы⁵³. Но что будет, если предпринять такую попытку сейчас? Исследуемые здесь проблемы просто растиражируются, соответствующие деформации общественного правосознания вырастут в геометрической прогрессии. С другой стороны, без расширения юрисдикции нашего суда присяжных его роль в отечественной правовой системе остается незначительной. Тупик. Выход из него видится только в решении проблемы распределения власти: присяжные, народ должны действительно получить возможность вершить правосудие.

Суд присяжных — показатель качества взаимоотношений государства и общества. Именно в рамках данного института следует развивать это взаимодействие. В его основе должен лежать незыблемый принцип: предоставляя народу возможность напрямую, самостоятельно участвовать в отправлении правосудия, государство ограничивает себя, свои властные полномочия и тем самым высвобождает необходимый властный ресурс для действительного, реального достижения обществом социальной справедливости. Основной нерв проблемы кроется как раз в осуществлении на деле этой правовой аскезы: здесь необходимы и концептуальные, нормотворческие преобразования, и идеологические вызовы. Получится ли на деле поднять статус присяжного до предусмотренного Конституцией уровня, то есть обеспечить его реальную конституционализацию — воплотить в жизнь заложенные в эту миссию начала и смыслы без искажений и деформаций? И главное — как избавиться от попыток удержать делегируемую здесь обществу власть от стремления сделать ее передачу лишь формальной?

Полагаем, что предложенное нами нормативное расширение полномочий председатель-

⁵² Несмотря на то что постановление о роспуске коллегии ввиду установления судьей невиновности подсудимого при обвинительном вердикте присяжных апелляционному обжалованию не подлежит (ч. 5 ст. 348 УПК РФ), в исследуемом случае такое право должно быть предоставлено сторонам. Это поможет проконтролировать, не было ли в рамках проверки процессуальной доброкачественности вердикта допущено ошибок или каких-то незаконных манипуляций со стороны участников судебного разбирательства. Поэтому в случае роспуска председательствующим коллегии дело может быть направлено на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания только после разрешения его судьбы в апелляционной инстанции — если это решение там устоит (или по истечении срока на обжалование).

⁵³ См., например: *Верещагин А. Н.* О развитии суда присяжных в России // Закон. 2017. № 2. С. 103–115.

ствующего выступит надежным подспорьем в решении этих задач. Вместе с тем необходимо действовать и за рамками уголовного судопроизводства. Выше мы рассуждали о нежелании, боязни наших граждан участвовать в отправлении правосудия. Народ, прежде всего на мировоззренческом уровне, не понимает смысла, значения этой роли, ее силы. Что здесь можно предложить?

Важное направление — разъяснительная работа, полноценное, качественное информационное сопровождение этой миссии. Например, гражданин в своем почтовом ящике обнаруживает письмо — вызов из суда. Впечатления от этого конверта, его содержимого и их канцелярско-ведомственного ореола вряд ли будут положительными. На их месте мог бы быть креативно разработанный цветной буклет-приглашение, где в доступной форме излагалась бы вся необходимая информация (ссылками на специальные сайты, странички в социальных сетях и другие ресурсы, привязанные, допустим, к ГАС РФ «Правосудие»). Или такие приглашения могли бы создаваться сразу в креативном электронном формате и рассылаться гражданам, например, через портал «Госуслуги».

Полезным было бы создание обширного информационного комплекса (интернет-площадки, телевидение, радиопередачи, печать и др.) для осуществления правового воспитания граждан в этой сфере, повышения их правовой культуры путем общения с бывшими присяжными⁵⁴, привлечения представителей научного сообщества и практиков для проведения открытых лекций, круглых столов, семинаров, знакомства с зарубежным опытом, историей и т.д. Можно ввести в образовательный процесс практику встреч студентов юридических

факультетов с бывшими присяжными, проведения игровых судебных разбирательств с их участием, посещения обучающимися судебных заседаний с присяжными и др.

В целом необходимы популяризация участия населения в отправлении правосудия, повышение авторитета присяжного заседателя — как в обществе, так и в сфере действия государственной власти. Эта миссия должна быть престижной, почетной, вызывать уважение. Здесь очень важна роль соответствующих государственных институтов. В свою очередь, должное развитие получит и общественное правосознание, оно будет ориентировано на выполнение гражданского долга, станет постепенно приобретать, так сказать, социальную направленность. Тогда всё больше граждан будет приходить в суд, а после — включаться в работу по повышению статуса присяжного заседателя, они смогут делиться опытом и знаниями с остальными⁵⁵. Отличившиеся присяжные и активисты должны получать премии, благодарственные письма, медали, грамоты, почетные звания. В итоге с каждым новым таким циклом система народного участия в отправлении правосудия будет питать, укреплять, очищать сама себя и тем самым расширять свое влияние, повышать свое качество, выводить общество на новые уровни социально ориентированного правосознания. Народ захочет и сможет полноценно воплощать в жизнь свои властные полномочия в суде. Государство научится реально и качественно обеспечивать этот процесс. Таким образом, суд присяжных будет получать всё большее идеологическое, аксиологическое, социальное насыщение и со временем займет место одного из ключевых институтов в строящемся российском демократическом правовом государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М. : Книга по требованию, 2013. 624 с.

Васильев А. В., Барановский А. А. Суд присяжных: последний шанс Фемиды. Адвокат в процессе с присяжными: стратегия и тактика защиты. [Б. м.] : Издательские решения, 2017. 722 с.

Верещагин А. Н. О развитии суда присяжных в России // Закон. 2017. № 2. С. 103–115.

Ветрова Г. Н. Суд присяжных и проблема уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1999. № 3. С. 16–30.

⁵⁴ Естественно, не касаясь тайны их совещания, независимо от того, когда оно имело место.

⁵⁵ Повторим, без создания государством соответствующей инфраструктуры и активной поддержки всего спектра возможных здесь информационных коммуникаций ничего не получится.

- Головки Л. В. Курс уголовного процесса. М. : Статут, 2021. 1328 с.
- Головки Л. В. Суд присяжных и качество предварительного следствия: есть ли корреляция? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1. С. 58–62.
- Головки Л. В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 8. С. 40–49.
- Джанишев Г. Суд над судом присяжных. М. : Рассвет, 1896. 181 с.
- Есаков Г. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 121–129.
- Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарог, 1993. 235 с.
- Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 7–23.
- Колоколов Н. А. Компьютер вместо души — арифметика вместо судьи // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 3–7.
- Кони А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М. : Эксмо, 2013. 640 с.
- Кони А. Ф. Избранные произведения / сост. А. Б. Амелин. М. : Госюриздат, 1956. 888 с.
- Ляхов Ю. А., Малина М. А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 130–138.
- Малина М. А. Психологическое воздействие на обвиняемого при выборе им суда присяжных: от деформации правосознания к правовому нигилизму // Юридическая психология. 2023. № 1. С. 6–11.
- Малина М. А. Суд с участием присяжных заседателей — свободный выбор обвиняемого // Русский закон. 2022. № 4. С. 98–106.
- Миттермайер К. Суд присяжных в Европе и Америке. СПб., 1865. 129 с.
- Насонов С. А., Ярош С. М. Вердикт присяжных заседателей. М. : Р. Валент, 2003. 160 с.
- Пашин С. А. Судебная система настроена крайне негативно к суду присяжных // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 34–41.
- Смирнова И. Г., Небрятенко Г. Г., Казарина М. И. Как обеспечить свидетельский иммунитет присяжных заседателей при производстве в суде апелляционной инстанции? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 82–91.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб. : Альфа, 1896. 552 с.
- Ходжаева Е. А. Наказывают ли судьи подсудимого за выбор суда с участием присяжных? Свидетельства недавней реформы в России // Закон. 2021. № 12. С. 92–102.
- Ходжаева Е. А. Суд с участием присяжных в оценках ученых-юристов: различия в профессиональном опыте // Закон. 2023. № 11. С. 157–163.
- Ходжаева Е. А. Суды присяжных в официальной статистике : аналитический обзор. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2020. 20 с.

REFERENCES

- Bobrishchev-Pushkin AM. Empirical laws of the Russian jury trial. Moscow: Kniga po trebovaniyu Publ.; 2013. (In Russ.).
- Dzhanshiev G. Trial by jury. Moscow: Rassvet Publ.; 1896. (In Russ.).
- Esakov G. «Nullification» of the criminal law in a court with the participation of jurors. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2013;2:121-129. (In Russ.).
- Foynitsky IYa. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva [The course of the criminal proceedings]. Vol. 1. St. Petersburg: Alpha Publ.; 1996. (In Russ.).
- Golovko LV. A Course on Criminal Law. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).
- Golovko LV. Jury trial and the quality of the preliminary investigation: Is there a correlation? *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ih resheniya [Crime investigation: problems and ways to solve them]*. 2019;1:58-62. (In Russ.).
- Golovko LV. Theoretical and comparative legal approaches to determining the model of citizen participation in the administration of justice in criminal cases. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2015;8:40-49. (In Russ.).
- Ilyin IA. About the essence of legal consciousness. Moscow: Rarog Publ.; 1993. (In Russ.).

Khodzhaeva EA. Do judges punish the defendant for choosing a trial with a jury? Evidence of recent reform in Russia. *Zakon [Law]*. 2021;12:92-102. (In Russ.).

Khodzhaeva EA. Jury trials in official statistics: An analytical review. St. Petersburg: Institute of Law Enforcement Problems at the European University in St. Petersburg; 2020. P. 5–10. (In Russ.).

Khodzhaeva EA. Trial by jury in the assessments of legal scholars: Differences in professional experience. *Zakon [Law]*. 2023;11:157-163. (In Russ.).

Kleandrov MI. On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2021;3:7-23. (In Russ.).

Kolokolov NA. A computer instead of a soul is arithmetic instead of a judge. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal proceedings]*. 2019;3:3-7. (In Russ.).

Koni AF. Law and justice. Articles and speeches. Moscow: Eksmo Publ.; 2013. (In Russ.).

Koni AF. Selected works. Comp. by Amelin AB. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1956. (In Russ.).

Lyakhov YuA, Malina MA. The essence of a citizen's constitutional right to participate in the administration of justice. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik [North Caucasus Legal Vestnik]*. 2019;1:130-138. (In Russ.).

Malina MA. Psychological impact on the accused when choosing a jury trial: From the deformation of legal awareness to legal nihilism. *Yuridicheskaya psihologiya [Legal Psychology]*. 2023;1:6-11. (In Russ.).

Malina MA. Trial by jury — the free choice of the accused. *Russky zakon [Russian Law]*. 2022;4:98-106. (In Russ.).

Mittermeier K. Trial by jury in Europe and America. Petersburg; 1865. (In Russ.).

Nasonov SA, Yarosh SM. The verdict of the jurors. Moscow: R. Valent Publ.; 2003. (In Russ.).

Pashin SA. The judicial system is extremely negative towards the jury trial. *Ugolovnyy protsess [Criminal Procedure]*. 2021;2:34-41. (In Russ.).

Smirnova IG, Nebratenko GG, Kazarina MI. How to ensure the witness immunity of jurors during proceedings in the court of appeal? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2023;47:82-91. (In Russ.).

Vasiliev AV, Baranovsky AA. Jury trial: Themis' last chance. A lawyer in a trial with a jury: Strategy and tactics of defense. *Izdatelskie resheniya Publ.*; 2017. (In Russ.).

Vereshchagin AN. On the development of the jury trial in Russia. *Zakon*. 2017;2:103-115. (In Russ.).

Vetrova GN. Trial by jury and the problem of criminal proceedings. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya «Pravo»*. 1999;3:16-30. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малина Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета
д. 88, М. Горького ул., г. Ростов-на-Дону 344002, Российская Федерация
bestar@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim A. Malina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
bestar@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 31 января 2025 г.

Статья получена после рецензирования 11 февраля 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 31.01.2025.

Revised 11.02.2025.

Accepted 17.01.2026.

М. А. Иванова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Административно-правовые средства обеспечения благополучия человека

Резюме. Благополучие человека обеспечивается административно-правовыми средствами, однако набор таких средств в правовых исследованиях не систематизирован и определение административно-правовых средств недостаточно проработано. Отсутствие четкой систематизации административно-правовых средств обеспечения благополучия может вызвать правовую неопределенность, нарушение принципов законности и правовой защищенности, снизить эффективность государственного управления и доверия к государству, повлечь коррупционные риски. На основе анализа научных трудов и норм административного права в статье установлено, что ключевыми административно-правовыми средствами обеспечения благополучия человека выступают правовые нормы, правоотношения, акты применения норм права. Основано, что административно-правовые нормы определяют эффективность деятельности государства в этом направлении. Регламентируя права и обязанности субъектов, они обеспечивают единство управленческой системы и оптимизацию общественных отношений в области исполнительной власти. Административно-правовые отношения являются инструментом практической реализации соответствующих нормативных предписаний. Установлено, что в контексте современных вызовов и угроз всё более значимую роль в формировании правовой базы социально-экономического развития и обеспечения благополучия человека играют административные акты. Императивный характер административно-правовых средств способствует установлению баланса между властными предписаниями государства и обеспечением гарантий прав и свобод граждан. Таким образом, систематизация ключевых средств обеспечения благополучия человека позволяет устранить правовую неопределенность и повысить эффективность государственного управления в данной сфере.

Ключевые слова: благополучие человека; благо; правовые средства; административно-правовые средства; административно-правовые нормы; административно-правовые отношения; акты применения норм административного права; государственные услуги; регистрационная деятельность; государственное управление

Для цитирования: Иванова М. А. Административно-правовые средства обеспечения благополучия человека. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 110–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.110-121

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы 11.7-2026-1 «Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в концепции человекоцентричного государства», выполняемой по государственному заданию Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Administrative and Legal Means of Ensuring Human Welfare

Marina A. Ivanova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

Abstract. Human welfare is ensured by administrative and legal means, however, the set of such means in legal research is not systematized and the definition of administrative and legal means is insufficiently elaborated. The lack of a clear systematization of administrative and legal means of ensuring welfare can cause legal uncertainty, violation of the principles of legality and legal protection, reduce the effectiveness of public administration and trust in the state, and entail corruption risks. Based on the analysis of scientific works and norms of administrative law, the paper establishes that the key administrative and legal means of ensuring human welfare are legal norms, legal relations, and acts of application of legal norms. It is proved that administrative and legal norms determine the effectiveness of the state's activities to ensure human welfare. By regulating the rights and duties of entities, they ensure the unity of the management system and the optimization of public relations in the field of executive power. Administrative and legal relations are a tool for the practical implementation of relevant regulations. It has been established that in the context of modern challenges and threats, administrative acts play an increasingly important role in shaping the legal framework for socio-economic development and ensuring human welfare. The imperative nature of administrative and legal means helps to establish a balance between the government regulations of the state and ensuring guarantees of citizens' rights and freedoms. Thus, the systematization of key means of ensuring human welfare makes it possible to eliminate legal uncertainty and increase the effectiveness of public administration in this area.

Keywords: human welfare; well-being; legal means; administrative and legal means; administrative and legal norms; administrative and legal relations; acts of application of administrative law norms; public services; registration activities; public administration

Cite as: Ivanova MA. Administrative and Legal Means of Ensuring Human Welfare. *Lex russica*. 2026;79(2):110-121. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.110-121

Acknowledgements. This article was prepared as part of the scientific research work 11.7-2026-1 «Problems and Prospects of Digital Transformation of Education in the Concept of a Human-Centered State», carried out under a state assignment by the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Введение

Обеспечение благополучия человека является приоритетным направлением государствен-

ной политики Российской Федерации. Однако в Конституции РФ¹, иных нормативных правовых актах различного уровня², стратегических документах и программных актах³, судебных

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

² Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650 ; Кодекс РФ об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1 ; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724 ; Закон г. Москвы от 09.07.2008 № 34 «О социальном обслуживании населения и социальной помощи в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2008. № 45 ; Закон г. Москвы от 07.10.2009 № 43 «О психологической помощи населению в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2009. № 60.

³ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884 ; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351 ; информация Минфина России от 28.09.2023 «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2028 годов».

актах термин «благополучие» часто упоминается, но не раскрывается. Ряд авторов⁴ исследуют феномен благополучия, но не предлагают собственных трактовок понятия. Проблема определения благополучия носит междисциплинарный характер, возникают некоторые трудности в установлении четкого универсального определения, которое бы послужило основной характеристикой для формирования системы правовых средств, обеспечивающих достижение благополучия человека.

Благополучие, трактуемое как комплексная категория, отражает субъективные ощущения индивида относительно своего здоровья, материального и социального положения, профессионального статуса и объективные показатели внешней среды: уровень экономического развития государства, состояние законности и правопорядка, степень правовой защищенности, гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина. Предлагаем понимать благополучие как состояние, при котором субъект права имеет реальную возможность обладать, приобретать, распоряжаться благами. При этом государство оказывает содействие в их получении, гарантирует, охраняет, защищает указанные блага⁵. Представленная дефиниция требует дальнейшей детализации в части экспликации признаков, характеризующих состояние субъекта при реализации принадлежащих ему прав и получении соответствующих благ. Такое состояние субъекта права должно характеризоваться ощущением удовлетворенности и психологического комфорта. Исследование опирается на предложенное нами определение, поскольку оно подчеркивает диалектику индивидуальных возможностей и институциональных обязательств, формирующих основу для обеспечения благополучия человека.

Право, как системообразующий элемент социальной организации, выступает ключевым инструментом обеспечения благополучия человека. Роль права заключается в установлении нормативной основы, создании механизмов реализации благ и сохранении баланса между частными интересами и публичными целями. В текущей политической и социально-экономи-

ческой ситуации в контексте доминирующей роли административного права в системе регулирования общественных отношений становится актуальной проблема его влияния на обеспечение благополучия человека. В современной отечественной административно-правовой литературе отмечается, что основная задача административно-правового регулирования — гарантирование реализации прав и законных интересов физических и юридических лиц. Современное направление развития науки административного права анализирует административно-правовые средства, направленные на обеспечение беспрепятственной реализации прав и законных интересов граждан в сфере публичного управления, а также на создание эффективных механизмов защиты от неправомерных действий (или бездействия) со стороны органов публичной власти. В данном аспекте ключевой задачей выступает системное выявление и комплексный анализ административно-правовых средств, способствующих достижению указанных целей и сбалансированному функционированию системы публичного управления.

Цель статьи — осмысление и анализ основных теоретических подходов к пониманию административно-правовых средств обеспечения благополучия человека в новых условиях развития общественных отношений и систематизация этих средств.

Задачи исследования: проанализировать основные доктринальные подходы к пониманию сущности и содержанию правовых средств; выявить существующие проблемы определения правовых средств в административном праве; установить набор ключевых административно-правовых средств и их роль в обеспечении благополучия человека.

Основная часть

Правовые средства — фундаментальная юридическая категория, но на текущий момент можно констатировать, что в юридической науке не сложилось какого-либо определенного единого подхода к ее пониманию.

⁴ Агапов Е. П. Феномен социального благополучия: философское осмысление // Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 2. С. 44–52 ; Букина Е. Е. Правовая деалиенация как основа благополучия человека // Вестник науки Сибири. 2015. № 4 (19). С. 23–30 ; Капранова Е. А. Социальное благополучие как философская проблема: исторический и семантический анализ (от Античности до XX века) // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 78-2. Р. 55–61.

⁵ Иванова М. А. Благополучие человека как правовая категория // Юридический мир. 2024. № 6. С. 13.

Понятие «правовое средство» встречается в трудах дореволюционных правоведов, но основоположником исследования данной юридической категории является советский и российский ученый С. С. Алексеев. Проведенный анализ его взглядов⁶ на понятие и сущность правовых средств позволяет выделить ключевые аспекты их теоретического осмысления. В своих работах С. С. Алексеев определяет правовые средства как совокупность юридических инструментов, обеспечивающих правовое воздействие на общественные отношения, и включает в их систему нормы права, правоотношения, акты и другие элементы механизма правового регулирования. При этом он утверждает, что правовые средства не представляют собой принципиально новых явлений правовой действительности, а являются традиционными правовыми феноменами, рассматриваемыми с точки зрения их функционального назначения. Таким образом, правовые средства, по мнению С. С. Алексеева, есть инструменты, которые, сохраняя свою традиционную природу, используются для решения социально-экономических задач. Это дает основание считать их важным компонентом механизма правового регулирования, обеспечивающим эффективное функционирование права в обществе. Такой подход подчеркивает необходимость изучения правовых средств не только с позиции юридической практики, но и через призму их функциональной роли в достижении целей правового воздействия.

Анализ иных научных трактовок понятия «правовые средства» позволяет сделать вывод о наличии значительных теоретических сложностей в его определении. Как указывает А. В. Мильков, существующие формулировки зачастую отличаются избыточной расширительностью и нечеткостью, что может привести к признанию данного понятия неопределенным и поставить под сомнение его научную

ценность⁷. Б. И. Пугинский, в свою очередь, акцентирует внимание на нецелесообразности использования термина «правовые средства» для обозначения явлений, уже имеющих установившиеся юридические определения, таких как нормативные акты или правоотношения. Он полагает, что применение этого понятия оправданно лишь в случаях, когда необходимо обозначить правовые реалии, выходящие за рамки традиционных категорий⁸. Дискуссия о понятии «правовые средства» отражает потребность в дальнейшем уточнении его содержания и места в системе юридической терминологии, а также разработке четких критериев его использования в научном и практическом контекстах.

Тем не менее в юридической науке предпринимались неоднократные попытки сформулировать понятие правовых средств. Например, В. А. Сапун определяет правовые средства как «институционные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе»⁹. По мнению А. В. Малько, «правовые средства — это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»¹⁰. Ю. Б. Батурина считает, что «правовое средство — это деятельностно-институциональное образование, показывающее функционально-динамическую сторону правовых явлений и права в целом»¹¹.

⁶ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 30 ; Он же. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19 ; Он же. Теория права. М. : Бек, 1994. С. 151 ; Он же. Теория права. М., 1995. С. 217.

⁷ Мильков А. В. К определению понятия «правовые средства» // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1. С. 115.

⁸ Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 84–85.

⁹ Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 56.

¹⁰ Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.

¹¹ Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 120.

Исследование юридической литературы обнаруживает отсутствие унифицированного подхода и к определению совокупности правовых средств, образующих механизм правового регулирования. В научной доктрине существует позиция, согласно которой нужно расширить концептуальные рамки механизма правового регулирования за счет включения в его структуру широкого круга правовых явлений. К их числу относятся такие категории, как законность, правопорядок, принципы права, юридические факты, субъективные права и обязанности, правовые запреты и льготы, меры поощрения и меры наказания.

Представляется, что ядром механизма правового регулирования являются нормы права, правоотношения и акты применения норм права, образующие его необходимую основу. Однако вопросы, связанные с дальнейшей детализацией его структурных компонентов, остаются дискуссионными, что обусловлено многообразием методологических подходов и теоретических позиций, существующих в современной правовой науке. Расширение указанного перечня иными правовыми средствами допустимо, однако лишь при условии соответствия последних критериям функциональности и инструментальности в контексте реализации функций и ценности права.

Еще в начале XX в. в отечественной науке административного права административная деятельность «в зависимости от решаемых задач подразделялась на благоустройственную (попечительскую), направленную на предоставление гражданам различных благ, и охранительную (полицейскую), осуществляющую предупреждение опасностей и устранение препятствий, угрожающих отдельным отраслям благоустройственной деятельности»¹². В. А. Юсупов в своих трудах отмечал, что школа русских административистов, следуя идеям Канта, Монтескьё, Бентама, твердо стояла на позиции приоритета правового обеспечения прав и свобод личности над юридическим механизмом хозяйственной жизни государства. Начиная

с трудов И. Е. Андреевского, в русской административно-правовой науке прочно утверждается мысль о том, что в цивилизованном государстве право управления обеспечивает безопасность и благосостояние человека, и это главная его функция. Русские административисты были убеждены и в том, что человек не может рассматриваться как средство для государства. Они видели в нем личность, своими правами и обязанностями связанную с государством¹³.

Административно-правовые средства представляют собой ключевую категорию административного права, обеспечивают функционирование всей системы государственного управления, создают надлежащие условия для реализации прав и свобод, исполнения обязанностей субъектами права. В доктрине административного права традиционно выделяются ключевые компоненты механизма административно-правового регулирования: административно-правовые нормы, административно-правовые отношения, акты применения норм административного права. Помимо этого, в структуру данного механизма включаются способы регулирования: дозволение, разрешение и административный запрет¹⁴. Но понимание административно-правовых средств остается предметом дискуссий в юридической науке. Существование различных теоретических подходов обусловлено различиями в методологических основаниях и акцентами на различных аспектах регулирующего воздействия административного права. Например, согласно позиции А. С. Емельянова, механизм административно-правового регулирования объединяет в себе два основных блока: регулятивные и охранительные административно-правовые средства. Основу этого механизма формируют позитивные обязывания, выступающие в качестве ключевого элемента. При этом обособленной структурной единицей является механизм административно-правовой охраны, который базируется на системе общих и специальных юридических запретов и находит свое выражение преимущественно через институт административной ответственности¹⁵.

¹² Ярковой С. В. Административная правоприменительная деятельность: история научного осмысления, сущностная характеристика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3. С. 51–55.

¹³ Юсупов В. А. Труды по административному праву : в 3 т. М. : Евразийская академия административных наук, 2014. Т. 3. С. 159.

¹⁴ Шергин А. А. Понятие и содержание механизма административно-правового регулирования // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 5.

¹⁵ Емельянов А. С. Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 127–145.

В науке административного права достаточно большое количество работ посвящено исследованию административно-правовых средств в конкретной предметной области. С. М. Рукавишников подчеркивает социально ориентированную функцию административно-правовых средств, связывая их с обеспечением благополучия человека в сфере образования и науки¹⁶. Р. В. Нагорных акцентирует внимание на системном характере административно-правовых средств, их роли в обеспечении эффективности государственного управления, особенно в правоохранительной сфере¹⁷. А. А. Беженцев и Е. А. Пикина раскрывают такой аспект административно-правового регулирования, как направленность на обеспечение безопасности и защиту прав граждан¹⁸.

Таким образом, в зависимости от объекта регулирования, сферы государственного управления, целей государственной политики набор, а также содержание административно-правовых средств могут различаться. Необходимо использовать более широкий подход к определению административных правовых средств, поскольку право обладает богатым инструментарием воздействия на общественные отношения, располагает уникальными явлениями, которые в совокупности и во взаимодействии позволяют «связать цель упорядочивания общественных отношений и конкретный материальный результат»¹⁹.

В ходе исследования вопроса об административно-правовых средствах обеспечения благополучия человека в качестве *sine qua non* механизма административно-правового регулирования установлены административно-правовые нормы, административные правоотношения и акты применения административно-правовых норм, отсутствие которых делает невозможным эффективное обеспечение благополучия человека.

Административно-правовые нормы являются структурообразующим правовым средством в механизме административно-правового ре-

гулирования, составляют нормативную основу административного права.

Эффективность деятельности государственного управления, направленной на обеспечение благополучия человека, во многом обусловлена административно-правовыми нормами, которые, закрепляя правовые статусы и регламентируя права и обязанности участников административных правоотношений, способствуют четкой организации и функциональности всех звеньев управленческой системы. Административно-правовые нормы, являясь определяющим элементом управленческой воли государства, выполняют ключевую функцию в обеспечении благополучия человека. Их функциональная роль заключается в установлении правил поведения, абстрагированных от особенностей индивидуального регулирования. Посредством закрепления прав, предоставляемых участникам административных правоотношений, и обязанностей, возлагаемых на них, нормы административного права оказывают существенное воздействие на организационную структуру и организационно-функциональные отношения в сфере государственного управления. Нормы административного права не только фиксируют существующие общественные связи, но и активно способствуют их совершенствованию и развитию через эффективность, оптимизацию и корреляцию функций государственного управления в целях обеспечения благополучия человека.

Административно-правовые нормы как инструмент реализации целей обеспечения благополучия человека характеризуются широким диапазоном и специфическим качеством регулируемых общественных отношений, относящихся к сфере исполнительной власти и государственного управления.

Трансформация взаимоотношений между человеком и государством в условиях современных социально-политических и экономических изменений обуславливает возрастание роли административного права как ключевого

¹⁶ Рукавишников С. М. Административно-правовые средства организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 1. С. 139.

¹⁷ Нагорных Р. В. Административно-правовые средства регулирования государственной службы в правоохранительной сфере // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 4 (48). С. 560.

¹⁸ Беженцев А. А., Пикина Е. А. Понятие и сущность административно-правовых средств управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения // Закон и право. 2018. № 10. С. 152.

¹⁹ Сморгачева Л. Н. К вопросу о методологии административно-правового регулирования в сфере экономики // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 15–18.

регулятора публичных отношений и пересмотра устоявшихся взглядов на предмет административного права. Усиление взаимодействия между индивидом и государством, расширение сферы предоставления публичных услуг, а также необходимость достижения баланса между правами личности и интересами общества требуют развития административно-правовых средств. Административно-правовые нормы обеспечивают легитимность действий органов государственной власти, создают условия для защиты прав и свобод граждан, повышения благополучия, способствуют эффективности государственного управления. В условиях глобализации и цифровизации возрастает значимость административно-правовых норм, регулирующих новые формы взаимодействия, такие как цифровое правительство, цифровые сервисы и автоматизированные административные процедуры.

П. И. Кононов, пересматривая традиционные представления о предмете административного права, впервые вводит в научный оборот концепцию административных правообеспечительных отношений как составной части предмета административно-правового регулирования. Указанные правоотношения формируются в связи с осуществлением деятельности органов исполнительной власти, а также иных субъектов, наделенных административно-публичными полномочиями, включая подведомственные им государственные учреждения и организации, по оказанию государственных услуг физическим и юридическим лицам, предоставлению им материальных и нематериальных благ, подтверждению прав на эти блага²⁰. Это, например, отношения по поводу выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, выдачи, замены паспортов гражданина РФ, выплаты страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, государственной регистрации прав на недвижимое имущество, предоставления в собственность, аренду, постоянное (бессрочное), безвозмездное пользование земельных участков, находящихся в федеральной собственности, без проведения торгов, выдачи специальных разрешений на осуществление международных автомобильных перевозок опасных грузов.

Административно-правовые отношения представляют собой важнейший элемент меха-

низма административно-правового регулирования, выступая в качестве одного из ключевых административно-правовых средств. Их значение заключается в том, что они обеспечивают реализацию норм административного права через конкретизацию прав и обязанностей субъектов в сфере государственного управления. Административно-правовые отношения служат связующим звеном между нормативными предписаниями и их практическим воплощением, создавая правовую основу для взаимодействия между органами публичной власти и физическими или юридическими лицами. Кроме того, административно-правовые отношения выполняют функцию сохранения баланса между публичными и частными интересами, что способствует эффективному функционированию государственного аппарата и защите прав граждан. Они также являются инструментом урегулирования возникающих в процессе управления конфликтов и соблюдения законности в деятельности органов исполнительной власти.

Административно-правовые отношения, возникающие в рамках осуществления государственного управления, играют центральную роль в системе обеспечения благополучия человека. Их значимость определяется функциональной направленностью, поскольку именно в процессе их возникновения и развития осуществляются конкретизация и практическая реализация предписаний, содержащихся в административно-правовых нормах, направленных на создание благоприятных условий для жизнедеятельности граждан и удовлетворение их потребностей.

Административно-правовые отношения выступают связующим звеном между абстрактными нормативными установлениями и реальным поведением субъектов административного права, способствуя тем самым претворению в жизнь целей и задач государственного управления, ориентированных на повышение уровня благополучия человека. Административные правовые отношения, возникающие между гражданами и органами исполнительной власти при реализации прав на социальную поддержку, образование, здравоохранение и другие блага, — непосредственный инструмент обеспечения благополучия человека.

Более того, административно-правовые отношения, опосредующие контрольно-над-

²⁰ Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права : учебник. М. : Кнорус, 2023.

зорную деятельность органов государственной власти, играют важную роль в обеспечении безопасности, благоприятной окружающей среды, что также является необходимым условием для благополучия человека. В. А. Юсупов подчеркивал, что большинство административно-правовых отношений связано с организацией позитивной жизнедеятельности членов общества²¹. Другая группа административно-правовых отношений — по защите прав, свобод и законных интересов — представляет собой правоотношения, возникающие в процессе обеспечения и восстановления нарушенных прав физических и юридических лиц уполномоченными субъектами. Они направлены на предотвращение нарушений, соблюдение законности и создание механизмов гарантий, включая рассмотрение жалоб, административное обжалование и контрольно-надзорную деятельность. Эти отношения призваны сохранять баланс между интересами государства и личности, укреплять доверие к публичной власти.

Функционирование административно-правовых отношений основано на принципе властного подчинения, выражающемся в наделении одного из субъектов публичными полномочиями. Императивный характер административно-правового регулирования — ключевой фактор эффективности использования административно-правовых средств в сфере обеспечения благополучия человека.

Административно-правовые отношения по поводу оказания государственных услуг являются элементом административно-правового механизма обеспечения благополучия человека. В соответствии с предложенной П. И. Кононовым классификацией государственных услуг в зависимости от характера предоставляемых благ (частных или публичных) и степени их связи с охраной и защитой публичных (государственных или общественных) интересов можно классифицировать административно-правовые отношения следующим образом:

1) отношения, касающиеся предоставления государственных услуг, направленных на приобретение частных прав или частного правового статуса. Такие права требуют официального подтверждения, а их реализация может либо

затрагивать, либо не затрагивать публичные интересы. К данной категории относятся, например, правоотношения, возникающие в процессе государственной регистрации недвижимого имущества, регистрации актов гражданского состояния, оформления регистрации по месту пребывания, а также выдачи лицензий на осуществление определенных видов деятельности, разрешений или регистрации транспортных средств;

2) отношения, касающиеся предоставления государственных услуг, направленных на приобретение публичных прав или публичного правового статуса. Реализация таких прав непосредственно ориентирована на обеспечение и защиту публичных интересов (предоставление статуса органа по сертификации, статуса таможенного декларанта)²². Например, целью административных регистрационных правоотношений является не только осуществление государственного учета субъектов и объектов регистрационной деятельности, но и «создание необходимых условий для реализации и обеспечения защиты гражданами и организациями своих прав и законных интересов, а также исполнения ими обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом, обеспечение их безопасности, охрана имущественных и личных неимущественных прав»²³.

В Российской Федерации в 2021 г. начал свою реализацию на федеральном и региональном уровнях федеральный проект «Государство для людей»²⁴. Основными задачами проекта обозначены:

— повышение уровня удовлетворенности граждан: разработать и внедрить эффективные решения, которые помогут сделать взаимодействие с госорганами простым и комфортным;

— оптимизация государственных услуг: модернизировать подходы к предоставлению госуслуг, снизить бюрократические преграды и улучшить качество сервиса;

— построение открытой и прозрачной системы: повысить доверие к государству через создание механизмов обратной связи и постоянное информирование граждан о процессах и доступных возможностях;

²¹ Юсупов В. А. Указ. соч. С. 219.

²² Кононов П. И. Указ. соч.

²³ Трофимова И. А. Некоторые аспекты административно-правового регулирования регистрационной деятельности // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 183.

²⁴ URL: <https://государстводлялюдей.рф> (дата обращения: 05.04.2025).

— инновационное развитие: внедрять цифровые технологии и решения для улучшения доступа к госуслугам.

В клиентоцентричном государстве понимание потребностей человека становится ключевым фактором успешного взаимодействия. Профилирование клиентов и работа с жизненными ситуациями — эффективные инструменты, позволяющие тонко и точно настроить сервисы и услуги под конкретные запросы граждан. Центр разработки проекта «Государство для людей» совместно с федеральными органами власти и регионами занимается оптимизацией 34 федеральных и более 400 региональных жизненных ситуаций. Реализованными цифровыми сервисами (навигаторами жизненных ситуаций) воспользовались 1,9 млн граждан и более 3 300 предпринимателей.

В конце 2024 г. была запущена масштабная работа по определению общественных настроений и потребностей граждан в коммуникации с государственными структурами. Благодаря социологическим исследованиям, анализу статистических данных и экспертизе сотрудников центра разработок указанного проекта были сформированы предложения, касающиеся улучшения качества и скорости предоставления государственных услуг и функций. В процессе работы спроектировано 36 новых жизненных ситуаций для реализации в 2025–2026 гг., созданы четкие образы целевого состояния — того, как именно должны выглядеть идеальные сервисы по предоставлению государственных услуг, удовлетворяющих в полной мере потребностям граждан в определенный момент. Для каждой жизненной ситуации определен пул органов власти, ответственных за достижение результата — идеального получения комплекса услуг в возникшей ситуации. Например, в работе над жизненной ситуацией для владельцев домашних животных участвуют такие ведомства, как Россельхознадзор, Минсельхоз России, Минприроды России и Минцифры России. Среди множества новых жизненных ситуаций можно отметить следующие: «поступление в колледж/техникум», «отдых и оздоровление детей», «получение бесплатной юридической помощи», «получение налогового вычета», «приобретение недвижимости», «утрата близкого человека». На едином портале государственных и муниципальных услуг

уже доступен каталог жизненных ситуаций, в рамках которых можно воспользоваться услугами как по всей стране, так и в конкретном выбранном регионе. Получение услуг комплексно в формате жизненной ситуации значительно упрощает формат взаимодействия с государством, сокращает сроки, уменьшает число визитов в органы власти и позволяет отказаться от необходимости носить с собой множество документов.

Акты применения норм административного права, имеющие своей целью конкретизацию положений административно-правовых норм, направлены на преобразование абстрактной воли законодателя в конкретные субъективные права и обязанности участников административных правоотношений. Реализуя компетенцию органов государственного управления, их государственно-властные полномочия, данные акты интегрируют абстрактную волю законодателя и конкретную волю правоприменителя, возникающую в результате взаимодействия, а иногда и столкновения интересов участников правоотношений. Оказывая существенное влияние на комплекс субъективных прав и обязанностей, а в отдельных случаях и на нормативную подсистему, акты применения права обеспечивают оперативное удовлетворение интересов физических и юридических лиц, конкретизируя и уточняя их правовые обязанности.

Основная задача правоприменительного акта заключается в установлении факта существования либо отсутствия субъективных прав и юридических обязанностей у субъектов права, а также в определении объема и содержания этих прав и обязанностей. По мнению М. Е. Труфанова, оригинальность административного правоприменительного акта в том, что он определяет правовые возможности физических или юридических лиц, опосредованные условиями, указанными в решении о применении права, или конкретизированные действующим законодательством²⁵.

Деятельность административно-публичных субъектов, ориентированная на наделение физических и юридических лиц определенными субъективными правами или специальным правовым статусом путем принятия административных решений, представляет собой значимый элемент в обеспечении благополучия человека. Данный процесс, фактически состоящий в пре-

²⁵ Труфанов М. Е. Стабильная актуальность исследования административного правоприменительного акта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5. С. 159–164.

доставлении определенных благ материального или нематериального характера, частного либо публичного значения, приобретаемых индивидами или организациями на основании соответствующего административного акта, целесообразно рассматривать как форму имплементации принципов эффективного государственного управления. Следовательно, административное решение выступает ключевым инструментом, обеспечивающим не только реализацию прав, но и формирование правового статуса субъектов, что в итоге определяет структуру и динамику публично-правовых отношений.

Заключение

Таким образом, в контексте современных вызовов и возрастающих требований к качеству жизни населения изучение взаимосвязи между благополучием и административно-правовыми средствами приобретает особую актуальность, способствуя как развитию теоретических основ публичного управления, так и разработке практических решений. Административно-правовые средства играют определяющую роль в формировании институциональных условий, обеспечивающих достижение и поддержание благополучия человека, которое становится ключевым ориентиром государственной политики.

Проведенное исследование административно-правовых средств, направленных на обеспечение благополучия человека, не претендует на исчерпывающий анализ всех аспектов данной темы. Проблематика административно-правовых средств обеспечения благополучия является важной составной частью более общей темы — роли административного права в обеспечении благополучия человека, которая остается до сих пор непроработанной в отечественной юридической доктрине. Административное право выполняет многоаспектную роль в обеспечении благополучия человека, сочетая регуляторные, защитные и гарантийные функции. Оно не только создает инфраструктуру для справедливого распределения благ, но и формирует систему юридических гарантий, позволяющих индивиду реализовывать свои права в условиях правовой определенности. Эффективность этой системы зависит от сбалансиро-

ванности норм, обеспечивающих как активное содействие государства, так и защиту от его чрезмерного вмешательства, что подчеркивает необходимость постоянного совершенствования административно-правовых механизмов.

Результаты исследования и сформулированные выводы могут послужить основой для разработки методологических подходов к созданию целостной правовой модели, регулирующей применение административно-правовых средств в целях обеспечения благополучия человека в условиях современного общества.

В работе проанализированы основные научные положения, которые могут стать базой для изучения проблем административно-правового обеспечения благополучия человека. В результате исследования теоретических воззрений относительно понятия, содержания и видов правовых средств установлено, что основу механизма правового регулирования составляют такие элементы (правовые средства), как нормы права, правоотношения и акты применения права. Попытки расширить границы правовых средств путем включения различных дополнительных элементов обуславливают необоснованную диффузию семантического содержания дефиниции, что негативно отражается на эффективности ее практического применения. Включение иных правовых феноменов в структуру правовых средств возможно, но строго с учетом соответствия последних критериям функциональности и инструментальности в контексте реализации силы и аксиологической ценности права.

В ходе научного анализа выявлена дифференциация в концептуализации структуры, функций и целеполагания административно-правовых средств, детерминированная спецификой исследуемых предметных областей.

В данной статье под административно-правовыми средствами обеспечения благополучия человека понимается система взаимосвязанных правовых феноменов, создающих условия для реализации субъектом права возможности обладания, приобретения и распоряжения материальными и нематериальными благами. Этот комплекс предполагает активное участие государства в обеспечении содействия, гарантирования, охраны и защиты указанных благ, а также в создании условий для надлежащего исполнения субъектом возложенных на него обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов Е. П. Феномен социального благополучия: философское осмысление // Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 2. С. 44–52.
- Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.
- Алексеев С. С. Теория права. М. : Бек, 1994. 320 с.
- Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 149 с.
- Беженцев А. А., Пикина Е. А. Понятие и сущность административно-правовых средств управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения // Закон и право. 2018. № 10. С. 150–155.
- Белявский Н. Н. Полицейское право (Административное право). Петроград, 1915. 409 с.
- Букина Е. Е. Правовая деалиенация как основа благополучия человека // Вестник науки Сибири. 2015. № 4 (19). С. 23–30.
- Емельянов А. С. Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 127–145.
- Иванова М. А. Благополучие человека как правовая категория // Юридический мир. 2024. № 6. С. 11–15.
- Ивановский В. В. Учебник административного права. Казань, 1911. 516 с.
- Капралова Е. А. Социальное благополучие как философская проблема: исторический и семантический анализ (от Античности до XX века) // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 78-2. Р. 55–61.
- Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права : учебник. М. : Кнорус, 2023. 314 с.
- Мильков А. В. К определению понятия «правовые средства» // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1. С. 113–115.
- Нагорных Р. В. Административно-правовые средства регулирования государственной службы в правоохранительной сфере // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 4 (48). С. 558–562.
- Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. 224 с.
- Рукавишников С. М. Административно-правовые средства организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 1. С. 136–141.
- Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 321 с.
- Сморчкова Л. Н. К вопросу о методологии административно-правового регулирования в сфере экономики // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 15–18.
- Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2001. 776 с.
- Трофимова И. А. Некоторые аспекты административно-правового регулирования регистрационной деятельности // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 181–185.
- Труфанов М. Е. Стабильная актуальность исследования административного правоприменительного акта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5. С. 159–164.
- Шергин А. А. Понятие и содержание механизма административно-правового регулирования // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 3–12.
- Юсупов В. А. Труды по административному праву : в 3 т. М. : Евразийская академия административных наук, 2014. Т. 3. 353 с.

REFERENCES

- Agapov EP. The phenomenon of social well-being: A philosophical understanding. *Otechestvennyy zhurnal sotsialnoi raboty*. 2017;2:44-52. (In Russ.).
- Alekseev SS. The mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1966. (In Russ.).
- Alekseev SS. Theory of law. Moscow: Bek Publ.; 1994. (In Russ.).
- Baturina YuB. Legal form and legal means in the system of concepts of the theory of law. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2001. (In Russ.).

- Belyavsky NN. Police law (Administrative law). Petrograd; 1915. (In Russ.).
- Bezhtentsev AA, Pikina EA. The concept and essence of administrative and legal means of management activities to ensure road safety. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*. 2018;10:150-155. (In Russ.).
- Bukina EE. Legal dealienation as the basis of human welfare. *Vestnik nauki Sibiri*. 2015;4(19):23-30. (In Russ.).
- Emelyanov AS. The mechanism of administrative and legal regulation. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2024;8:127-145. (In Russ.).
- Ivanova MA. Welfare as a legal category. *Yuridicheskiy mir [Juridical World]*. 2024:11-15. (In Russ.).
- Ivanovsky VV. Textbook of administrative law. Kazan; 1911. (In Russ.).
- Kapralova EA. Social well-being as a philosophical problem: Historical and Semantic analysis (from Antiquity to the 20th Century). *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2022;78-2:55-61. (In Russ.).
- Kononov PI. Current problems of administrative law: A textbook. Moscow: Knorus Publ.; 2023. (In Russ.).
- Matuzov NI, Malko AV, eds. Theory of State and Law: A course of lectures. Moscow; 2001. (In Russ.).
- Milkov AV. Towards the definition of the concept of «legal means». *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki*. 2009;1:113-115. (In Russ.).
- Nagornyykh RV. Administrative and legal means of regulating public service in the law enforcement sphere. *Penitentsiarnaya nauka*. 2019;13(4):558-562. (In Russ.).
- Puginsky BI. Civil law means in economic relations. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1984. (In Russ.).
- Rukavishnikov SM. Administrative and legal means of organizing higher education and training scientific and pedagogical personnel. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*. 2023;10(1):136-141. (In Russ.).
- Sapun VA. The theory of legal means and the mechanism of implementation of law. Dr. Diss. (Law). N. Novgorod; 2002. (In Russ.).
- Shergin AA. The concept and content of the mechanism of administrative and legal regulation. *Nauchnyi portal MVD Rossii*. 2009;1:3-12. (In Russ.).
- Smorchkova LN. On the methodology of administrative and legal regulation in the field of economics. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2024;6:15-18. (In Russ.).
- Trofimova IA. Some aspects of administrative and legal regulation of registration activities. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2020;2:181-185. (In Russ.).
- Trufanov ME. Stable relevance of the study of the administrative law enforcement act. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;5:159-164. (In Russ.).
- Yusupov VA. Works on administrative law: in 3 volumes. Vol. 3. Moscow: Eurasian Academy of Administrative Sciences; 2014. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры административного, информационного и финансового права юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
д. 82, стр. 1, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация
ima250576@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Ivanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Associate Professor, Department of Administrative, Information and Financial Law, Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
ima250576@gmail.com

Материал поступил в редакцию 14 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 4 мая 2025 г.
Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 14.04.2024.
Revised 04.05.2025.
Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.122-131

О. В. МильчаковаМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Особенности административных процедур в конкурентном праве

Резюме. В статье рассматриваются теоретические основы процессуальной деятельности по защите конкуренции, осуществляемой антимонопольными органами. Анализируются вопросы соблюдения принципов законности и открытости (гласности) антимонопольного процесса, последовательности административных процедур, их предсказуемости, формализма и императивности, активной (следственной) роли антимонопольного органа в процессе. Отдельное внимание уделено специфическому наполнению административных процедур по защите конкуренции, выражающемуся в дуализме государственных органов, обеспечивающих защиту конкуренции, а также в безусловном учете состояния конкуренции на товарном рынке при принятии итоговых процессуальных решений и приоритете превентивных мер профилактики правонарушений над карательными мерами. Такие принципы, правила и ограничения должны лежать в основе юридических процессов, связанных с реализацией функций государственного антимонопольного контроля, в том числе при контроле экономической концентрации, предоставления государственных и муниципальных преференций, проведении антимонопольными органами проверок на предмет соблюдения антимонопольного законодательства, рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства, жалоб на нарушение антимонопольного законодательства и на процедуру торгов. Соблюдение перечисленных требований позволит обеспечить эффективное действие материальных норм конкурентного права, направленных на защиту конкуренции. Существенное нарушение этих принципов должно повлечь признание судом незаконными действий и решений антимонопольных органов.

Ключевые слова: конкурентное право; принципы конкурентного права; конкуренция; антимонопольный орган; экономическая концентрация; иностранные инвестиции; антимонопольный процесс; антимонопольное дело; предупреждение; предостережение

Для цитирования: Мильчакова О. В. Особенности административных процедур в конкурентном праве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 122–131. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.122-131

Features of Administrative Procedures in Competition Law

Olesya V. MilchakovaKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the theoretical foundations of the procedural activities for the protection of competition carried out by antimonopoly authorities. The study analyzes issues of compliance with the principles of legality and transparency (openness) of the antimonopoly process, the sequence of administrative procedures, their predictability, formalism, and imperative nature as well as the active (investigative) role of the antimonopoly authority in the process. Particular attention is given to the specific content of administrative procedures for the protection of competition, expressed in the dualism of state bodies ensuring such protection, the unconditional consideration of the state of competition in the relevant market when making final procedural decisions, and the priority of preventive measures over punitive ones. These principles, rules, and limitations should form the basis of legal processes for implementing state antimonopoly control functions, including control over economic concentration, the granting of state and municipal preferences, inspections by antimonopoly authorities for

© Мильчакова О. В., 2026

compliance with antimonopoly legislation, consideration of cases concerning violations of antimonopoly legislation, complaints about violations of antimonopoly legislation, and complaints related to tender procedures. Adherence to these requirements ensures the effective application of substantive competition law norms aimed at protecting competition. A significant violation of these principles should result in the court recognizing the actions and decisions of the antimonopoly authorities as illegal.

Keywords: competition law; competition law principles; competition; antimonopoly authority; economic concentration; foreign investments; antimonopoly process; antimonopoly case; warning; caution

Cite as: Milchakova OV. Features of Administrative Procedures in Competition Law. *Lex russica*. 2026;79(2):122-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.122-131

Введение

Отдельные вопросы о содержательном наполнении конкурентного права, его предмете, методе и принципах неоднократно исследовались специалистами¹. При этом не меньше внимания должно быть уделено вопросам общих требований и особенностей реализации административных процедур по защите конкуренции, определяющих порядок правоприменительной деятельности антимонопольных органов, которая должна обеспечить реализацию материальных норм конкурентного права.

Антимонопольное регулирование и государственная правовая охрана конкуренции приобретают всё большее значение в условиях необходимости обеспечения внутреннего и внешнего экономического суверенитета государства, диктующей неизбежность введенных с 2022 г. Президентом РФ временных специальных мер регулирования экономических отношений, ограничивающих свободу экономической деятельности. Эти меры являются ответом на текущую геополитическую ситуацию, санкционную политику недружественных государств и международных организаций, активизацию с марта 2022 г. процессов купли-продажи активов российских организаций и иностранных компаний, осуществляющих деятельность в России.

Реорганизация бизнеса, в том числе посредством слияний и поглощений, с одной стороны, способствует достижению позитивных эффектов для экономики государства, но, с другой стороны, может привести к усилению рыночной власти хозяйствующих субъектов, злоупотребление которой, как и чрезмерное государствен-

ное регулирование экономики, влечет негативные последствия для конкуренции.

Вместе с тем здоровая конкурентная рыночная среда, как и иностранные инвестиции, положительно влияющие на экономику (приток капитала, передача передовых технологий и ноу-хау, создание рабочих мест и т.д.), является неотъемлемым признаком рыночной экономики. Конкуренция, стимулирующая производителей к снижению издержек, повышению качества, расширению ассортимента и уменьшению стоимости предлагаемых ими к продаже товаров, — один из факторов экономического роста государства, позволяющих обеспечить стабильное развитие экономики, стимулирование инноваций и развитие технологий, конкурентоспособность российских производителей, справедливость цен и повышение благосостояния населения.

По этим причинам вопросы теоретического и прикладного характера, связанные с эффективной реализацией законодательства о защите конкуренции, принципами, правилами и ограничениями, на которых должна быть основана и которыми должна быть ограничена деятельность антимонопольных органов, объективно актуальны для законодателей, правоприменителей и научных исследователей.

Процедурные и юрисдикционные правила, устанавливающие порядок выдачи антимонопольным органом регуляторных согласований в рамках контроля экономической концентрации (сделки по слиянию и поглощению), предоставления государственных и муниципальных преференций (прав на государственное и муниципальное имущество и иных публичных благ), разрешения споров о защите конкурен-

¹ См., например: Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2025. С. 57–61 ; Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки : монография. М. : Зерцало-М, 2021. С. 95–97 ; Гатаулина Л. Ф. Развитие и становление принципов конкурентного права // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 4 (8). С. 19–23 ; Шмелева Д. В. К вопросу о месте принципов конкурентного права в процессе его применения // Юрист. 2025. № 3. С. 22–27.

ции в рамках внесудебного антимонопольного юрисдикционного процесса, опираются на ряд принципов (основополагающих идей), правил и ограничений, нарушение которых должно повлечь признание незаконными решений и действий (бездействия) антимонопольного органа.

Основная часть

Представляется, что административные процедуры по защите конкуренции прежде всего базируются на общеправовых принципах законности и открытости (гласности). На основе этих принципов должна строиться и развиваться процессуальная деятельность по защите конкуренции, осуществляемая антимонопольными органами.

Принцип законности в административных процедурах по защите конкуренции с очевидностью предполагает, что все действия участников процессуальной деятельности должны производиться сообразно положениям федерального закона, детально зафиксировавшего юридические процедуры и основные этапы процессов в области защиты конкуренции.

Законом о защите конкуренции² тщательно упорядочены процедуры подачи и рассмотрения документов (жалоб, заявлений, ходатайств и пр.), следствием чего является инициирование корреспондирующих юридических процедур и процессов: антимонопольных споров; разбирательств в связи с жалобами о процедурах торгов; согласования преференций (государственных, муниципальных); выдачи предупреждений о прекращении антиконкурентных деяний; проведения антимонопольных проверок; направления предостережений в целях недопущения правонарушений и т.д. Субъекты, обратившиеся с вышеуказанными документами, а также антимонопольный орган, иницирующий процедуру либо процесс по собственной инициативе, обязаны неукоснительно соблюдать установленные законом требования. Рассматриваемый принцип призван добиться четкого соблюдения закона не

только со стороны участников рынка и органов власти, на которых распространяются антимонопольные ограничения и запреты, но и от антимонопольных органов, реализующих возложенные на них государством контрольные функции в области законодательства о защите конкуренции.

Усилению принципа законности в административных процедурах по защите конкуренции также способствуют введенные ограничения на правотворчество в вопросах защиты конкуренции и определение государственных органов, которым вверяется функция антимонопольного контроля.

С учетом отнесения статьей 71 Конституции РФ³ вопросов регулирования основ единого рынка исключительно к федеральной компетенции, полномочия в части контроля соблюдения законодательства о защите конкуренции возложены на федеральный антимонопольный орган, который имеет разветвленную структуру территориальных органов.

Региональные органы власти, как и органы местного самоуправления, не обладают компетенцией в сфере контроля соблюдения антимонопольного законодательства. Наряду с этим, они не вправе принимать правовые акты, регулирующие отношения по защите конкуренции (в отличие от вопросов развития конкуренции, что, напротив, должно находиться в числе насущных задач органов власти всех уровней).

В свою очередь, Правительство РФ и федеральный антимонопольный орган вправе принимать акты, касающиеся защиты конкуренции, но лишь в единственном случае — если это предусмотрено федеральным законом (ст. 2 Закона о защите конкуренции). По замечанию Верховного Суда РФ, такие акты «не могут изменять антимонопольное законодательство или иным образом противоречить ему, в том числе не должны нарушать его основы»⁴.

Одним из примеров пресечения судом необоснованного выхода антимонопольного органа за пределы предоставленных ему полномочий является признание недействующими изданных им методических рекомендаций, затрагивающих специфику проведения плановых и

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

³ Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993, 25 декабря.

⁴ См.: п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5. С. 3.

внеплановых антимонопольных проверок. Эти рекомендации содержали правила поведения при проведении проверок, не предусмотренные на тот момент федеральным законодательством, и были утверждены в отсутствие у антимонопольного органа полномочий на принятие подобных актов⁵.

Реализация принципа открытости (гласности) имеет ограниченное применение в административных процедурах по защите конкуренции как на стадиях инициирования процедур и юрисдикционного процесса, так и на стадии обнародования их результатов.

Так, при принятии жалобы на процедуру торгов антимонопольный орган обязан разместить информацию об этом, о содержании жалобы, решении по ней, принятом предписании на официальном сайте торгов или на своем сайте в сети «Интернет». Совершенно естественно, что законодательные требования предписывают антимонопольному органу выкладывать на своем сайте для всеобщего сведения именно те решения и предписания, которые затрагивают интересы неопределенного круга лиц. Подобно этому, на сайте федерального антимонопольного органа должны размещаться сведения об этапах и результате рассмотрения жалобы на решение его территориального органа, как и ежегодный доклад о состоянии конкуренции в России.

По общему правилу антимонопольный орган обязан на своем сайте публиковать данные о составе группы лиц (перечни физических и юридических лиц, входящих в одну группу), передаваемые ему участниками рынка при контроле экономической концентрации, а также о поступлении ходатайства о получении согласования совершения планируемой участниками рынка сделки, выражающейся в приобретении акций, долей, имущества хозяйствующего субъекта или совершении иного действия, влекущего приобретение корпоративных прав в отношении такого субъекта. Параллельно с этим в ряде случаев, определенных Правительством РФ, такая информация не размещается, например если в представленных материалах содержатся сведения о лицах, в отношении которых недружественными государствами вве-

дены санкционные ограничительные меры, или сделка, заявленная в ходатайстве, совершается субъектом из группы лиц с участием иностранного инвестора либо непосредственно таким же инвестором, а сама эта сделка требует предварительных регуляторных согласований в соответствии с условиями законодательства об иностранных инвестициях, или участники сделки выступают поставщиками продукции государственного оборонного заказа.

Равным образом антимонопольное дело рассматривается в публичном режиме, т.е. в открытом заседании, не считая ситуаций, при которых такое открытое слушание имеет риски разглашения государственной, коммерческой, служебной, иной охраняемой законом тайны, в связи с чем следует принять меры для охраны этой тайны.

В свете полномочий антимонопольного органа касательно запроса по мотивированному требованию любых, в том числе относящихся к охраняемой законом тайне, сведений у участников рынка и органов власти подобная информация может являться частью доказательственной базы по антимонопольному делу. Но поскольку сотрудники антимонопольных органов под угрозой привлечения к ответственности обязаны соблюдать режим охраны тайны, соответствующая информация может быть предоставлена для ознакомления участникам дела, только если для этого соблюдены все установленные законодательством условия, например получено согласие собственника конфиденциальной информации, отнесенной им к коммерческой тайне, на ознакомление с ней других участников дела.

Правовые нормы законодательства о защите конкуренции, регламентирующие порядок реализации антимонопольными органами административных процедур, имеют категоричный (императивный) характер, не допускающий изменения установленной последовательности императивных процедур и одновременно диктующий необходимость соблюдения требований формализма и предсказуемости поведения антимонопольного органа и участников процесса.

Названные правовые нормы детально указывают, что и каким образом каждый из участ-

⁵ См.: решение Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.06.2014 № ВАС-7907/2013 «О признании недействующими Методических рекомендаций по проведению Федеральной антимонопольной службой и ее территориальными органами плановых и внеплановых выездных проверок по контролю за соблюдением требований антимонопольного законодательства, направленных письмом ФАС России от 26.12.2011 № ИА/48530» // СПС «КонсультантПлюс».

ников процесса должен делать, в какой форме, придерживаясь каких обязательных требований, предъявляемых к процессуальным документам. Подробно описаны также стадии юридического процесса, определены предельные сроки совершения юридических процедур и антимонопольного процесса.

Участники юридического процесса и иные субъекты правоотношений по защите конкуренции должны неукоснительно соблюдать установленный порядок согласования сделок, разрешения антимонопольных споров, осуществления иных процедур, предполагающих взаимодействие с антимонопольными органами. Нарушение подобных правил может повлечь негативные последствия, вплоть до невозможности реализации прав на защиту от антиконкурентного поведения посредством внесудебного юрисдикционного процесса.

Например, антимонопольный орган оставляет заявление о нарушении антимонопольного законодательства без рассмотрения, если не соблюдены установленные законом требования к его содержанию и (или) не приложены документы, свидетельствующие о признаках правонарушения такого рода.

Ходатайство о предварительном согласовании сделки считается непредставленным (о чем уведомляется заявитель), если в его составе отсутствуют предусмотренные законом необходимые документы и сведения.

Жалоба на нарушение процедуры торгов возвращается заявителю, если она не содержит предусмотренных законом сведений.

Регламентируется также порядок обжалования действий (бездействия) антимонопольного органа, что следует как из общих правил, установленных законодательством, так и из Закона о защите конкуренции — в части обжалования решений и предписаний антимонопольного органа.

Формализм в административных процедурах по защите конкуренции предполагает безусловность соблюдения формальных требований к внешней форме выполнения антимонопольным органом и участниками рынка каких-либо действий в рамках юридических процедур и процессов в сфере контроля соблюдения антимонопольного законодательства и защиты конкуренции, из чего вытекает необходимость применения официально утвержденных форм процессуальных документов.

Для примера: по утверждаемым антимонопольным органом формулярам должны

представляться сведения о контролируемых сделках и действиях, составе группы лиц участников рынка. Помимо этого, антимонопольным органом утверждаются формы: приказа об антимонопольной проверке; актов о воспрепятствовании проведению проверки; протоколов осмотра; требований о предоставлении информации в ходе антимонопольной проверки; актов по итогам проверки; предостережений о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства и предупреждений о прекращении антиконкурентных действий (бездействия); актов, принимаемых комиссией по рассмотрению антимонопольных дел; расписки о принятии заявления в связи с признанием нарушителем факта заключения антиконкурентного соглашения или участия в нем, подаваемого нарушителем для смягчения назначаемого ему наказания за совершенное нарушение.

Существенность нарушения содержательных требований к форме процессуальных документов влечет отказ антимонопольного органа в осуществлении процессуальных действий (например, по рассмотрению ходатайства о согласовании сделки, которое теоретически могло бы состояться в очном режиме, с вызовом заявителя для дачи пояснений) либо, соответственно, признание предъявляемых антимонопольным органом доказательств (например, акта о проведении проверки, в котором отсутствуют подписи лиц, проводивших проверку) недопустимыми, признание незаконными актов антимонопольного органа (в частности, предупреждения, в котором отсутствует описание деяния, содержащего признаки правонарушения).

Правило о последовательности юридического процесса выражается в разделении процедур осуществления антимонопольным органом выполняемых им действий на определенные стадии, будь то рассмотрение жалобы на проведение торгов, ходатайства о даче согласия на совершение сделки или дела о нарушении антимонопольного законодательства. Завершение каждого процессуального этапа оформляется промежуточным или процессуальным документом, который является основанием для перехода к следующей стадии процесса. Это может быть как внутренний документ, например докладная записка структурного подразделения на имя руководителя о возбуждении дела по признакам нарушения антимонопольного законодательства, так и направляемый вовне, например приказ (направляется заве-

ренная копия приказа) о возбуждении антимонопольного дела.

Значительность нарушения предусмотренных законом правил антимонопольного процесса при разбирательстве антимонопольного дела, повлиявшего на итоги дела, с высокой степенью вероятности приведет к признанию окончательного решения по делу и выданного ответчику предписания незаконными.

Со всей очевидностью можно утверждать, что в категорию упомянутых нарушений должны входить ситуации вынесения комиссией по рассмотрению антимонопольного дела окончательного решения в условиях, когда участникам дела не было направлено сообщение о дате и времени разбирательства дела либо заключение об обстоятельствах дела.

Предсказуемость административных процедур по защите конкуренции предполагает, что определенные процессуальные действия участника юридического процесса, безусловно, приведут к заранее известным, предусмотренным правовым актом действиям другого участника процесса.

Так, заявитель, требующий возбуждения антимонопольного дела, вправе рассчитывать на получение ответа в срок не позднее одного месяца. Однако о предсказуемости стоит говорить с некоторой долей условности, поскольку не известна заранее суть этого ответа: о возбуждении антимонопольного дела, отказе в его возбуждении либо продлении срока рассмотрения заявления. Подобная непредсказуемость характерна для всех процессуальных действий, в которых заблаговременно неясно, каким именно по содержанию будет решение антимонопольного органа.

Не вызывает сомнений реализация правила о предсказуемости юридического процесса, когда речь идет, например, о вручении (направлении) проверяемому лицу акта проверки, что должно произойти не позднее последнего дня срока проведения проверки, либо о таких требованиях, как незамедлительное оглашение резолютивной части решения после завершения разбирательства дела комиссией, изготовление полного текста решения в течение 10 дней со дня оглашения, а также немедленное вручение либо направление участникам дела его копии.

Для антимонопольных органов, как и для иных государственных органов в административном процессе, характерна активная (следственная) роль в процессе по защите конкуренции.

Это подразумевает необходимость и обязанность антимонопольного органа принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями. Другими словами, на антимонопольном органе лежит обязанность по сбору и представлению доказательств, будь то в рамках антимонопольного процесса по разбирательству спора или при рассмотрении планируемой участниками рынка сделки.

Конечно, некоторая диспозитивность имеет свои проявления в административных процедурах по защите конкуренции. Так, движущим началом процесса получения регуляторного согласования на совершение сделки является подача соответствующего ходатайства участником рынка в антимонопольный орган. В то же время в связи с тем, что в России на антимонопольный орган возложены одновременно функции по государственному антимонопольному контролю и контролю за осуществлением иностранных инвестиций, этот орган вынужден оценить во всех отношениях условия и последствия совершения планируемой сделки, скажем, на предмет имеющейся потребности в ее согласовании Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ. Потому что иначе антимонопольным органом не может быть принято решение в рамках антимонопольного контроля сделки до ее согласования по правилам законодательства об иностранных инвестициях.

В ситуации, когда заявителем по ходатайству о согласовании сделки выступает субъект из группы лиц с участием иностранных инвесторов или такого рода инвестор, антимонопольный орган может запросить более подробные данные о сделке и о приобретаемых активах, которые позволят всесторонне изучить вопрос отнесения объекта экономической концентрации (организации, права по отношению к которой или активы которой планируются к получению заявителем) к хозяйственным обществам, имеющим стратегическое значение для защиты обороны и безопасности государства. Причем информация такого типа может быть запрошена не только у заявителя по ходатайству о предварительном согласовании сделки, но и у иных участников рынка, а также у органов государственной власти, осуществляющих нормативное правовое регулирование или контроль в сфере экономической деятельности, в которой

действуют объект экономической концентрации либо хозяйственные общества, корпоративными правами в отношении которых обладает этот объект экономической концентрации.

В пользу вывода о большей характерности для антимонопольного процесса активной роли антимонопольного органа, нежели диспозитивных начал (впрочем, как и требований о состоятельности процесса) также свидетельствуют право антимонопольного органа возбудить по собственной инициативе дело по фактам нарушения антимонопольного законодательства и несвязанность комиссии при рассмотрении антимонопольного дела основаниями и доводами жалобы, ее требованиями при выдаче обязательного для исполнения предписания.

Отдельное внимание уделено специфическому наполнению административных процедур по защите конкуренции, выражающемуся в дуализме государственных органов, обеспечивающих защиту конкуренции, а также в безусловном учете состояния конкуренции на товарном рынке при принятии итоговых процессуальных решений и приоритете превентивных мер профилактики правонарушений над карательными мерами.

Специфическое наполнение административных процедур по защите конкуренции выражается, в частности, в дуализме государственных органов, обеспечивающих защиту конкуренции, безусловном учете состояния конкуренции на товарном рынке при принятии итоговых процессуальных решений, а также в приоритете превентивных мер профилактики правонарушений над карательными мерами.

Дуализм государственных органов, обеспечивающих защиту конкуренции, означает, что возложение на антимонопольный орган публичных (властных) полномочий по защите конкуренции, разбирательству антимонопольных дел и разрешению антимонопольных споров, наделение его компетенцией по выдаче предписаний, обязательных к исполнению, отнюдь не исключает возможности пострадавших лиц обратиться сразу в суд, минуя антимонопольный орган, за защитой своих интересов и восстановлением своих прав. Таким правом обладают любые участники рынка, как производители товара, так и продавцы, а также потребители.

Видится, что в реализации вышеупомянутого правила обнаруживается воплощение характеристики Закона о защите конкуренции в качестве закона прямого действия, что под-

разумевают возможность непосредственного использования норм этого Закона субъектами правоотношений при обращении в суд для обоснования нарушения их прав, вызванного несоблюдением этих норм.

Кроме того, обжаловать как решения, так и предписания территориального антимонопольного органа допустимо не только в судебном порядке, но и во внесудебном — в коллегиальном органе федерального антимонопольного органа. Последнее не исключает права на обжалование в дальнейшем таких решений и предписаний в судебном порядке.

Правило о безусловном учете состояния конкуренции на товарном рынке при принятии итоговых процессуальных решений продиктовано правовыми требованиями, возлагающими на антимонопольный орган обязанности исходить из анализа состояния конкурентности рыночной среды как при принятии решения по антимонопольному делу и его возбуждении, так и при вынесении решения по итогам контроля экономической концентрации и инициировании судебного дела о принудительном разделении (выделении) хозяйствующих субъектов (коммерческих организаций, некоммерческих организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность).

К числу письменных доказательств по антимонопольному делу относится и аналитический отчет, составляемый по результатам проведенного антимонопольным органом анализа состояния конкуренции. Поэтому несоставление такого отчета, как, кстати, и неознакомление с ним участников разбирательства, приводит к отмене решения по делу.

В спорах по фактам нарушения законодательства о защите конкуренции в случае отказа в согласовании сделки либо согласовании сделки с требованием о выполнении структурных или поведенческих условий должны быть доказаны факты недопущения, ограничения, устранения конкуренции на конкретном товарном рынке либо определена угроза возникновения подобных явлений.

И хотя со всей очевидностью предполагается, что угроза наступления неблагоприятных последствий для конкурентной среды от совершения действий (бездействия), непосредственно указанных в Законе о защите конкуренции (например, ч. 1 ст. 10, ч. 1 ст. 11, ч. 1 ст. 15), не требует дополнительного доказывания, тем не менее в каждом конкретном случае должен быть определен конкурентный товарный рынок,

на условия конкуренции на котором оказывает или может оказать негативное влияние рассматриваемое антимонопольным органом деяние.

Приоритет превентивных мер профилактики правонарушений над карательными мерами в большей степени проявляется в высокоактивном применении антимонопольным органом инструментариев «мягкого» права, предназначение которых заключается в предотвращении антимонопольных правонарушений.

Цели предостережений о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства и предупреждений о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, используемых антимонопольным органом: предотвращение нарушения, быстрое устранение выявленных признаков правонарушения, немедленное и полное восстановление прав и законных интересов пострадавших в результате соответствующего деяния лиц.

При отказе от реализации планируемого мероприятия, указанного в предостережении, или выполнении надлежащим образом в определенный срок предупреждения антимонопольное дело не возбуждается, а лица, которым были выданы эти документы, не подвергаются карательным мерам в виде административной ответственности. Такие механизмы предусмотрены для большинства составов антимонопольных правонарушений, за исключением особо опасных для конкуренции (среди которых картели), причиняющих ущерб неопределенному кругу потребителей (что может быть следствием установления монопольно высокой цены). Причем до применения этих мер и при условии их безрезультатного применения дело о нарушении антимонопольного законодательства не подлежит возбуждению.

Если сопоставить статистические данные о количестве возбуждаемых антимонопольных дел с количеством выдаваемых антимонопольными органами предупреждений и предостережений, то нетрудно заметить, что ежегодно их число примерно одинаково. Так, общее количество выданных в 2022 г. предупреждений и предостережений составило 2 282, в 2023 г. — 2 295, в 2024 г. — 2 687. В 2022 г. возбуждено 3 154 антимонопольных дела, в 2023 г. — 2 739, в 2024 г. — 2 484⁶.

Кроме того, довольно распространенной является практика согласования с антимонопольным органом и внедрения хозяйствующими субъектами и органами власти так называемого антимонопольного комплаенса — внутреннего акта, предусматривающего систему как правовых, так и организационных мер, концентрирующихся на соблюдении вышеназванными субъектами антимонопольного законодательства и предупреждении его нарушений.

Указанный акт или несколько таких внутренних актов, как это следует из ст. 9.1 Закона о защите конкуренции, должны предусматривать не только мотивированную оценку рисков нарушения субъектом хозяйствования в области его деятельности (органом власти — в сфере имеющейся компетенции) требований антимонопольного законодательства, но и конкретные шаги в направлении нивелирования подобного рода рисков. В довершение всего, в организации (органе власти) необходимо назначение должностного лица, которое будет отвечать за функционирование антимонопольного комплаенса в этой организации (органе власти).

Еще один пример предупреждения антимонопольных правонарушений — юридическая процедура предварительного согласования с антимонопольным органом соглашения о совместной деятельности, заключаемого между хозяйствующими субъектами — конкурентами.

К механизмам профилактики антимонопольных правонарушений следует отнести и разъяснения о применении антимонопольного законодательства, регулярно утверждаемые президиумом федерального антимонопольного органа по результатам обобщения правоприменительной практики и размещаемые на официальном сайте Федеральной антимонопольной службы.

В рассматриваемом контексте нельзя игнорировать также ежегодно публикуемые Федеральной антимонопольной службой «белые книги» проконкурентных практик и «черные книги» антиконкурентных практик, формируемые на основании результатов оценки деятельности региональных органов государственной власти в части соответственно принятых ими мер, направленных на развитие конкуренции, и совершенных ими нарушений законодательства о защите конкуренции.

⁶ Статистические данные см.: Итоговый доклад к расширенному заседанию Коллегии ФАС России 23 апреля 2025 г. / ФАС России. М., 2025. С. 188. URL: <https://fas.gov.ru/documents/689958> (дата обращения: 27.04.2025).

Заключение

Таким образом, основополагающими началами в административных процедурах по защите конкуренции выступают не только общеправовые принципы законности и открытости (гласности), но и правила императивности, формализма, последовательности юридических процедур и процесса, их предсказуемость. Как и в любом ином административном процессе, в антимонопольном процессе отчетливо проявляется активная (следственная) роль антимонопольного органа.

Специфика административных процедур по защите конкуренции — в дуализме государственных органов, обеспечивающих защиту конкуренции, равно как и в безусловном учете состояния конкуренции на товарном рынке при принятии итоговых процессуальных решений, а также в приоритете превентивных мер профилактики нарушений над карательными мерами.

Одновременно с этим представляется, что приведенный перечень принципов, правил и ограничений не является исчерпывающим для административных процедур по защите конкуренции. Для них характерны также правила об объективности, ведении производства на государственном языке, требования о соблюдении равенства прав заявителя и ответчика при рассмотрении антимонопольного дела, осведомленности, добросовестности поведения участников процесса, сочетание устности и письменности процесса.

Несомненно, что осуществление антимонопольными органами и участниками рынка процессуальных действий с соблюдением рассмотренных правил есть неперемное условие гарантированности свободы конкуренции как конституционной ценности, прав и свобод участников рынка, хозяйствующих субъектов — конкурентов и потребителей, включая граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артюшенко Д. В. О понятии, участниках и стадиях антимонопольного процесса в Российской Федерации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3 (7). С. 26–32.
- Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки : монография. М. : Зерцало-М, 2021. 360 с.
- Гатаулина Л. Ф. Развитие и становление принципов конкурентного права // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 4 (8). С. 19–23.
- Значков А. К. Перспективы развития антимонопольного процесса в современном российском законодательстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8 (12). С. 242–244.
- Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2025. 640 с.
- Кузнецов Д. А. Широкое понимание понятия «антимонопольный процесс» // Конкурентное право. 2024. № 4. С. 22–25.
- Писенко К. А. Некоторые проблемы правового регулирования антимонопольного процесса (институт предупреждения, признаки нарушения, состав нарушения антимонопольного законодательства) // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 3 (7). С. 33–38.
- Самолысов П. В. Тенденции развития конкурентного права и антимонопольного процесса // Юрист. 2019. № 11 (1021). С. 38–41.
- Суменков С. С. Проблема состязательности в антимонопольном процессе // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 2 (27). С. 16–20.
- Шмелева Д. В. К вопросу о месте принципов конкурентного права в процессе его применения // Юрист. 2025. № 3. С. 22–27.

REFERENCES

- Artyushenko DV. On the concept, participants and stages of the antimonopoly process in the Russian Federation. *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava*. 2017;3(7):26-32. (In Russ.).
- Gataulina LF. Development and formation of the principles of competition law. *Tsivilistika: pravo i protsess*. 2019;4(8):19-23. (In Russ.).
- Kuznetsov DA. A broad understanding of the concept of «antimonopoly process». *Konkurentnoe pravo [Competition law]*. 2024;4:22-25. (In Russ.).

Pisenko KA. Some problems of legal regulation of the antimonopoly process (institute of prevention, signs of violation, composition of violation of antimonopoly legislation). *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava*. 2017;3(7):33-38. (In Russ.).

Russian Competition Law: A textbook. Puzyrevsky SA, ed. Moscow: Prospekt Pbl.; 2025. (In Russ.).

Samolysov PV. Trends in the development of competition law and the antimonopoly process. *Yurist [Jurist]*. 2019;11(1021):38-41. (In Russ.).

Shmeleva DV. To the question of the place of the principles of competition law in the process of its application. *Yurist [Jurist]*. 2025;3:22-27. (In Russ.).

Sumenkov SS. The problem of competition in the antimonopoly process. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*. 2015;2(27):16-20. (In Russ.).

Varlamova AN. Competition law and industrial commodity markets: A monograph. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2021. (In Russ.).

Znachkov AK. Prospects for the development of the antimonopoly process in modern Russian legislation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2015;8(12):242-244. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мильчакова Олеся Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права, докторант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ovmilchakova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya V. Milchakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ovmilchakova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 30 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 2 июля 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 30.05.2024.

Revised 02.07.2025.

Accepted 17.01.2026.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.132-142

О. В. Луткова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Ма Цзяньцюань

Пекинский университет сельского хозяйства
г. Пекин, Китайская Народная Республика

Правовая защита новых сортов растений в Китае и России

Резюме. Китайская Народная Республика и Российская Федерация участвуют в Международной конвенции по охране новых сортов растений 1961 г. Это обуславливает гармонизацию права в соответствующих сферах. В правовой системе каждого государства присутствуют свои особенности и проблемы. С продвижением стратегии модернизации сельского хозяйства Китая права на новые сорта растений, являясь важной правовой гарантией научно-технических достижений в сельском хозяйстве, стали ключевым элементом национальной системы интеллектуальной собственности. В статье излагается путь развития системы защиты новых сортов растений в Китае, анализируются основные достижения и недостатки мер защиты, особое внимание уделяется обоснованности ограничений прав и юридическим коллизиям интересов фермеров, а также рассматривается возможность расширения сферы защиты прав в Китае в будущем. В настоящее время в системе защиты прав на новые сорта растений в Китае сохраняется конфликт между стимулированием и защитой инноваций в селекции растительных сортов и поддержанием общественных интересов. В связи с этим возможно развитие системы правовой защиты новых сортов растений в Китае за счет совершенствования законодательства, четкого определения границ прав и усиления судебного контроля, что обеспечит правовую поддержку построению высококачественной системы семеноводства и развитию новых производительных сил. В правовой системе Российской Федерации проблемами в связи с охраной новых сортов растений являются недостаточная проработанность в законодательстве модели сбора роялти, несовершенство методики проведения испытаний нового сорта и некоторые другие.

Ключевые слова: права на новые сорта растений; правовая защита; ограничение прав; совершенствование системы; интеллектуальная собственность в Китае; селекционные достижения; права селекционера; проблемы регулирования; селекционные достижения в России; сравнительный анализ

Для цитирования: Луткова О. В., Ма Цзяньцюань. Правовая защита новых сортов растений в Китае и России. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 132–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.132-142

Legal Protection of New Plant Varieties in China and Russia

Oksana V. Lutkova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Ma Jianquan

Beijing University of Agriculture
Beijing, People's Republic of China

Abstract. The People's Republic of China and the Russian Federation are signatories to the 1961 International Convention for the Protection of New Varieties of Plants. This necessitates harmonization of legislation in relevant areas, though the legal system of each state exhibits its own characteristics and challenges. With the advancement of China's agricultural modernization strategy, rights to new plant varieties, serving as a crucial legal safeguard for agricultural scientific and technological achievements, have become a key component of the national intellectual property system. The paper outlines the development of a system for the protection of new plant varieties in China, analyzes the main achievements and shortcomings of protection measures, pays special attention to the validity of restrictions on rights and legal conflicts of interests of farmers, and considers the possibility of expanding the scope of protection in China in the future. Currently, the system of protecting the rights to new plant varieties in China remains in conflict between the promotion and protection of innovations in plant breeding and the maintenance of public interests. In this regard, the development of China's legal protection system for new plant varieties may involve improving legislation, clearly defining the boundaries of rights, and strengthening judicial oversight, thereby providing legal support for building a high-quality seed industry system and developing new productive forces. In the legal system of the Russian Federation, issues concerning the protection of new plant varieties include insufficient elaboration of the royalty collection model in legislation, imperfections in the methodology for conducting new variety trials, among others.

Keywords: plant variety rights; legal protection; limitation of rights; system improvement; intellectual property in China; selective breeding results; breeder's rights; regulatory problems; successful breeds in Russia; comparative analysis

Cite as: Lutkova OV, Ma Jianquan. Legal Protection of New Plant Varieties in China and Russia. *Lex russica*. 2026;79(2):132-142. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.132-142

Китайская Народная Республика и Российская Федерация тесно взаимодействуют в рамках БРИКС¹, инициативы «Один пояс — один путь» и ряда других форм международного сотрудничества. Китай и Россия обладают значительным объемом интеллектуальных ресурсов, имеющих вес для их экономики и безопасности². В силу этого и с целью рассмотрения возможностей и перспектив дальнейшего сотрудничества в различных областях правового регулирования целесообразно отслеживать и изучать тенденции развития законодательства государств и проблемы в регулировании, включая сферу интеллектуальной собственности. Цель статьи в том, чтобы, используя методы сравнительного правоведения и правового моделирования, провести анализ китайского

и российского права в области регулирования новых сортов растений, ознакомиться с особенностями китайского законодательства, со сложностями в правовом регулировании новых сортов растений в Китае и России.

Правовое регулирование новых сортов растений включает базовые элементы режима охраны результатов интеллектуальной деятельности в целом, в первую очередь — исключительность имущественных прав на использование принадлежащих правообладателям результатов. Некоторые черты охраны новых сортов растений, новизна и отличимость, по сути, совпадают с такими элементами охраноспособности изобретений, как новизна и изобретательский уровень. В то же время правовой режим охраны новых сортов растений

¹ См.: Право интеллектуальной собственности в странах БРИКС / под общ. ред. Л. А. Новоселовой, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2025. С. 66–117.

² *Kung-Chung L.* IP Laws and Regimes in Major Asian Economies; Combing through Thousand Threads of IP To Peace in Asia. New York, 2023.

имеет существенную специфику в сравнении с режимами других объектов охраны права интеллектуальной собственности, и в частности промышленной собственности. Таково требование охраны однородных и стабильных сортов растений³.

Конвенционная охрана новых сортов растений. Китайская Народная Республика и Российская Федерация являются участниками Международной конвенции по охране новых сортов растений 1961 г.⁴ (далее также — Конвенция 1961 г.), что в значительной степени гармонизирует национальное законодательство государств, оставляя при этом ключевое решение по не урегулированным в международном соглашении вопросам за предусмотренным Конвенцией национальным режимом охраны (ст. 4).

В Конвенции 1961 г. даны понятия селекционера⁵ и сорта растения⁶. Оба государства предоставляют лицам друг друга и охраняют права селекционера (ст. 4). Селекционер получает охрану сорта растения в национальной правовой системе, если сорт новый⁷, отличный, однородный и стабильный (ст. 5). Новым сорт считается, если на дату подачи заявки⁸ семенной или растительный материал этого сорта не продавался селекционером или не передавался иным образом третьим лицам для использования (ст. 6). Сорт отличим, если явно отличается от любого другого сорта, общеизвестного на момент подачи заявки (ст. 7). Сорт

однороден, если растения, полученные в процессе размножения, однородны по основным признакам (ст. 8), и стабильен, если его основные признаки неизменны после неоднократного размножения (ст. 9).

Селекционер может обратиться с заявкой на охрану в любом государстве — участнике Конвенции 1961 г. и обращаться в дальнейшем с такой заявкой в другие государства-участники, не дожидаясь решения по первой заявке. При этом ни одно государство-участник при решении вопроса о предоставлении охраны не может ссылаться на решения (положительные или отрицательные) по этому вопросу в других договаривающихся государствах (ст. 10). После подачи заявки на предоставление охраны сорта в одном из государств — участников Конвенции 1961 г. селекционер пользуется правом приоритета в течение года для подачи заявки в отношении этого же сорта в других договорившихся государствах (ст. 11).

Селекционер получает права после проведения компетентным органом экспертизы на предмет соответствия сорта условиям охраноспособности (ст. 12). Объем прав селекционера составляют: право запрещать или разрешать в отношении охраняемого сорта растений производство и воспроизводство; доведение до кондиции для целей размножения; предложение к продаже; введение в коммерческий оборот; вывоз; ввоз; хранение (для перечисленных целей) и др. (ст. 14). Ограничение свободного

³ См. об этом также: *Шахназаров Б. А.* Общеобъектные и специальнообъектные принципы правового регулирования промышленной собственности в трансграничных отношениях // *Lex russica*. 2020. № 10. С. 63–72.

⁴ Пересматривалась в Женеве в 1972, 1978, 1991 гг. См.: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51294/ (дата обращения: 09.12.2024).

⁵ Лицо, которое вывело или выявило сорт; лицо, которое является работодателем для вышеуказанного лица или которое поручило работу, в тех случаях, когда это предусматривается законодательством соответствующей Договаривающейся стороны; правопреемник первого или второго из вышеуказанных лиц, в зависимости от конкретного случая (ст. 1(iv) Конвенции 1961 г.).

⁶ Группа растений... которая, независимо от того, удовлетворяет ли она полностью условиям для предоставления права селекционера: может быть определена степенью проявления признаков, являющейся результатом реализации данного генотипа или комбинации генотипов, может быть отличима от любой другой группы растений степенью выраженности по крайней мере одного из этих признаков и может рассматриваться как единое целое с точки зрения ее пригодности для воспроизведения в неизменном виде целых растений сорта (ст. 1(vi) Конвенции 1961 г.).

⁷ Заявляемый сорт растения не может считаться новым, если представляет собой лишь незначительное изменение внешних характеристик существующего сорта или лишь незначительное улучшение сорта. См.: Отчет о развитии охраны новых сортов сельскохозяйственных растений за 2022 г. / Министерство сельского хозяйства и сельских дел КНР.

⁸ Ранее чем за год на территории государства — участника Конвенции 1961 г. или ранее чем за 4–6 лет на территории других государств.

осуществления прав селекционера договаривающимся государством возможно только в силу причин, обусловленных общественными интересами (ст. 17). Права селекционера имеют срочную охрану: не менее 20 лет с даты предоставления, а в отношении деревьев и виноградных лоз — не менее 25 лет (ст. 19).

Новый сорт должен получить наименование, включающее его родовое обозначение (ст. 20), государства — участники Конвенции 1961 г. должны обеспечить свободное использование наименования в связи с данным сортом в течение и после истечения срока действия права селекционера.

Исключением из прав селекционера являются действия третьих лиц, совершенные в личных некоммерческих целях, в экспериментальных целях, в целях создания производных сортов и др. Кроме того, государство-участник может устанавливать исключения с тем, чтобы позволить фермерам использовать для целей размножения на своих собственных земельных участках растительный материал, выращенный ими самостоятельно (ст. 15).

Предусмотрена возможность исчерпания прав селекционера на территории конкретного договаривающегося государства, если с согласия селекционера сорт растения (материал, полученный из него) введен в коммерческий оборот (ст. 16).

Охрана прав селекционера может быть признана недействительной или аннулирована в случаях нарушения требований охраноспособности сорта, неуплаты пошлины или непредставления необходимых документов в компетентный орган, а также в силу некоторых других требований, закрепленных конвенционно (ст. 21–22).

Помимо рассмотренной Конвенции 1961 г., Китай и Россия участвуют в Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, 2018 г. Это многостороннее международное соглашение тоже включает охрану новых сортов растений (ст. 7.21): стороны договорились о предоставлении охраны прав селекционеров по крайней мере на уровне регулирования Конвенцией 1961 г. по состоянию на 23 октября 1978 г.

Таким образом, одновременное участие КНР и РФ в Конвенции 1961 г. (по состоянию на 1978 г.) сближает национальные системы права

государств и делает их, с учетом конвенционно установленного национального режима охраны, в значительной степени гармонизированными.

Особенности национальной охраны новых сортов растений в Китае. В 1997 г. было принято Положение КНР об охране новых сортов растений (далее — Положение 1997 г.), на основании которого постепенно выстроена система защиты прав на новые сорта растений, основанная на законодательстве об интеллектуальной собственности. После официального присоединения в 1999 г. к Международной конвенции по защите новых сортов растений в Китае начала формироваться система международного сотрудничества в этой области.

Право на новый сорт растения в Китае включает как основные характеристики защиты в рамках законодательства об интеллектуальной собственности, такие как новизна и уникальность, так и учет общественных интересов, таких как законные интересы селекционеров, права фермеров на сохранение семян, экологическая безопасность и защита биологического разнообразия. Поэтому объем прав селекционера подвергнут определенным ограничениям.

В 2021 г. был пересмотрен Закон КНР о семенах (далее — Закон о семенах 2021 г.): введена охрана производных сортов и повышены размеры компенсации за нарушение прав.

В настоящее время защита прав на новые сорта растений в Китае сталкивается с многочисленными вызовами, в частности такими, как размытость стандартов охраны прав на новые сорта растений, невысокое качество некоторых заявленных сортов, трудности с исполнением и доказыванием при реализации прав на новые сорта.

Право на новый сорт растения в Китае — это исключительное право селекционера на использование результатов своего труда и распоряжение ими, созданное на основе государственного разрешения, которое обеспечивает правообладателю имущественный доход и тем самым реализует государственную и общественную поощрительную политику в области знаний и инноваций. По своей сути это право относится к абсолютным правам в сфере имущественных прав, позволяет правообладателю исключать возможность несанкционированного использования нового сорта растения другими лицами и самостоятельно определять условия лицензирования, объекты и вознаграждение.

В Законе о семенах 2021 г. и Положении 1997 г. не закреплены личные неимущественные права селекционера. Однако новые сорта растений являются результатом интеллектуального труда человека, и, следовательно, права на них должны включать такие правомочия личного неимущественного характера, как право селекционера на указание своего имени, право запрещать третьим лицам подавать заявки на регистрацию от его имени и т.д.

В соответствии с Положением 1997 г. срок охраны для обычных сельскохозяйственных культур составляет 15 лет, а для плодовых деревьев, лесных деревьев и древесных декоративных растений — 25 лет. После истечения срока охраны сорт растения переходит в общественное достояние и может использоваться любым лицом.

Согласно ст. 42 гл. 3 Закона о семенах 2021 г. для получения прав на новый сорт растения необходимо его соответствие критериям новизны, отличимости, однородности и стабильности, а также наличие четкого обозначения и способности к воспроизводству.

В настоящее время работа по предоставлению прав на новые сорта растений в Китае в основном осуществляется Бюро по охране новых сортов растений Министерства сельского хозяйства и сельских дел и Национальным управлением лесного и степного хозяйства, которые отвечают за экспертизу прав на сельскохозяйственные культуры и лесные растения соответственно. Общий процесс подачи заявки обычно включает: подачу заявки; уведомление после предварительной квалификации; проведение испытаний; предоставление прав после утверждения и другие административные процедуры. В последние годы административные органы постепенно внедряют системы онлайн-заявок, управление электронными архивами и технологии генетической дактилоскопии, что значительно упрощает процедуру подачи заявок и повышает точность идентификации сортов.

Основными законами, регламентирующими права на новые сорта растений в Китае, как ранее отмечалось, являются Положение 1997 г. и Закон о семенах 2021 г. Однако юридическая

техника и цели указанных актов различаются, их подходы к регулированию прав на новые сорта растений также несколько различны. Что еще более важно, рассматриваемые акты не отражают в полной мере статус обладателя прав на новый сорт растения как на объект интеллектуальной собственности. Это одна из основных причин, по которой в настоящее время ожидается принятие нового акта — закона КНР о новых сортах растений.

В области защиты прав на новые сорта сельскохозяйственных растений созданное Министерством сельского хозяйства и сельских дел Бюро по охране новых сортов растений выполняет основные обязанности, включая прием заявок на права на сорта, формальную экспертизу, публикацию уведомлений, управление испытаниями и разработку технических стандартов⁹. Бюро является специализированным административным органом по правам на новые сорта растений в сельскохозяйственной отрасли страны, и его основная работа сосредоточена на установлении прав на результаты селекции и административном управлении.

Национальное управление интеллектуальной собственности КНР не участвует напрямую в процессе предоставления прав на новые сорта растений, однако поддерживает сотрудничество с Министерством сельского хозяйства и сельских дел в таких сферах, как координация политики в области интеллектуальной собственности, согласование международных переговоров и взаимодействие в области надзора за правоприменением. В отношении стандартов определения нарушений прав на новые сорта растений, обмена информацией о правоприменении, специальных кампаний по защите прав интеллектуальной собственности (например, «Голубое небо») стороны создали механизмы межведомственного горизонтального взаимодействия через совместные уведомления и совместное правоприменение¹⁰.

Кроме того, Министерство сельского хозяйства и сельских дел отвечает за административную защиту новых сортов сельскохозяйственных растений, тогда как Национальное управление лесного и степного хозяйства отве-

⁹ Уведомление о дальнейшем усилении охраны новых сортов сельскохозяйственных растений от 26.02.2020 № 3 НЧБ (2020) / Канцелярия Министерства сельского хозяйства и сельских дел // Сайт Министерства сельского хозяйства и сельских дел. URL: http://www.moa.gov.cn/govpublic/ZZYGLS/202002/t20200226_6335658.htm.

¹⁰ Совместный рабочий план кампании «Голубое небо» на 2022 г. / Национальное управление интеллектуальной собственности КНР и другие 9 ведомств.

часть за экспертизу прав и административный надзор относительно новых сортов сельскохозяйственных растений, таких как лесные деревья и травянистые растения. Эти два органа формируют две отдельные системы административной защиты прав на новые сорта растений, разделяя полномочия управления по категориям.

В настоящее время по всей стране в основном сформировалась вертикальная структура защиты по принципу «центральные специализированные органы + местные системы сельскохозяйственного правоприменения». Бюро отвечает за разработку систем и техническое руководство, в то время как управления сельского хозяйства и сельских дел провинций выполняют конкретные функции (правоприменительные проверки, обработка дел). Такая иерархическая система защиты повысила эффективность управления, но породила и проблемы, в частности пересекающиеся обязанности и различия в правоприменительных стандартах, что требует законодательного разграничения обязанностей и полномочий, а также усиления механизмов координации между ведомствами.

Защита прав селекционера в Китае. Механизм административного правоприменения в последние годы играет важную роль в выявлении и пресечении таких нарушений, как незаконное размножение, продажа и подделка новых сортов растений. Например, в 2022 г. система сельскохозяйственного правоприменения по всей стране расследовала и пресекла 473 случая нарушений прав на новые сорта, а общая сумма вовлеченных средств превысила 400 млн юаней¹¹, что демонстрирует важность административных мер для поддержания порядка на рынке сортов. Отличающийся быстротой и эффективностью механизм административного правоприменения при этом сталкивается с проблемами: рассредоточенностью законодательно установленных полномочий и ответственности, а также местничеством. В некоторых регионах более активно защищаются права крупных предприятий, в то время как

реакция на защиту прав мелких фермеров или малых и средних предприятий слабее¹². Эти проблемы отражают разрыв между полнотой положений и эффективностью исполнения в рамках механизма административного правоприменения системы защиты прав на новые сорта растений, что требует дальнейшего усиления механизмов координации между центром и регионами, повышения прозрачности правоприменения и других мер для постоянного сокращения этого разрыва, укрепления и совершенствования эффективности защиты прав.

Судебная защита — ключевой гарантийный путь реализации прав на новые сорта растений, она проявляется главным образом в форме гражданско-судебного процесса, в то время как уголовно-правовая защита еще не сформировала самостоятельную систему. Статья 84 Закона о семенах 2021 г. четко устанавливает, что владелец прав на новый сорт растений может подать в народный суд иск о нарушении прав и запросить такие гражданско-правовые средства защиты, как прекращение нарушения, возмещение убытков, извинения и др. Кроме того, новый документ 2021 г. — Некоторые положения Верховного народного суда о рассмотрении дел о спорах, связанных с нарушением прав на новые сорта растений (II)¹³, — обогатил судебную практику четкими и практичными правилами принятия решений, а также руководящей основой для регулирования таких сложных вопросов, как определение существенной эквивалентности, повторного использования и производных сортов.

Судебная защита прав на новые сорта растений в основном зависит от гражданско-правовых средств защиты и еще не включена в уголовно-правовые рамки защиты интеллектуальной собственности, установленные Уголовным кодексом. В Уголовном кодексе КНР уже предусмотрены составы преступлений, связанных с нарушением прав на интеллектуальную собственность, но до сих пор не введены уголовно-правовые положения, направленные на защиту прав на новые сорта растений. Это озна-

¹¹ Отчет о развитии охраны новых сортов сельскохозяйственных растений / Министерство сельского хозяйства и сельских дел. Изд-во сельскохозяйственной литературы Китая, 2023. С. 15.

¹² Жань Х. Исследование путей совершенствования системы охраны новых сортов растений в Китае в контексте развития новой качественной производительности // Журнал Китайского университета политических наук и права. 2024. № 6. С. 21.

¹³ Некоторые положения Верховного народного суда о рассмотрении дел о спорах, связанных с нарушением прав на новые сорта растений (II), вступили в силу с 1 сентября 2021 г.

чает, что, даже если нарушение имеет высокую степень умысла и причиняет значительные убытки, заинтересованные субъекты могут подать только гражданский иск. Данный пробел в законодательстве признается в академических кругах одним из важных проявлений недостаточной защиты прав на новые сорта растений в настоящее время¹⁴.

В аспекте гражданско-судебной защиты, согласно Уведомлению Верховного народного суда о дополнительном добавлении оснований для гражданских дел, споры о правах на новые сорта растений в настоящее время классифицируются по трем конкретным основаниям, а именно: о нарушении прав на новые сорта растений; об оплате за использование новых сортов растений в период временной защиты; о подтверждении отсутствия нарушения прав на новые сорта растений¹⁵.

В практической судебной деятельности основная сложность защиты заключается в установлении технических фактов и распределении бремени доказывания. Это главным образом связано с тем, что суды рассматривают относительно мало дел, касающихся новых сортов растений¹⁶, и у судей недостаточно опыта и практических стандартов для рассмотрения подобных дел; существуют технические ограничения при установлении фактов по делу. Помимо этого, правообладателям обычно трудно напрямую доказать с помощью традиционных форм, что нарушающий сорт является «существенно эквивалентным» охраняемому сорту.

В пересмотренный в 2021 г. Закон о семенах внесены уточнения относительно выявления нарушений прав, однако механизм распределения бремени доказывания ключевых фактов по делу всё еще несовершенен: именно правообладатели несут бремя доказывания в судебном процессе, что предопределяет их высокие затраты, а также влияет на аргументированность судебных решений¹⁷.

Права фермеров. Права на новые сорта растений, будучи исключительными и срочными правами интеллектуальной собственности, предназначены не для безусловного предоставления селекционерам абсолютных прав, а для достижения правового баланса между стимулированием инноваций в селекции и защитой общественных интересов. В условиях реальной структуры сельского хозяйства Китая, где преобладает производство мелких и средних фермеров, решение вопроса о том, как поощрять сортовые инновации, предотвращая чрезмерное расширение прав, становится неизбежной проблемой в правовой системе охраны новых сортов растений.

Практика сохранения семян для собственного использования — давняя традиция в сельском хозяйстве Китая, особенно в менее развитых регионах и мелкокрестьянских хозяйствах. Сохранение фермерами части урожая семян для посева в следующем году не только является рациональным выбором с точки зрения контроля затрат, но и тесно связано с продовольственной безопасностью и защитой разнообразия генетических ресурсов. Однако эта практика часто входит в прямое противоречие с границами прав селекционеров.

В статье 85 Закона о семенах 2021 г. установлено: «Действия фермеров по сохранению и использованию законно полученных семян сортов для целей собственного использования не рассматриваются как нарушение прав на новые сорта растений». Это положение отражает позицию законодателя по защите традиционной практики фермеров, создавая механизм «ограниченного исключения», который разрешает законное сохранение семян для собственного использования при условии, что это не преследует коммерческих целей. Однако определить границу между целями собственного использования и коммерческой деятельностью почти невозможно, из-за чего в судебной практике

¹⁴ Жань Х. Исследование путей совершенствования системы защиты прав на новые сорта растений в Китае в контексте развития новых производительных сил // Вестник Северо-Западного университета сельского и лесного хозяйства (социальные науки). 2023. № 5. С. 87.

¹⁵ Уведомление Верховного народного суда о дополнительном добавлении оснований для гражданских дел // Бюллетень Верховного народного суда Китайской Народной Республики. 2011. № 5.

¹⁶ С 2018 по 2022 г. судебная система Китая приняла к производству 312 дел, связанных с правами на новые сорта растений, общий процент выигранных дел составил менее 50 %. См. об этом: Обзор судебной защиты интеллектуальной собственности в Китае за 2022 г. Ежегодный отчет о судебной защите интеллектуальной собственности в Китае. 2023. С. 18.

¹⁷ Ли Ц. Распределение бремени доказывания в исках о нарушении прав на новые сорта растений // Наука, техника и право. 2023. № 2. С. 47.

усматривается неопределенность¹⁸. Некоторые ученые призывают к детализации правила о сохранении семян, например путем ограничения права на возделывание и посев по поручению или централизованного сохранения семян кооперативами для предотвращения нарушений под видом собственного использования¹⁹. Это не противоречит Конвенции по охране новых сортов растений в Акте 1991 г., где содержится разрешение государствам-членам самостоятельно решать, предоставлять ли исключения для фермеров по сохранению семян. Присоединение Китая к Конвенции в Акте 1991 г. обеспечило бы гибкость при поддержании баланса между защитой средств к существованию фермеров и стимулированием селекционеров в рамках системы²⁰.

Система принудительного лицензирования в Китае — важный инструмент ограничения прав на новые сорта растений. В соответствии со ст. 33 Положения 1997 г. государство может ввести принудительное лицензирование на новые сорта растений в интересах общества, национальной безопасности ввиду крупных сельскохозяйственных потребностей или чрезвычайных ситуаций.

Первоначальная цель создания этой системы заключалась в предотвращении злоупотребления правами на сорта растений и обеспечении возможностей общественного снабжения в особых обстоятельствах, таких как продовольственная безопасность и контроль эпидемий. Во время вспышки COVID-19 Министерство сельского хозяйства и сельских дел рассматривало возможность использования механизма принудительного лицензирования для размножения и распределения некоторых дефицитных сортов риса, устойчивых к болезням²¹, что демонстрирует практическую ценность принудительного лицензирования как механизма обеспечения в экстремальных ситуациях.

Однако по сравнению с конкретными процедурами принудительного лицензирования в

патентной системе область новых сортов растений всё еще находится в состоянии «существования системы при бездействии функции»²². И некоторые ученые предлагают использовать опыт принудительного лицензирования в патентной сфере, чтобы повысить практическую применимость системы. Это важно, поскольку в условиях глобальных изменений в сельском хозяйстве, в частности изменения климата и учащения стихийных бедствий, система принудительного лицензирования может стать важной правовой опорой против нежелательного политического вмешательства, а значит, должна быть включена в систему правового обеспечения национальной продовольственной стратегии.

Особенности национальной охраны новых сортов растений в России. Как отмечалось ранее, Россия и Китай участвуют в Конвенции 1961 г., в силу чего в этих государствах достаточно гармонизированные основы правового регулирования в рассматриваемой сфере. Однако оба они имеют свою специфику регулирования и, соответственно, свои сложности.

В отечественной доктрине отмечается ряд проблем в использовании новых сортов растений как объектов интеллектуальной собственности.

Сбор роялти в Российской Федерации за использование нового сорта растений затруднен, на это обращают внимание практики: регулирование в ГК РФ в первую очередь обращено к неимущественным правам и административно-процессуальным процедурам в ущерб положениям об имущественных правах и защите селекционных достижений от неправомерного использования в коммерческом обороте²³. Из-за этого большая часть достижений в области селекции растений представлена в России гибридами (а не чистыми сортами): для получения семян гибридов необходимо иметь родительские линии, которые находятся у селекционера, и желающим размножать гибридный сорт

¹⁸ Ван С. Исследование правовых границ права фермеров на сохранение семян // Исследования в области сельскохозяйственного права. 2023. № 2. С. 41–44.

¹⁹ Лю Ц. Исследование правовой защиты новых сортов растений // Право. 2022. С. 89–91.

²⁰ Пан И. Сравнение и последствия правовой защиты прав на новые сорта растений // Интеллектуальная собственность. 2022. № 10. С. 18.

²¹ Бюллетень работ по защите сельскохозяйственных генетических ресурсов в условиях пандемии / Министерство сельского хозяйства и сельских дел. 2021.

²² Ли Ц. Ослабление функции системы принудительного лицензирования и пути реконструкции // Применение закона. 2021. № 11. С. 112–115.

²³ Дерянова Е. Г. К проблеме использования сорта как объекта интеллектуальной собственности // Научное обеспечение зернового производства Алтайского края : сборник статей. Барнаул, 2016. С. 19–23.

постоянно приходится обращаться к правообладателю за лицензированием или покупкой готовых семян. Так селекционные фирмы по-своему защищаются от неправомерного использования их достижений.

Кроме того, в России нет необходимой нормативной базы для исчерпывающего регулирования отношений между селекционером и семеноводческой компанией²⁴, что создает разрыв важных звеньев процесса использования новых сортов растений²⁵.

Методика и сроки проведения испытаний нового сорта растений на отличимость, однородность и стабильность²⁶ в Российской Федерации были обновлены и утверждены Министерством сельского хозяйства в 2020 г. Некоторые авторы отзываются об этой методике как о формальной, повторяющей содержание норм ГК РФ, касающихся самых общих основ для всех сортов растений, в силу чего провести полноценные испытания, опираясь именно на эту методику, невозможно, поскольку для каждой конкретной культуры растений характерны свои особенности и показатели, а они действующей методикой не предусмотрены²⁷. В то же время неиспользование ука-

занной методики и обращение к ранее существовавшим методикам делает сорт уязвимым с точки зрения правовой защиты²⁸.

Вывод. Обзор правового режима в Китайской Народной Республике и Российской Федерации показал, с одной стороны, известную общность (в силу участия в едином международном соглашении) правовых инструментов, используемых при регулировании общественных отношений по признанию и использованию новых сортов растений в гражданском обороте. При этом выявлены некоторые особенности, установленные национальным законодательством об интеллектуальной собственности каждого из государств и предопределенные их экономическими и правовыми традициями: правовая охрана новых сортов растений в Китае существует сепаратно и не связана с охраной иных результатов селекции²⁹, тогда как в России охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности в области селекции признаются не только сорта растений, но и отвечающие установленным требованиям породы животных. Отмечены основные проблемы правовых систем Китая и России в рассматриваемой сфере и предложены некоторые пути их решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван С. Исследование правовых границ права фермеров на сохранение семян // Исследования в области сельскохозяйственного права. 2023. № 2. С. 41–44.

Городов О. А. Правовой режим топологий интегральных микросхем и новых сортов растений по законодательству Китайской Народной Республики // Вестник Центра права имени В.А. Мусина. 2025. № 2. С. 10–20.

Дерянова Е. Г. К проблеме использования сорта как объекта интеллектуальной собственности // Научное обеспечение зернового производства Алтайского края : сборник статей. Барнаул, 2016. С. 19–23.

²⁴ См. об этом, в частности: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2017 № 09АП-4186/17 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.12.2016 по делу № А40-106960/2016 ; определение Оренбургского областного суда от 15.10.2020 по делу № 33-6518/2020.

²⁵ Дерянова Е. Г. Указ. соч.

²⁶ Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 27.10.2020 № 631 «Об утверждении методики и сроков проведения испытаний селекционного достижения (нового сорта растений) на отличимость, однородность и стабильность» // СПС «Гарант».

²⁷ См. об этом: Зеленко Н. А. Селекционное достижение как объект права интеллектуальной собственности и его охрана // Трибуна ученого. 2022. № 3. С. 59–71.

²⁸ См.: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2024 № 13АП-44242/23 по делу № А56-32127/2021.

²⁹ См.: Городов О. А. Правовой режим топологий интегральных микросхем и новых сортов растений по законодательству Китайской Народной Республики // Вестник Центра права имени В.А. Мусина. 2025. № 2. С. 10–20.

Жань Х. Исследование путей совершенствования системы защиты прав на новые сорта растений в Китае в контексте развития новых производительных сил // Вестник Северо-Западного университета сельского и лесного хозяйства (социальные науки). 2023. № 5.

Жань Х. Исследование путей совершенствования системы охраны новых сортов растений в Китае в контексте развития новой качественной производительности // Журнал Китайского университета политических наук и права. 2024. № 6.

Зеленко Н. А. Селекционное достижение как объект права интеллектуальной собственности и его охрана // Трибуна ученого. 2022. № 3. С. 59–71.

Ли Ц. Ослабление функции системы принудительного лицензирования и пути реконструкции // Применение закона. 2021. № 11. С. 112–115.

Ли Ц. Распределение бремени доказывания в исках о нарушении прав на новые сорта растений // Наука, техника и право. 2023. № 2.

Лю Ц. Исследование правовой защиты новых сортов растений // Право. 2022. С. 89–91.

Пан И. Сравнение и последствия правовой защиты прав на новые сорта растений // Интеллектуальная собственность. 2022. № 10.

Право интеллектуальной собственности в странах БРИКС / под общ. ред. Л. А. Новоселовой, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2025. 352 с.

Шахназаров Б. А. Общеобъектные и специально-объектные принципы правового регулирования промышленной собственности в трансграничных отношениях // Lex russica. 2020. № 10. С. 63–72.

Kung-Chung L. IP Laws and Regimes in Major Asian Economies; Combing through Thousand Threads of IP To Peace in Asia. New York, 2023.

REFERENCES

Deryanova EG. To the problem of using varieties as an object of intellectual property. Scientific support of grain production in the Altai Territory: A collection of articles. Barnaul; 2016. P. 19–23. (In Russ.).

Gorodov OA. Legal regime of integrated circuit topologies and new plant varieties under the legislation of the People's Republic of China. *Vestnik Centra prava imeni V.A. Musina*. 2025;2:10-20. (In Russ.).

Kung-Chung L. IP Laws and Regimes in Major Asian Economies; Combing through Thousand Threads of IP to Peace in Asia. New York; 2023.

Li Ts. Distribution of the burden of proof in claims for infringement of rights to new plant varieties. *Nauka, tekhnika i pravo*. 2023;2. (In Russ.).

Li Ts. Weakening the function of the compulsory licensing system and ways of reconstruction. *Primenenie zakona*. 2021;11:112-115. (In Russ.).

Liu Ts. Research of legal protection of new plant varieties. *Pravo*. 2022;89-91. (In Russ.).

Novoselova LA, Shakhnazarov BA, editors. Intellectual property law in the BRICS countries. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Pan I. Comparison and consequences of legal protection of rights to new plant varieties. *Intellektualnaia sobstvennost*. 2022;10. (In Russ.).

Shakhnazarov BA. General object and special object principles of the legal regulation of industrial property in cross-border relations. *Lex russica*. 2020;10:63-72. (In Russ.).

Wang S. Investigation of the legal boundaries of farmers' right to preserve seeds. *Issledovaniya v oblasti selskokhoziaistvennogo prava*. 2023;2:41-44. (In Russ.).

Zelenko NA. Selective breeding results as an object of intellectual property rights and its protection. *Tribuna uchenogo*. 2022;3:59-71. (In Russ.).

Zhan H. Research on pathways to improve the plant variety protection system in China within the context of developing new productive forces. *Vestnik Severo-Zapadnogo universiteta selskogo i lesnogo khoziaistva (sotsialnye nauki)*. 2023;5. (In Russ.).

Zhan H. Research on pathways to improve the plant variety protection system in China within the context of developing of new qualitative productivity. *Zhurnal Kitaiskogo universiteta politicheskikh nauk i prava*. 2024;6. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Луткова Оксана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ovlutkova@msal.ru

Ма Цзяньцюань, преподаватель юридического факультета Пекинского университета сельского хозяйства
д. 5, Йихеюань ул., г. Пекин 100871, Китайская Народная Республика
majianquan@bua.edu.cn

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana V. Lutkova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ovlutkova@msal.ru

Ma Jianquan, Lecturer, Faculty of Law, Beijing University of Agriculture, Beijing, People's Republic of China
majianquan@bua.edu.cn

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2024 г.

Статья получена после рецензирования 16 января 2026 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 10.12.2024.

Revised 16.01.2026.

Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.143-156

Чэнь Юйси

Китайский университет политических наук и права
г. Пекин, Китайская Народная Республика

М. В. Шмелева

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Интеллектуальные инвестиционные консультанты: правовые риски и трансформация правового регулирования в контексте финансовой безопасности

Резюме. Интеллектуальные инвестиционные консультанты, получившие широкое распространение на современных финансовых рынках, поставили под сомнение адекватность традиционной модели правового регулирования, ориентированной преимущественно на индивидуальное инвестиционное отношение. Алгоритмизация инвестиционных рекомендаций и их масштабируемое применение привели к тому, что юридически значимые риски перестали носить исключительно индивидуальный характер и начали проявляться на уровне финансового рынка. Алгоритмическая унификация инвестиционных стратегий и автоматизированное исполнение решений обуславливают массовое и синхронное совершение сходных инвестиционных действий, что в условиях концентрации платформ способно усиливать рыночные колебания даже при формальном соблюдении действующих правовых требований. Это выявляет структурные ограничения регуляторной логики, построенной исключительно вокруг фидуциарной ответственности и индивидуального контроля. На основе сравнительного анализа регулирования интеллектуальных инвестиционных консультантов в США, Европейском Союзе и Китае показано, что, несмотря на различия в институциональных решениях, эти правовые порядки в целом выходят за рамки традиционного частноправового подхода к управлению инвестиционными рисками. Делается вывод о необходимости смещения акцентов в правовом регулировании от индивидуального инвестиционного отношения к управлению финансовыми рисками с учетом задач финансовой безопасности. При этом речь идет не об ослаблении защиты инвесторов, а о включении ее в более широкий механизм предотвращения системных рисков на финансовых рынках.

Ключевые слова: интеллектуальные инвестиционные консультанты; финансовое право; алгоритмические риски; финансовая безопасность; регулирование финансовых рынков

Для цитирования: Чэнь Юйси, Шмелева М. В. Интеллектуальные инвестиционные консультанты: правовые риски и трансформация правового регулирования в контексте финансовой безопасности. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 143–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.143-156

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Intelligent Investment Advisors: Legal Risks and Transformation of Legal Regulation in the Context of Financial Security

Chen Yuxi

Chinese University of Political Science and Law
Beijing, People's Republic of China

Marina V. Shmeleva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Intelligent investment advisors, who have become widespread in modern financial markets, have called into question the adequacy of the traditional legal regulation model, primarily focused on individual investment relationships. The algorithmization of investment recommendations and their scalable application have led to legally significant risks no longer being purely individual but manifesting at the level of the financial market itself. The algorithmic unification of investment strategies and automated execution of decisions result in the mass and synchronous execution of similar investment actions, which, under conditions of platform concentration, can amplify market fluctuations even with formal compliance with existing legal requirements. This reveals the structural limitations of regulatory logic, built solely around fiduciary responsibility and individual control. Based on a comparative analysis of the regulation of intelligent investment advisors in the United States, the European Union, and China, it is shown that, despite differences in institutional solutions, these legal systems generally go beyond the traditional private law approach to investment risk management. It is concluded that there is a need to shift the emphasis in legal regulation from an individual investment attitude to financial risk management, taking into account the objectives of financial security. This does not imply a weakening of investor protection but rather its integration into a broader mechanism for preventing systemic risks in financial markets.

Keywords: intellectual investment advisors; financial law; algorithmic risks; financial security; financial market regulation

Cite as: Chen Yuxi, Shmeleva MV. Intelligent Investment Advisors: Legal Risks and Transformation of Legal Regulation in the Context of Financial Security. *Lex russica*. 2026;79(2):143-156. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.143-156

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the Priority-2030 Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Интеллектуальные инвестиционные консультанты (их также называют «робот-советник» (англ. robo-advisor)) представляют собой форму цифровых финансовых услуг, в рамках которой посредством алгоритмических моделей и анализа больших данных инвесторам автоматически предоставляются услуги по определению инвестиционных целей, распределению активов, формированию и управлению инвестиционными портфелями, а также по исполнению и последующей корректировке инвестиционных рекомендаций¹. Сегодня интеллектуальные инвестиционные консультанты перестали

быть сугубо техническим инструментом инвестиционного консультирования и оказались способны влиять на финансовые рынки. Вместе с тем правовой режим инвестиционного консультирования по-прежнему ориентирован преимущественно на микроуровень и исходит из предпосылки индивидуального принятия инвестиционных решений. В этих условиях возникает разрыв между характером функционирования интеллектуальных инвестиционных консультантов и подходами к их правовому регулированию. Статья посвящена анализу данного разрыва и поиску направлений его преодоления с учетом задач финансовой безопасности.

¹ См.: Гэ Жуи, Ху Жун. Влияние интеллектуальных инвестиционных консультантов на инвестиционное поведение в условиях интернет-финансов // Журнал системного управления. 2021. № 1. С. 94 (葛如一、胡蓉:《互联网金融环境下智能投顾对于投资行为的影响》,载《系统管理学报》2021年第1期,第94页).

1. Теоретическое определение и институциональная характеристика интеллектуальных инвестиционных консультантов

В отличие от традиционного инвестиционно-консультирования, основанного на индивидуальном профессиональном суждении физического лица, в модели с применением искусственного интеллекта ключевые элементы инвестиционного решения, его формирование, исполнение и корректировка реализуются большей частью алгоритмическими системами, что снижает роль человеческого усмотрения и изменяет характер распределения ответственности².

Функционирование интеллектуальных инвестиционных консультантов опирается на модель оценки капитальных активов (CAPM)³ и теорию портфеля Г. Марковица⁴, которые используются для количественного описания соотношения риска и доходности и построения оптимальных инвестиционных портфелей. Алгоритмические модели в интеллектуальном инвестиционном консультировании применяются для оценки инвестиционных предпочтений инвестора, уровня допустимого риска и инвестиционного горизонта. Результатом является формирование стандартных портфельных решений, которые в автоматическом режиме предлагаются множеству инвесторов⁵. В алгоритмизированной модели функции человека распределяются между разработчиком алгоритмов, оператором платформы и субъектами, осуществляющими регуляторный и комплаенс-контроль. Данная

трансформация снижает прозрачность процесса принятия решений и затрудняет идентификацию субъектов, фактически влияющих на рекомендации⁶. В результате правовые риски смещаются с уровня индивидуального поведения консультанта на уровень алгоритмов.

2. Вопросы финансовой безопасности в деятельности интеллектуальных инвестиционных консультантов

Регулирование инвестиционно-консультационной деятельности традиционно было направлено на предотвращение информационной асимметрии, недобросовестных продаж и конфликтов интересов — с учетом того, что негативные последствия инвестиционного консультирования носят локальный характер и исчерпываются на уровне отдельных правоотношений.

Интеллектуальные инвестиционные консультанты изменяют эту предпосылку. Использование алгоритмических и платформенных решений приводит к одновременному формированию сходных инвестиционных рекомендаций для значительного числа инвесторов, вследствие чего правовое значение приобретает не отдельная рекомендация, а совокупный эффект их массового применения. В этих условиях оценка правомерности инвестиционного консультирования исключительно через призму индивидуальных нарушений оказывается недостаточной⁷. Регуляторное значение начинают приобретать устойчивость применяемых алгоритмов, механизмы автоматизированных кор-

² См.: Лу Сяомэн, Ван Ибин, У Вэйсин. Традиционные инвестиционные консультанты и интеллектуальные инвестиционные консультанты: замещение или взаимодополнение? // Управленческий мир. 2023. № 10. С. 75 (路晓蒙、王一冰、吴卫星:《传统投资顾问和智能投资顾问:替代还是互补?》,载《管理世界》2023年第10期,第75页).

³ См.: French C. W. The Treynor Capital Asset Pricing Model // Journal of Investment Management. 2003. Vol. 1. No. 2. P. 60.

⁴ См.: Markowitz H. M. Portfolio Selection // Journal of Finance. 1952. Vol. 7. No. 1. P. 77–91. См. также: Idem. Portfolio Selection: Efficient Diversification of Investment. New York: Wiley, 1959.

⁵ См.: Ли Вэньли, Ян Юэцзе. Правовые риски интеллектуальных инвестиционных консультантов и предложения по их регулированию // Юриспруденция. 2017. № 8. С. 15–16 (李文莉、杨玥捷:《智能投顾的法律风险及监管建议》,载《法学》2017年第8期,第15–16页).

⁶ См.: Гао Сыминь. Идентификация субъектов и установление обязанностей в модели интеллектуального инвестиционного консультирования // Исследования в области юриспруденции. 2018. № 5. С. 43 (高丝敏:《智能投资顾问模式中的主体识别和义务设定》,载《法学研究》2018年第5期,第43页).

⁷ См.: Ван Цэ, Лю Бэй. Теоретическая рефлексия и институциональное конструирование регулирования интеллектуальных инвестиционных консультантов // Журнал социальных наук Цзилиньского университета. 2025. № 3. С. 205 (王策、刘蓓:《智能投顾规制的理论反思与制度构建》,载《吉林大学社会科学学报》2025年第3期,第205页).

ректировок и их способность аккумулировать риски в масштабах рынка⁸.

2.1. Изменение характера юридических рисков

В традиционной модели инвестиционного консультирования риск причинения вреда может быть нейтрализован посредством частных правовых механизмов ответственности. В алгоритмизированной модели консультирования юридически значимые риски возникают не столько в момент взаимодействия с конкретным инвестором, сколько на уровне архитектуры самой модели оказания услуг, что затрудняет их отнесение к отдельному инвестиционному отношению⁹. Это влечет ряд важных последствий.

Прежде всего, трансформируется правовое значение института инвестиционной пригодности. В традиционной модели оценка инвестиционной пригодности предполагает непрерывное профессиональное взаимодействие с инвестором и периодическое уточнение его инвестиционных целей, отношения к риску и финансового положения.

В интеллектуальном инвестиционном консультировании такая оценка, как правило, проводится однократно, на основе анкетирования и ограниченного массива данных, без последующего пересмотра результатов. В итоге создается риск-профиль инвестора, который используется в течение длительного времени независимо от изменения фактических инвестиционных возможностей и предпочтений инвестора. Упрощенный характер анкет и ответов, ограниченность источников информации приводят к тому, что алгоритмическая оценка инвестиционной пригодности может не отражать реальную способность инвестора принимать инвестиционный риск¹⁰. При этом формальное

соблюдение требований к процедуре оценки пригодности не обеспечивает достижения ее защитной цели, вследствие чего у инвестора риск утраты защиты возникает даже без конкретного нормативного нарушения¹¹.

Аналогичное смещение наблюдается и в сфере разграничения консультирования и управления активами. Китайская модель регулирования традиционно запрещает консультантам принимать решения и исполнять сделки от имени клиента, сохраняя за последним автономию выбора¹². Однако в условиях интеллектуального консультирования автоматизированные механизмы ребалансировки и долгосрочного исполнения стратегий фактически приближают такие услуги к форме квазидискреционного управления. Разрыв между юридической формой и фактической функцией приводит к тому, что значительная часть рисков оказывается поглощена моделью автоматизации и не находит адекватного отражения в механизме ответственности.

Еще одна проблема состоит в размывании круга субъектов юридической ответственности. В традиционной системе инвестиционный консультант или консультирующая организация выступают четко идентифицируемыми носителями обязанностей. В интеллектуальном инвестиционном консультировании процесс формирования рекомендаций распределен между разработчиками алгоритмов, операторами платформ, поставщиками данных и финансовыми институтами. Действующие нормы, как правило, продолжают ориентироваться на единый субъект ответственности¹³.

Таким образом, в модели интеллектуального инвестиционного консультирования защита инвесторов и связанные с ней правовые риски

⁸ См.: Лю Бохань. Диалектика ценности алгоритмической прозрачности интеллектуальных инвестиционных консультантов // Вестник Шэньчжэньского университета (Гуманитарные и социальные науки). 2024. № 1. С. 109 (刘博涵:《智能投顾算法透明的价值辩证、规制导向与实现路径》,载《深圳大学学报(人文社会科学版)》2024年第1期,第109页).

⁹ См.: Ли Вэйтао, Лю Дань. Правовые риски интеллектуальных инвестиционных консультантов // Ученые записки Улин. 2022. № 4. С. 55 (李巍涛、刘丹:《智能投顾法律风险问题研究》,载《武陵学刊》2022年第4期,第55页).

¹⁰ См.: Ян Дун, У Юйцзя. Исследование института инвестиционной пригодности в интеллектуальном инвестиционном консультировании // Вестник Национального института прокуроров. 2019. № 2. С. 9 (杨东、武雨佳:《智能投顾中投资者适当性制度研究》,载《国家检察官学院学报》2019年第2期,第9页).

¹¹ См.: Ли Вэйтао, Лю Дань. Указ. соч. С. 55.

¹² См.: У Е, Е Линь. Сущность «интеллектуальных инвестиционных консультантов» и пути их правового регулирования // Юридический журнал. 2018. № 5. С. 18 (吴烨、叶林:《“智能投顾”的本质及规制路径》,载《法学杂志》2018年第5期,第18页).

¹³ См.: Гао Сыминь. Указ. соч. С. 44–45.

перестают быть исключительно вопросом нарушения индивидуальных прав в конкретном инвестиционном отношении. Данное смещение предопределяет необходимость выхода за границы индивидуализированной логики ответственности.

2.2. Алгоритмическая однородность как механизм трансформации правовых рисков на уровне рынка

Под алгоритмической однородностью (algorithmic homogeneity) понимается формирование сходных инвестиционных стратегий и торговых результатов различными интеллектуальными инвестиционными консультантами в условиях единых теоретических предпосылок, унифицированных моделей риск-контроля и сопоставимых регуляторных ограничений¹⁴. Алгоритмическая однородность формируется не в результате нарушения требований действующего регулирования, а как следствие формально правомерного поведения участников рынка. Поставщики услуг интеллектуального консультирования самостоятельно разрабатывают алгоритмические модели и параметры стратегий, ориентируясь на сходные рыночные данные и единые нормативные ограничения. При широком распространении таких моделей различные сервисы начинают предлагать клиентам сопоставимые решения и реализовывать их по сходным алгоритмическим сценариям. В результате одновременного применения этих решений возникают эффекты, которые не могут быть объяснены через поведение отдельного участника. Тем самым формируется разрыв между индивидуальной правомерностью действий каждого поставщика и последствиями их одновременного функционирования, что затрудняет выявление и правовую оценку рисков в рамках действующих механизмов регулирования.

Формирование алгоритмической однородности носит структурный характер. С одной стороны, интеллектуальные консультанты опираются на ограниченный круг общепризнанных финансово-теоретических конструкций (теорию портфеля и пр.). С другой стороны, регуляторные требования в части допустимых уровней риска, структуры активов и параметров комплаенса ограничивают алгоритмическую вариативность. В результате даже при независимой разработке моделей различными организациями итоговые инвестиционные стратегии демонстрируют высокую степень сходства по ключевым параметрам¹⁵.

Последствия однородности становятся заметны в сочетании с механизмами исполнения и ребалансировки. Такие системы опираются на заранее заданные пороговые значения и автоматически совершают сделки при изменении рыночных параметров. В ситуации, когда значительное число консультантов реагирует на одни и те же сигналы сходным образом, ценовые колебания усиливаются и начинают распространяться за счет одновременных торговых действий. Существенно при этом, что данный эффект связан не с индивидуальными действиями инвесторов, а с одновременным применением сходных, формально допустимых решений большим числом консультантов¹⁶.

Усиливает этот эффект и институциональная концентрация сервисов. Интеллектуальные консультанты, как правило, встроены в банковские продукты управления благосостоянием, услуги фондового консультирования и платформы комплексного управления капиталом. В данных условиях корректировка алгоритмических стратегий со стороны отдельных крупных институтов может влиять на решения иных участников рынка¹⁷.

¹⁴ См.: Ван Хуайюн, Дэн Жохань. Риск алгоритмической конвергенции: теоретическое обоснование и логика управления — анализ на основе финансового рынка // Современные экономические исследования. 2021. № 1. С. 113–114 (王怀勇、邓若翰：《算法趋同风险：理论证成与治理逻辑——基于金融市场的分析》，载《现代经济探讨》2021年第1期，第113–114页)。

¹⁵ См.: Люй Тунтао. Потенциальные риски алгоритмической однородности в биржевой торговле и пути их предотвращения // Вестник Даляньского политехнического университета (Социальные науки). 2025. № 2. С. 121 (吕桐弢：《证券交易算法同质化的潜在风险与防范进路》，载《大连理工大学学报(社会科学版)》2025年第2期，第121页)。

¹⁶ См.: Ван Цэ. Регулирование интеллектуальных инвестиционных консультантов в цифровую эпоху: формирование регуляторных концепций и институциональное выражение // Вестник Хэнаньского университета (Социальные науки). 2025. № 3. С. 39–40 (王策：《数字时代的智能投顾监管：理念培育与制度表达》，载《河南大学学报(社会科学版)》2025年第3期，第39–40页)。

¹⁷ См.: Ян Цзяньсюнь. Правовые ответы на системные риски интеллектуализированных финансовых рынков: с позиции инклюзивного и осмотрительного регулирования // Финансово-правовые исследова-

Алгоритмическая однородность с трудом поддается правовой квалификации. Традиционные модели ответственности связывают правовые последствия с нарушением конкретной нормы или неправомерным поведением субъекта. В рассматриваемой ситуации юридически значимый риск формируется как результат формально законных действий множества участников¹⁸. Таким образом, алгоритмическая однородность выступает не технической аномалией и не следствием комплаенс-сбоев отдельных организаций, а имманентным результатом интеллектуального консультирования. Это неизбежно поднимает вопрос об обеспечении финансовой стабильности и безопасности¹⁹.

3. Сравнительно-правовые модели регулирования интеллектуального инвестиционного консультирования

В основных правовых порядках интеллектуальное инвестиционное консультирование не выделяется в качестве отдельного вида деятельности, требующего собственного регулирования, к нему применяются уже существующие нормативные конструкции. Такой подход отражает общее понимание того, что ключевая проблема регулирования интеллектуальных консультантов заключается не в их технологической новизне, а в изменении структуры юридически релевантных рисков. Соответственно, различия между моделями регулирования США, Европейского Союза и Китая проявляются прежде всего в способах юридической локализации и распределения этих рисков.

3.1. США: концентрация ответственности через фидуциарную обязанность

Американский подход к регулированию интеллектуальных инвестиционных консультантов складывался постепенно и без создания специального правового режима. Появление первых интеллектуальных инвестиционных консультантов, включая компанию Betterment, основанную в 2008 г.²⁰, не привело к пересмотру базовой конструкции инвестиционного консультирования. Напротив, регулятор с самого начала исходил из того, что автоматизация рекомендаций не меняет существа оказываемой услуги. В соответствии с § 202(a)(11) Закона об инвестиционных консультантах 1940 г.²¹ инвестиционным консультантом признается лицо, которое за вознаграждение предоставляет персонализированные инвестиционные рекомендации (§ 202(a)(11)). Именно наличие персонализации, а не способ ее формирования имеет решающее значение. Поэтому Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) последовательно указывает, что интеллектуальное инвестиционное консультирование подпадает под общий режим регулирования инвестиционного консультирования, поэтому предоставляющие данную услугу субъекты обязаны проходить регистрацию и соблюдать требования комплаенса наравне с традиционными участниками рынка.

В центре этой модели находится фидуциарная обязанность (fiduciary duty) инвестиционного консультанта действовать в наилучших интересах клиента. Хотя Закон об инвестиционных консультантах 1940 г. не дает развернутого определения этой обязанности, фидуциарный характер отношений был закреплен судебной практикой. В решении по делу SEC v. Capital Gains Research Bureau, Inc. Верховный суд США прямо указал, что § 206 Закона направлен на выявление и предотвращение конфликтов инте-

ния. 2025. № 2. С. 111 (阳建勋: 《智能化金融市场系统性风险的法治应对——基于包容审慎监管的视角》, 载《财经法学》2025年第2期, 第111页).

¹⁸ См.: Ян Дун. Регуляторные технологии: вызовы финансового регулирования в условиях финтеха и конструирование регуляторных измерений // Китайские общественные науки. 2018. № 5. С. 73 (杨东: 《监管科技: 金融科技的监管挑战与维度建构》, 载《中国社会科学》2018年第5期, 第73页).

¹⁹ См.: Ван Хуайюн. Алгоритмические риски финансовых технологий и их правовое регулирование // Политико-правовой сборник. 2021. № 1. С. 107–108 (王怀勇: 《金融科技的算法风险及其法律规制》, 载《政法论丛》2021年第1期, 第107–108页).

²⁰ См.: Betterment LLC. Official website. URL: <https://www.betterment.com/help/what-is-betterment-marcus> (дата обращения: 08.02.2025).

²¹ Investment Advisers Act of 1940.

ресов и тем самым закрепляет доверительный характер связи между консультантом и клиентом²². В этой логике алгоритм не рассматривается как самостоятельный источник решений. Он воспринимается как инструмент, через который инвестиционный консультант реализует свои фидуциарные обязанности. Если рекомендации, сформированные с использованием алгоритма, не соответствуют интересам клиента, ответственность возлагается не на технологию, а на консультанта, выбравшего и применившего данную модель.

Разъяснения SEC, включая Разъяснение по вопросам деятельности автоматизированных инвестиционных консультантов 2017 г.²³ и Толкование Комиссии о стандарте поведения инвестиционных консультантов 2019 г.²⁴, лишь конкретизируют данную конструкцию применительно к автоматизированным сервисам. Регулятор не требует раскрытия технических деталей алгоритмов, но ожидает, что консультант способен объяснить клиенту общую логику формирования рекомендаций, используемые допущения, связанные риски и возможные конфликты интересов. Тем самым акцент делается не на контроле кода, а на контроле поведения и ответственности консультанта.

В результате американская модель сочетает относительно свободный допуск технологических инноваций с жесткой концентрацией ответственности. Независимо от степени автоматизации именно инвестиционный консультант остается носителем фидуциарной обязанности и отвечает за последствия использования алгоритмических решений перед конкретным клиентом.

3.2. Европейский Союз: регулирование через механизмы допуска и предварительного контроля

В Европейском Союзе регулирование выстроено преимущественно как система предварительного надзора. Отправной точкой выступает общее правило лицензирования инвестиционных услуг, закрепленное в Директиве 2014/65/EC (MiFID II); осуществление инвестиционного консультирования допускается только при наличии разрешения национального регулятора²⁵. Автоматизированные сервисы, предоставляющие услуги по интеллектуальному инвестиционному консультированию, подлежат регуляторной оценке до выхода на рынок.

Надзорная конструкция при этом не замыкается в пределах отдельного государства-члена. Инвестиционные компании должны быть зарегистрированы, сведения о них передаются в Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (ESMA), которое формирует и обновляет общеевропейский перечень участников рынка²⁶. Таким образом, деятельность интеллектуальных инвестиционных консультантов изначально включается в трансграничную систему надзора, что отражает потенциальную способность таких сервисов оказывать влияние вне национальных рынков. Регулирование в ЕС касается не только допуска на рынок, но и содержания разрешенной деятельности. В лицензии указываются конкретные виды инвестиционных услуг и операций, которые вправе осуществлять компания; вспомогательные услуги допускаются лишь как дополнение и не могут составлять ее единственное содержание²⁷. Если инвестиционная компания намерена расширить свою модель и внедрить новые автоматизированные сервисы, потребуется отдельное согласие регулятора²⁸.

²² SEC v. Capital Gains Research Bureau, Inc., 375 U.S. 180 (1963).

См. также: Irwin S. D., Lane S. A., Mendelson C. W. Wasn't My Broker Always Looking Out for My Best Interests? The Road to Become a Fiduciary // Duquesne Business Law Journal. 2009. Vol. 12. P. 44.

²³ U. S. Securities and Exchange Commission, Division of Investment Management. IM Guidance Update: Robo-Advisers // SEC Guidance. 23 Feb. 2017.

²⁴ Securities and Exchange Commission. Commission Interpretation Regarding Standard of Conduct for Investment Advisers: 17 CFR Part 276; Release No. IA-5248; File No. S7-07-18 // Federal Register. 2019. Vol. 84. P. 33669–33681 (12 July 2019).

²⁵ Директива 2014/65/EC Европейского парламента и Совета от 15.05.2014 о рынках финансовых инструментов (Markets in Financial Instruments Directive II, MiFID II) // Official Journal of the European Union. 2014. L 173. P. 349–496. Ст. 5(1).

²⁶ См.: MiFID II, ст. 5(3).

²⁷ См.: MiFID II, ст. 6(1).

²⁸ См.: MiFID II, ст. 6(2).

Значимую роль в данной модели играют требования к управлению и внутренней организации инвестиционных компаний. MiFID II связывает возможность допуска на рынок с наличием функционирующей системы корпоративного управления: органы управления обязаны формировать и контролировать систему внутреннего управления и нести ответственность за ее надлежащее функционирование²⁹. При наличии обоснованных сомнений в репутации, компетентности или способности руководства исполнять свои функции регулятор вправе отказать в выдаче разрешения³⁰. В данной конструкции алгоритмические решения включаются в систему корпоративного управления инвестиционной компании. Соблюдение установленных требований не рассматривается как разовое условие допуска на рынок. При наличии предусмотренных директивой оснований разрешение может быть отозвано³¹. Наряду с этим, действуют требования к организационной структуре, управлению конфликтами интересов и продуктовой логике³², а при использовании алгоритмических торговых механизмов — специальные требования к устойчивости систем и контролю рисков³³. В целом европейская модель регулирования выходит за рамки традиционного частноправового подхода, сосредоточенного исключительно на индивидуальном инвестиционном отношении. Защита инвесторов сохраняется, однако она встраивается в более широкий механизм управления финансовыми рисками, ориентированный на предотвращение потенциальных негативных последствий автоматизации инвестиционного консультирования для функционирования финансовых рынков.

3.3. Китай: поэтапное ограничение функций и макропруденциальная ориентация регулирования

Китайское регулирование интеллектуального инвестиционного консультирования изначально строится на жестком разграничении инвестиционного консультирования и управления активами. Действующие нормативные акты прямо запрещают инвестиционным консультантам заменять клиента при принятии инвестиционных решений и самостоятельно исполнять сделки, что направлено на предотвращение конфликта интересов и недопущение скрытого дискреционного управления³⁴. Интеллектуальный инвестиционный консультант рассматривается прежде всего как поставщик рекомендаций, тогда как окончательное инвестиционное решение и формальная ответственность за него сохраняются за инвестором.

По мере развития автоматизированных сервисов регулятор допустил ограниченное использование интеллектуальных инвестиционных консультантов в пределах пилотных режимов, одновременно усилив требования к раскрытию информации, оценке инвестиционной пригодности и внутреннему контролю³⁵. Эти послабления не сопровождались пересмотром базового подхода к распределению функций: автоматизация не должна приводить к фактическому смещению инвестиционного решения от клиента к финансовой организации.

Ключевую роль в формировании современной модели сыграли Руководящие мнения о нормализации деятельности финансовых институтов в сфере управления активами 2018 г., принятые совместно Народным банком Китая, Комиссией по регулированию банковского и страхового сектора, Комиссией по регулированию рынка ценных бумаг и Государственным

²⁹ См.: MiFID II, ст. 9(3).

³⁰ См.: MiFID II, ст. 9(4).

³¹ См.: MiFID II, ст. 8.

³² См.: MiFID II, ст. 16.

³³ См.: MiFID II, ст. 17.

³⁴ Временные положения о деятельности инвестиционного консультирования в сфере ценных бумаг, утвержденные объявлением Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг Китая от 12.10.2010 № 27, в ред. объявления Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг Китая от 20.03.2020 № 20 (《证券投资顾问业务暂行规定》, 中国证监会公告(2010)27号; (2020)20号).

³⁵ Уведомление Управления институтов Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг Китая о порядке проведения пилотных проектов по инвестиционному консультированию публично размещаемых фондов ценных бумаг от 25.10.2019 (《关于做好公开募集证券投资基金投资顾问业务试点工作的通知》中国证监会机构部函(2019)2515号).

управлением валютного контроля³⁶. В статье 23 данного акта были конкретизированы правовые границы использования интеллектуальных технологий в инвестиционном консультировании и управлении активами. Во-первых, закреплены требования к профессиональной квалификации и лицензированию, использование алгоритмических инвестиционных сервисов допускается лишь при наличии у соответствующего субъекта статуса инвестиционного консультанта, при этом нефинансовым организациям запрещается под видом интеллектуального консультирования фактически осуществлять деятельность по управлению активами. Во-вторых, подтверждается обязательность соблюдения принципа инвестиционной пригодности, включая корректную оценку характеристик инвестора и соразмерность предлагаемых им решений его риск-профилю, независимо от степени автоматизации рекомендаций. В-третьих, устанавливаются специальные обязанности по раскрытию информации об алгоритмических программах, в том числе об их функциональной логике, используемых допущениях и связанных с ними рисках.

Одновременно усилена ответственность финансовых институтов за ущерб, причиненный инвесторам в результате нарушений законодательства или ненадлежащего управления. При этом регулирование не ограничивается рамками классической индивидуальной ответственности. В случаях злоупотреблений, связанных с самоторговлей, аффилированными сделками или нарушением обязанности лояльности, могут быть применены правовые конструкции, направленные на устранение неправомерно полученной выгоды, включая механизмы, заимствованные из доверительного права³⁷. Наряду

с этим, китайское регулирование предусматривает обязательный контроль человека за функционированием алгоритмических систем. При выявлении дефектов моделей, системных сбоев либо эффектов алгоритмической однородности, способных привести к «стадному поведению» и повлиять на устойчивость рынка, финансовые институты обязаны корректировать или прекращать использование соответствующих сервисов. Эти требования направлены на ограничение негативных последствий автоматизации еще до того, как они примут массовый характер³⁸. В совокупности интеллектуальные инвестиционные консультанты в Китае охватываются системой надзора за управлением активами. Локализация рисков достигается не только через индивидуальные обязательства перед инвестором, но и посредством макропруденциальных инструментов, ориентированных на предотвращение накопления и распространения рисков на уровне финансового рынка³⁹.

В сопоставлении американского, европейского и китайского подходов прослеживается общая тенденция смещения регулирования интеллектуального инвестиционного консультирования за пределы классической логики индивидуального инвестиционного отношения. При сохранении различий в институциональных решениях все три правовых порядка исходят из того, что автоматизация инвестиционных рекомендаций способна порождать риски вне частного взаимодействия между консультантом и инвестором. В американской модели ключевую роль играет фидуциарная обязанность инвестиционного консультанта, сохраняющая свое значение независимо от степени технологической автоматизации. Европейский Союз делает акцент на предварительном структурировании

³⁶ Руководящие мнения Народного банка Китая, Комиссии по регулированию банковского и страхового сектора Китая, Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг Китая и Государственного управления валютного контроля о нормализации деятельности финансовых институтов в сфере управления активами от 27.04.2018 (中国人民银行、中国银行保险监督管理委员会、中国证券监督管理委员会、国家外汇管理局《关于规范金融机构资产管理业务的指导意见》(银发〔2018〕106号)).

³⁷ См.: Чжоу Чуньгуан, Чжу Илин. Трудности практики интеллектуальных инвестиционных консультантов в перспективе финансовых технологий и правовые ответы // Журнал Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (социальные науки). 2025. № 2. С. 99 (周春光、朱奕霖:《科技金融视域下智能投顾实践的困境检视与法治因应》,载《东北农业大学学报(社会科学版)》2025年第2期,第99页).

³⁸ См.: Го Ли. Правовое обеспечение национальной финансовой безопасности и динамическая координационная модель // Китайский юридический обзор. 2024. № 4. С. 6–8 (郭雳:《国家金融安全的法治保障及其动态协同进阶》,载《中国法律评论》2024年第4期,第6–8页).

³⁹ См.: Го Цзиньян. Правовая теория инклюзивного и осмотрительного регулирования цифровых финансов // Северное право. 2025. Т. 19. № 2. С. 27–30 (郭金良:《数字金融包容审慎监管法治论》,载《北方法学》2025年第2期,第27–30页).

деятельности через механизмы допуска, организационные требования и надзор до выхода на рынок. Китай сочетает функциональные ограничения с макропруденциальными инструментами, встраивая интеллектуальное инвестиционное консультирование в более широкую систему контроля управления активами и финансовой стабильности.

Тем самым защита инвестора в каждом из рассматриваемых правовых порядков не утрачивает самостоятельности, однако перестает рассматриваться как единственный и достаточный ориентир регулирования. Она включается в более широкий контекст управления финансовыми рисками, где ключевое значение приобретает предотвращение их накопления и распространения на уровне рынка. Именно в этом направлении прослеживается трансформация правового регулирования интеллектуального инвестиционного консультирования в условиях обеспечения финансовой безопасности.

4. Трансформация логики правового регулирования в условиях алгоритмизации финансовых рынков

Анализ трансформации логики правового регулирования требует уточнения того, каким образом и в каких границах допустимо расширение регуляторного воздействия за пределы индивидуального инвестиционного отношения. Само по себе расширение регуляторного воздействия еще не решает проблем, возникающих в условиях алгоритмизации, и при отсутствии ясных критериев может привести к тому, что правовые механизмы будут вытесняться административно-техническими способами контроля. В условиях алгоритмизации финансовых рынков на первый план выходит необходимость установить пределы и условия, при которых подобное вмешательство может считаться юридически оправданным.

Прежде всего, институциональное расширение регулирования оправдано лишь тогда, когда риски носят структурный характер и не поддаются эффективному управлению посредством традиционных частноправовых инструментов. Если негативные последствия могут быть лока-

лизированы в конкретном инвестиционном отношении и компенсированы через механизмы ответственности, основания для выхода за пределы индивидуального уровня отсутствуют. Напротив, когда риски формируются в результате масштабируемого применения алгоритмов, их синхронного взаимодействия или платформенной концентрации, индивидуальный договор перестает выполнять функцию адекватного регуляторного фильтра⁴⁰. Во-вторых, расширение регулирования не означает автоматического переноса акцента на техническую детализацию алгоритмов. Право не располагает ни институциональными, ни методологическими ресурсами для полноценной оценки корректности математических моделей как таковых. Попытка подменить правовое регулирование технической экспертизой неизбежно ведет к утрате нормативных критериев и размыванию границ ответственности. Именно поэтому юридически значимым объектом регулирования должны оставаться не алгоритмы в их техническом измерении, а институциональные условия их разработки, внедрения и использования⁴¹.

Если говорить проще, расширение регулирования в сфере интеллектуального инвестиционного консультирования не означает попытку регулировать собственно алгоритмы. Основной вопрос заключается в том, как организовано использование автоматизированных моделей внутри финансового института и кто несет ответственность за принимаемые с их помощью решения. В этом смысле внимание регулятора смещается к конкретным элементам, к распределению функций между автоматизированными системами и сотрудниками, к процедурам внутреннего контроля, а также к способности организации своевременно замечать нетипичные или потенциально опасные результаты работы алгоритмов. При таком подходе алгоритм рассматривается не как самостоятельный объект правового воздействия, а как фактор, который может усиливать уже известные для финансового рынка риски, прежде всего концентрацию стратегий и синхронность поведения участников. Поэтому предметом регулирования становятся управленческие решения, обуславливающие масштаб и способы применения автоматизированных рекомендаций.

⁴⁰ См.: Ян Дун. Указ. соч. С. 75–77.

⁴¹ См.: Ван Цинхуа. Пути правового регулирования искусственного интеллекта: рамочный анализ // Современная юриспруденция. 2019. № 2. С. 55–57 (汪庆华: 《人工智能的法律规制路径: 一个框架性讨论》, 载《现代法学》2019年第2期, 第55–57页).

При этом пределы вмешательства государства задаются принципом соразмерности; даже если использование алгоритмов способно создавать системные эффекты, это не означает необходимости запрещать такие модели или устанавливать постоянный технический надзор. Регуляторные меры ориентируются на блокирование каналов накопления и передачи рисков, требования к тестированию и устойчивости моделей, мониторинг концентрации сходных стратегий, возможность временного ограничения автоматизированных операций в условиях резкой рыночной нестабильности. Вне таких ситуаций повседневная деятельность поставщиков услуг сохраняет относительную автономию⁴².

Наконец, при расширении регуляторного воздействия принципиально важно не смешивать управление финансовыми рисками с вопросами юридической ответственности. Меры, направленные на снижение системных рисков и поддержание финансовой стабильности, решают иную задачу, чем установление ответственности за причиненный ущерб. Если эти уровни не разграничивать, возникает опасность, что регулирование, формально ориентированное на финансовую безопасность, будет размывать круг ответственных лиц или создавать ситуацию, когда системные риски фактически распределяются между неопределенным числом участников рынка, не будучи закрепленными за конкретными субъектами. Напротив, расширение регуляторного порядка предполагает сохранение принципа конечной ответственности финансовых институтов за результаты функционирования используемых ими алгоритмических решений⁴³. Таким образом, границы институционального расширения регулирования определяются не технологическим фактором как таковым, а юридической природой формируемых рисков. Регуляторное вмешательство оказывается обоснованным лишь постольку, поскольку оно направлено на предотвращение накопления и распространения финансовых рисков, не поддающихся управлению на уровне индивидуального инвестиционного отношения, и при этом сохраняет нормативную структуру ответственности и предсказуемость правового порядка.

Заключение

Интеллектуальные инвестиционные консультанты не просто усложняют применение отдельных институтов финансового права, а ставят под сомнение исходную логику регулирования, основанную на индивидуальном инвестиционном отношении. В условиях алгоритмизации инвестиционных решений юридически значимые риски формируются и реализуются вне поведения конкретного субъекта и не всегда коррелируют с нарушением формальных требований законности. Это означает, что традиционная модель финансово-правового регулирования, ориентированная преимущественно на индивидуальную ответственность, фидуциарную обязанность и последующее реагирование на нарушения, обладает структурными ограничениями при оценке рисков интеллектуального инвестиционного консультирования.

Даже при добросовестном соблюдении комплаенс-обязанностей такие риски могут накапливаться и проявляться на уровне рынка, затрагивая устойчивость его функционирования. В этом смысле финансовая безопасность выступает не как дополнительная политико-правовая цель, а как необходимое регуляторное измерение, позволяющее выявить те формы риска, которые не охватываются частноправовой логикой защиты инвесторов. Обращение к финансовой безопасности не отменяет индивидуальные механизмы ответственности, но задает пределы их достаточности и указывает на необходимость институционального управления условиями распространения алгоритмических решений.

Следовательно, трансформация финансово-правового регулирования интеллектуальных инвестиционных консультантов не предполагает создания самостоятельного правового режима для новых технологий. Речь идет о перераспределении акцентов в регулировании: от оценки отдельных инвестиционных рекомендаций к управлению совокупными финансовыми рисками, возникающими в условиях алгоритмизации финансовых рынков. Именно в этом заключается правовой смысл включения интеллектуальных инвестиционных консультантов в сферу финансовой безопасности.

⁴² См.: Ян Цзяньсюнь. Указ. соч. С. 115–117.

⁴³ См.: Гао Сыминь. Указ. соч. С. 56–58.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Хуайюн. Алгоритмические риски финансовых технологий и их правовое регулирование // Политико-правовой сборник. 2021. № 1. С. 105–116 (王怀勇:《金融科技的算法风险及其法律规制》,载《政法论丛》2021年第1期,第105–116页).

Ван Хуайюн, Дэн Жохань. Риск алгоритмической конвергенции: теоретическое обоснование и логика управления // Современные экономические исследования. 2021. № 1. С. 113–121 (王怀勇、邓若翰:《算法趋同风险:理论证成与治理逻辑》,载《现代经济探讨》2021年第1期,第113–121页).

Ван Цинхуа. Пути правового регулирования искусственного интеллекта: рамочный анализ // Современная юриспруденция. 2019. № 2. С. 55–57 (汪庆华:《人工智能的法律规制路径:一个框架性讨论》,载《现代法学》2019年第2期,第54–63页).

Ван Цэ. Регулирование интеллектуальных инвестиционных консультантов в цифровую эпоху // Вестник Хэнаньского университета (Социальные науки). 2025. № 3. С. 36–41 (王策:《数字时代的智能投顾监管:理念培育与制度表达》,载《河南大学学报(社会科学版)》2025年第3期,第36–41页).

Ван Цэ, Лю Бэй. Теоретическая рефлексия и институциональное конструирование регулирования интеллектуальных инвестиционных консультантов // Журнал социальных наук Цзилиньского университета. 2025. № 3. С. 201–210 (王策、刘蓓:《智能投顾规制的理论反思与制度构建》,载《吉林大学社会科学学报》2025年第3期,第201–210页).

Гао Сыминь. Идентификация субъектов и установление обязанностей в модели интеллектуального инвестиционного консультирования // Исследования в области юриспруденции. 2018. № 5. С. 40–57 (高丝敏:《智能投资顾问模式中的主体识别和义务设定》,载《法学研究》2018年第5期,第40–57页).

Го Ли. Правовое обеспечение национальной финансовой безопасности и динамическая координационная модель // Китайский юридический обзор. 2024. № 4. С. 2–12 (郭雳:《国家金融安全的法治保障及其动态协同进路》,载《中国法律评论》2024年第4期,第2–12页).

Гэ Жуи, Ху Жун. Влияние интеллектуальных инвестиционных консультантов на инвестиционное поведение в условиях интернет-финансов // Журнал системного управления. 2021. № 1. С. 94–100 (葛如一、胡蓉:《互联网金融环境下智能投顾对于投资行为的影响》,载《系统管理学报》2021年第1期,第94–100页).

Ли Вэйтао, Лю Дань. Правовые риски интеллектуальных инвестиционных консультантов // Ученые записки Улин. 2022. № 4. С. 54–66 (李巍涛、刘丹:《智能投顾法律风险问题研究》,载《武陵学刊》2022年第4期,第54–66页).

Ли Вэньли, Ян Юэцзе. Правовые риски интеллектуальных инвестиционных консультантов и предложения по их регулированию // Юриспруденция. 2017. № 8. С. 15–26 (李文莉、杨玥捷:《智能投顾的法律风险及监管建议》,载《法学》2017年第8期,第15–26页).

Лу Сяомэн, Ван Ибин, У Вэйсин. Традиционные инвестиционные консультанты и интеллектуальные инвестиционные консультанты: замещение или взаимодополнение? // Управленческий мир. 2023. № 10. С. 74–98 (路晓蒙、王一冰、吴卫星:《传统投资顾问和智能投资顾问:替代还是互补?》,载《管理世界》2023年第10期,第74–98页).

Лю Бохань. Диалектика ценности алгоритмической прозрачности интеллектуальных инвестиционных консультантов // Вестник Шэньчжэньского университета (Гуманитарные и социальные науки). 2024. № 1. С. 103–113 (刘博涵:《智能投顾算法透明的价值辩证、规制导向与实现路径》,载《深圳大学学报(人文社会科学版)》2024年第1期,第103–113页).

Люй Тунтао. Потенциальные риски алгоритмической однородности в биржевой торговле и пути их предотвращения // Вестник Даляньского политехнического университета (Социальные науки). 2025. № 2. С. 120–128 (吕桐弢:《证券交易算法同质化的潜在风险与防范进路》,载《大连理工大学学报(社会科学版)》2025年第2期,第120–128页).

У Е, Е Линь. Сущность «интеллектуальных инвестиционных консультантов» и пути их правового регулирования // Юридический журнал. 2018. № 5. С. 16–28 (吴烨、叶林:《“智能投顾”的本质及规制路径》,载《法学杂志》2018年第5期,第16–28页).

Ян Дун. Регуляторные технологии: вызовы финансового регулирования в условиях финтех и конструирование регуляторных измерений // Китайские общественные науки. 2018. № 5. С. 69–91 (杨东:《监管科技:金融科技的监管挑战与维度建构》,载《中国社会科学》2018年第5期,第69–91页).

Ян Дун, У Юйцзя. Исследование института инвестиционной пригодности в интеллектуальном инвестиционном консультировании // Вестник Национального института прокуроров. 2019. № 2. С. 3–18 (杨东、武雨佳:《智能投顾中投资者适当性制度研究》,载《国家检察官学院学报》2019年第2期,第3–18页).

Ян Цзяньсюнь. Правовые ответы на системные риски интеллектуализированных финансовых рынков // Финансово-правовые исследования. 2025. № 2. С. 110–126 (阳建勋:《智能化金融市场系统性风险的法治应对》,载《财经法学》2025年第2期,第110–126页).

French C. W. The Treynor Capital Asset Pricing Model // Journal of Investment Management. 2003. Vol. 1. No 2. P. 60–72.

Irwin S. D., Lane S. A., Mendelson C. W. Wasn't My Broker Always Looking Out for My Best Interests? The Road to Become a Fiduciary // Duquesne Business Law Journal. 2009. Vol. 12. P. 41–61.

Markowitz H. M. Portfolio Selection // Journal of Finance. 1952. Vol. 7. No. 1. P. 77–91.

Markowitz H. M. Portfolio Selection: Efficient Diversification of Investment. New York : Wiley, 1959.

REFERENCES

French CW. The Treynor Capital Asset Pricing Model. *Journal of Investment Management*. 2003;1(2):60-72.

Gao Simin. Identification of subjects and establishment of responsibilities in the model of intelligent investment consulting. *Issledovaniya v oblasti iurisprudentsii*. 2018;5:40-57. (高丝敏:《智能投资顾问模式中的主体识别和义务设定》,载《法学研究》2018年第5期,第40-57页). (In Chinese).

Ge Rui, Hu Rong. The influence of intelligent investment consultants on investment behavior in the context of online finance. *Zhurnal sistemnogo upravleniya*. 2021;1:94-100. (葛如一、胡蓉:《互联网金融环境下智能投顾对于投资行为的影响》,载《系统管理学报》2021年第1期,第94-100页). (In Chinese).

Go Li. Legal provision of national financial security and a dynamic coordination model. *Kitaiskiy yuridicheskiy obzor*. 2024;4:2-12. (郭雳:《国家金融安全的法治保障及其动态协同进路》,载《中国法律评论》2024年第4期,第2-12页). (In Chinese).

Irwin SD, Lane SA, Mendelson CW. Wasn't My Broker Always Looking Out for My Best Interests? The Road to Become a Fiduciary. *Duquesne Business Law Journal*. 2009;12:41-61.

Li Weitao, Liu Dan. Legal risks of intellectual investment consultants. *Uchenye zapiski Ulin*. 2022;4. (李巍涛、刘丹:《智能投顾法律风险问题研究》,载《武陵学刊》2022年第4期,第54-66页). (In Chinese).

Li Wenli, Yang Yuejie. Legal risks of intellectual investment consultants and proposals for their regulation. *Yurisprudentsiya*. 2017;8:15-26. (李文莉、杨玥捷:《智能投顾的法律风险及监管建议》,载《法学》2017年第8期,第15-26页). (In Chinese).

Liu Bohan. Dialectics of the value of algorithmic transparency of intelligent investment consultants. *Vestnik Shenchzhenskogo universiteta (Gumanitarnye i sotsialnye nauki)*. 2024;1:103-113. (刘博涵:《智能投顾算法透明的价值辩证、规制导向与实现路径》,载《深圳大学学报(人文社会科学版)》2024年第1期,第103-113页). (In Chinese).

Lu Tongtao. Potential risks of algorithmic uniformity in stock trading and ways to prevent them. *Vestnik Dalianskogo politekhnicheskogo universiteta (Sotsialnye nauki)*. 2025;2:120-128. (吕桐涛:《证券交易算法同质化的潜在风险与防范进路》,载《大连理工大学学报(社会科学版)》2025年第2期,第120-128页). (In Chinese).

Lu Xiaomeng, Wang Yibing, Wu Weixing. Traditional investment consultants and intelligent investment consultants: Substitution or complementarity? *Upravlencheskiy mir*. 2023;10:74-98. (one晓蒙、王一冰、吴卫星:《传统投资顾问和智能投资顾问:替代还是互补?》,载《管理世界》2023年第10期,第74-98页). (In Chinese).

Markowitz HM. Portfolio Selection. *Journal of Finance*. 1952;7(1):77-91.

Markowitz HM. Portfolio Selection: Efficient Diversification of Investment. New York; 1968.

Wang Huaiyong, Deng Ruohan. The risk of algorithmic convergence: theoretical justification and management logic. *Sovremennye ekonomicheskie issledovaniya*. 2021;1:113-121. (王怀勇、邓若翰:《算法趋同风险:理论证成与治理逻辑》,载《现代经济探讨》2021年第1期,第113-121页). (In Chinese).

Wang Huayun. Algorithmic risks of financial technologies and their legal regulation. *Politiko-pravovoi sbornik*. 2021;1:105-116. (王怀勇:《金融科技的算法风险及其法律规制》,载《政法论丛》2021年第1期,第105-116页). (In Chinese).

Wang Qinghua. Ways of legal regulation of artificial intelligence: a framework analysis. *Sovremennaya iurisprudentsiya*. 2019;2:55-57. (汪庆华:《人工智能的法律规制路径:一个框架性讨论》,载《现代法学》2019年第2期,第54-63页). (In Chinese).

Wang Tse. Regulation of Intelligent Investment Advisors in the Digital Age. *Vestnik Khenanskogo universiteta (Sotsialnye nauki)*. 2025;3:36-41. (王策:《数字时代的智能投顾监管:理念培育与制度表达》,载《河南大学学报(社会科学版)》2025年第3期,第36-41页). (In Chinese).

Wang Ce, Liu Bei. Theoretical reflection and institutional design of regulation of intellectual investment consultants. *Zhurnal sotsialnykh nauk Tszilinskogo universiteta*. 2025;3:201-210. (王策、刘蓓:《智能投顾规制的理论反思与制度构建》,载《吉林大学社会科学学报》2025年第3期,第201-210页). (In Chinese).

Wu Ye, Ye Lin. The essence of «intellectual investment advisors» and ways of their legal regulation. *Yuridicheskii zhurnal*. 2018;5:16-28. (吴烨、叶林:《“智能投顾”的本质及规制路径》,载《法学杂志》2018年第5期,第16-28页). (In Chinese).

Yang Dong, Wu Yujia. Research of the Institute of investment suitability in intellectual investment consulting. *Vestnik Natsionalnogo instituta prokurorov*. 2019;2:3-18. (杨东、武雨佳:《智能投顾中投资者适当性制度研究》,载《国家检察官学院学报》2019年第2期,第3-18页). (In Chinese).

Yang Dung. Regulatory technologies: Challenges of financial regulation in the context of fintech and the construction of regulatory dimensions. *Kitayskie obshchestvennye nauki*. 2018;5:69-91. (杨东:《监管科技:金融科技的监管挑战与维度建构》,载《中国社会科学》2018年第5期,第69-91页). (In Chinese).

Yang Jianxun. Legal responses to the systemic risks of intellectualized financial markets. *Finansovo-pravovye issledovaniya*. 2025;2:110-126. (阳建勋:《智能化金融市场系统性风险的法治应对》,载《财经法学》2025年第2期,第110-126页). (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чэнь Юйси, докторант юридических наук, Китайский университет политических наук и права
д. 25, Ситучэн ул., г. Пекин 100088, Китайская Народная Республика
nadiachen99@126.com

Шмелева Марина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
civil2012@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chen Yuxi, PhD in Law, Chinese University of Political Science and Law, Beijing, People's Republic of China
nadiachen99@126.com

Marina V. Shmeleva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
civil2012@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 января 2025 г.

Статья получена после рецензирования 13 января 2026 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 12.01.2025.

Revised 13.01.2026.

Accepted 17.01.2026.

В. А. Канашевский

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Преодоление запретов и ограничений, принятых недружественными странами, в международном частном морском праве

Резюме. Антироссийские «санкции» повлекли за собой необходимость использования российскими субъектами предпринимательской деятельности офшорных компаний для организации морских перевозок и продажи нефтепродуктов. С точки зрения международного частного права данные действия можно квалифицировать в качестве частного случая обхода закона. В недружественных странах обход антироссийских «санкций» рассматривается как попытка обойти сверхимперативные нормы (преобладающие императивные положения). Понятие теневого флота не имеет четкого нормативного определения, хотя и используется в «санкционных» актах недружественных стран. Отсутствие дефиниции способствует злоупотреблениям иностранных регуляторов в отношении судов, контролируемых российскими лицами. Для преодоления незаконных «санкционных» ограничений в области международных расчетов при морских перевозках и реализации грузов российские лица вынуждены использовать многоуровневую структуру владения морскими судами через зарубежные юрисдикции и новые инструменты платежа, полностью или частично подчиненные иностранному правопорядку. Вследствие масштабных «санкций» теория обхода закона в международном частном праве получила богатый эмпирический материал, который нуждается в серьезном теоретическом осмыслении.

Ключевые слова: обход закона; сверхимперативные нормы; теневой флот; офшорные компании; бенефициары; санкции; недружественные страны; криптовалюты; морское страхование; иностранные страховщики

Для цитирования: Канашевский В. А. Преодоление запретов и ограничений, принятых недружественными странами, в международном частном морском праве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 157–165. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.157-165

Overcoming Prohibitions and Restrictions Imposed by «Unfriendly» Countries in Private International Maritime Law

Vladimir A. Kanashevsky

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The anti-Russian «sanctions» have led to the need for Russian business entities to use offshore companies to organize maritime transportation and the sale of petroleum products. From the point of view of private international law, these actions can be qualified as a special case of circumvention of law. In unfriendly countries, circumvention of anti-Russian «sanctions» is seen as an attempt to circumvent overriding mandatory rules (prevailing imperative provisions). The concept of the «shadow» fleet lacks a clear statutory definition, despite being referenced in the

«sanctions» acts of unfriendly countries. The absence of a definition facilitates abuses by foreign regulators against vessels controlled by Russian entities. To overcome illegal «sanction» restrictions in international settlements for maritime transportation and cargo sales, Russian entities are forced to utilize multi-layered ownership structures for vessels through foreign jurisdictions and new payment instruments, which are wholly or partially subject to foreign legal systems. Due to the large-scale «sanctions», the theory of circumvention of law in private international law has acquired substantial empirical material that requires serious theoretical analysis.

Keywords: circumvention of law; overriding mandatory rules; shadow fleet; offshore companies; beneficiaries; sanctions; unfriendly countries; cryptocurrencies; marine insurance; foreign insurers

Cite as: Kanashevsky VA. Overcoming Prohibitions and Restrictions Imposed by «Unfriendly» Countries in Private International Maritime Law. *Lex russica*. 2026;79(2):157-165. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.157-165

Обход закона в международном частном праве (фр. fraude à la loi) — это ситуация, когда стороны, желая уклониться от применения неудобной, с их точки зрения, нормы национального закона, своими действиями создают фактический состав, при котором применимым к отношению будет избрано право другого государства, содержащее более благоприятные для сторон нормы.

К случаям обхода закона относятся ситуации учреждения компаний в офшорных юрисдикциях в целях исключения или минимизации налогообложения, создания более благоприятной структуры управления компаниями группы (холдинговой структуры), управления российскими активами, подчинения соглашений иностранному праву и иностранной юрисдикции в силу введения в них «иностранного элемента» и т.п. Аналогичным образом учреждение за рубежом трастов помогает избежать («обойти») применение национального семейного и наследственного законодательства, содержащего императивные предписания о разделе совместно нажитого имущества и определяющего обязательную долю в наследовании для несовершеннолетних детей, нетрудоспособных иждивенцев и т.п.

С формально-юридической точки зрения такие действия нельзя назвать противозаконными, если они не запрещены правом соответствующей страны. Если законодательство государства позволяет сторонам подчинять свои отношения правопорядку другого государства или иным образом избегать применения своего национального закона, последствия таких действий не могут считаться противозаконными. Коллизионная норма должна действовать даже тогда, когда обстоятельства для ее при-

менения созданы искусственно в целях обхода того или иного национального закона.

Масштабные «санкции», точнее — односторонние принудительные меры недружественных государств против России, побудили отечественных физических и юридических лиц к обходу европейских и американских запретов и ограничений. За рубежом, в недружественных государствах, созданы рабочие группы и проведены специальные исследования, в которых выявлены и систематизированы различные варианты обхода санкций. Так, выделяются следующие типичные способы обхода санкций: а) использование членов семьи и близких друзей для осуществления контроля и доступа к активам; б) вложение средств в объекты недвижимости; в) использование сложных структур владения для сокрытия личности собственника; г) указание неверной коммерческой информации и искусственная привязка к юрисдикции третьих стран для содействия поставке товаров в Россию¹.

Исследователи отмечают, что российские олигархи для обхода санкций используют офшорные компании, трасты и их аналоги для сокрытия своих связей с приобретаемыми за рубежом активами. Содействие в таком сокрытии оказывают учредители трастов, их протекторы, доверительные управляющие, бенефициары, а также родственники, друзья и доверенные лица. Такие трастовые структуры, как правило, создаются в офшорных безналоговых юрисдикциях. Для обхода санкций часто используются посредники — юристы, бухгалтеры и трастовые управляющие².

С точки зрения международного частного права данные действия являются не чем иным, как способами обхода закона, то есть целе-

¹ Global Advisory on Russian Sanctions Evasion Issued Jointly by the Multilateral REPO Task Force March 9, 2023 // URL: https://finance.ec.europa.eu/document/download/2de6dab4-a754-49f5-ba92-43a48888c1b7_en. P. 1 (дата обращения: 01.11.2025).

² Global Advisory on Russian Sanctions Evasion Issued Jointly by the Multilateral REPO Task Force March 9, 2023. P. 2–3.

направленным созданием заинтересованной стороной или сторонами связующего состава, для того чтобы избежать применения права, обычно применимого в данной ситуации³.

Стоит отметить, что некоторые страны запрещают обход закона в международном частном праве. Например, согласно ст. 21 Гражданского кодекса Кабо-Верде «при применении коллизионных норм не учитываются фактические и юридические ситуации, созданные с обманым намерением обойти применение того закона, который в других обстоятельствах являлся бы компетентным»⁴. Обход закона запрещен законодательством Казахстана (ст. 1088 ГК)⁵, Кыргызстана (ст. 1171 ГК)⁶, которые заимствовали соответствующие нормы из ст. 1198 Модельного гражданского кодекса для стран СНГ.

Тем не менее обход закона как таковой большинством правовых систем прямо не запрещен. В частности, ни законодательство РФ (часть III ГК РФ), ни законодательство КНР⁷ не содержат норм, запрещающих обход закона в международном частном праве. Считается, что если коллизионная норма позволяет создавать фактический состав, который ведет к применению благоприятного права, то результат таких действий должен быть признан.

Обход антироссийских санкционных запретов может быть расценен по-разному в России и недружественных государствах, поддерживающих данные запреты. За рубежом санкции зачастую рассматриваются в качестве сверхимперативных норм или «преобладающих императивных норм» (англ. *overriding mandatory provisions*), определение которых содержится в ст. 9 Регламента ЕС о праве, применимом к договорным обязательствам, 2008 г. (Рим I)⁸.

Российские суды не должны признавать за санкционными ограничениями эффекта сверхимперативных норм третьих стран согласно п. 2

ст. 1192 ГК РФ по трем причинам. Во-первых, санкционные ограничения носят выраженный публично-правовой характер, не являются по своей сути частноправовыми нормами. Во-вторых, «санкции» являются дискриминационными, поскольку в абсолютном своем большинстве приняты только в отношении российских лиц. В-третьих, «санкции» являются незаконными, поскольку противоречат международному праву — они приняты за рамками Совета Безопасности ООН.

С точки зрения российского права обход санкционных ограничений как частный случай обхода закона в международном частном праве вполне допустим. Одним из наиболее распространенных способов обхода закона является использование офшорных компаний в целях регистрации на них морских судов для перевозки грузов в обход антироссийских «санкций».

Использование офшорных компаний в торговом мореплавании всегда было распространенной практикой. Около 100 тыс. торговых судов обеспечивают 95 % всей мировой торговли⁹. В торговом мореплавании используются два вида договора фрахтования судов — бербоут-чартер (договор фрахтования судна без экипажа) и тайм-чартер (договор фрахтования судна с экипажем). Предметом бербоут- и тайм-чартера является предоставление в аренду всего судна или его части на срок, а не на рейс, как в рейсовом чартере¹⁰. Российские судоходные компании зачастую фрахтуют суда у иностранных компаний по бербоут-чартеру и сдают их другим иностранным компаниям со своим экипажем в тайм-чартер. Нередко морские суда «заводятся под удобный флаг», то есть регистрируются на офшорные компании в офшорных юрисдикциях (по формуле «одна компания — одно судно»). Такая модель имеет следующие основные преимущества. Во-пер-

³ Chu Y. Research on Evasion of law in Private International Law // BCP Social Sciences & Humanities, 2023. Vol. 21. P. 745. URL: <https://bcppublication.org/index.php/SSH/article/download/3811/3719/3688> (дата обращения: 01.11.2025).

⁴ Международное частное право : сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. М., 2021. С. 354.

См. также ст. 19 ГК Макао.

⁵ Международное частное право : сборник национальных кодификаций. С. 363.

⁶ Международное частное право : сборник национальных кодификаций. С. 408.

⁷ Chu Y. Op. cit. P. 748.

⁸ Szabados T. Economic Sanctions in EU Private International Law. Oxford : Hart Publishing, 2019. P. 36.

⁹ См.: Урри Дж. Офшоры. М. : Дело, 2017. С. 233.

¹⁰ См.: Холопов К. В. Международное частное транспортное право. Анализ норм международного и российского транспортного права : учеб. пособие. М. : Статут, 2010. С. 95.

вых, снижение размера ежегодных регистрационных платежей и прочих сборов. Во-вторых, простота продажи судна другому лицу: с передачей акций офшорной компании новому собственнику переходят права и на актив компании — судно. Дополнительный плюс — отсутствие налогообложения во многих офшорных юрисдикциях при совершении сделок купли-продажи акций офшорной компании.

Как пишет Дж. Урри, крупнейшие из таких офшорных мест регистрации, или регистров удобных флагов, — Панама, Либерия и Маршалловы острова, где зарегистрированы 2/5 всех судов. Суды под такими флагами на самом деле не имеют национальности и почти буквально находятся «вне любых берегов», то есть в офшоре. Регистрация под удобным флагом обычно дешева, быстра (иногда в течение 24 часов), не облагается налогами и почти не регулируется. Члены экипажа нередко малоквалифицированы, их труд не охраняется должным образом. Такие суда часто терпят бедствия из-за несоблюдения требований безопасности к конструкции судов¹¹. «В общем, складываются очень сложные схемы прав собственности на судно, намеренно создаваемые для ухода от исполнения обязательств, налагаемых на собственника, от установленных законом проверок, от необходимости обеспечивать достойные условия труда и платить положенные налоги»¹².

По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), 73 % мирового нацио-

нального тоннажа плавают под иностранным флагом¹³. В частности, в 2022 г. самый современный флот и самые крупные суда России работали под иностранными флагами, их дедвейт¹⁴ составлял 61,5 % от общероссийского¹⁵. По данным Единой государственной системы информации об обстановке в Мировом океане, в 2015 г. из контролируемых Российской Федерацией судов под российским флагом находилось 1 110 судов дедвейтом 5 989,4 млн т, а под иностранным флагом — 277 судов дедвейтом 14 279,9 млн т¹⁶. Иностранцами являются главным образом флаги офшорных юрисдикций.

В связи с необходимостью перевода судов, зарегистрированных в морских регистрах офшорных юрисдикций, под российскую юрисдикцию в России был принят закон¹⁷, на основании которого был создан Российский открытый реестр судов. В него включаются используемые в коммерческих целях суда, в том числе маломерные, при условии эксплуатации этих судов лицом, зарегистрированным в качестве участника Специального административного района (САР) в соответствии с Федеральным законом от 03.08.2018 № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края», а также маломерные суда, используемые в некоммерческих целях, спортивные парусные и прогулочные суда¹⁸. Это позволяет в минимальные сроки зарегистрировать объект и получить право использовать российский флаг. Государственная регистрация судов в Российском открытом

¹¹ См.: Урри Дж. Указ. соч. С. 60, 234, 235.

¹² Урри Дж. Указ. соч. С. 236.

¹³ См.: Санторик С. Е. Деофшоризация российского судоходного бизнеса. Риски и перспективы для торгового флота // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deoffshorizatsiya-rossiyskogo-sudohodnogo-biznesa-riski-i-perspektivy-dlya-torgovogo-flota> (дата обращения: 02.11.2025).

¹⁴ Дедвейт (англ. deadweight — «мертвый вес») — масса полезного груза, т.е. максимальное количество груза, топлива, воды, провизии, пассажиров и команды с багажом, которое может перевозить торговое судно без ущерба для безопасности и остойчивости.

¹⁵ Тенишев А. Как нам прорвать транспортную блокаду // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/05/05/920928-prorvat-transportnuyu-blokadu> (дата обращения: 02.11.2025) ; Макеев Н. Россия создает теневой танкерный флот для обхода нефтяных санкций // URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/25/Rossiya-sozdaet-tenevoy-tankernyy-flot-dlya-obkhoda-neftyanykh-sankciy.html> (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁶ Санторик С. Е. Указ. соч.

¹⁷ Федеральный закон от 03.08.2018 № 296-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О внесении изменений в Кодекс торгового мореплавания РФ в части создания Российского открытого реестра судов в связи с принятием Федерального закона “О международных компаниях” и Федерального закона “О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края”» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5089.

¹⁸ П. 9 ст. 33 Кодекса торгового мореплавания РФ 1999 г. (в ред. 2025 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

реестре судов производится в морском порту Калининград либо морском порту Владивосток. При этом предъявление судна капитану морского порта и ввоз судна на территорию России не требуются¹⁹. Внесенные в этот реестр суда вправе плавать под Государственным флагом РФ.

С 2020 г. суда, зарегистрированные в Российском открытом реестре судов лицами — участниками САР, освобождены от транспортного налога. Кроме того, освобожден от НДС ввоз в Россию таких судов, введены пониженные тарифы страховых взносов для плательщиков, получивших статус участника САР, в отношении выплат (вознаграждений) членам экипажей судов²⁰.

В октябре 2022 г. ЕС и G7 установили потолок на цену российской нефти в 60 долл. за баррель. Компании из стран ЕС и G7 не могли оказывать услуги по перевозке, страхованию, агентированию и техническому обслуживанию судов, если стоимость перевозимой российской нефти и нефтепродуктов превышала это значение²¹. Страны ЕС и G7 запрещают подсанкционным судам заходить в порты данных стран, а местным компаниям запрещено с ними взаимодействовать. Для обхода запрета российские компании закупили множество старых нефтеналивных танкеров; большинство из них плавают под флагами офшорных юрисдикций, но контролируется российскими лицами, заинтересованными в доставке нефти в Китай, Индию, Турцию и другие невраждебные страны.

17-й пакет санкций ЕС против России, принятый в мае 2025 г., затрагивает 200 судов теневого флота, контролируемых российскими лицами²². 18-й пакет санкций, принятый в июле 2025 г., снизил ценовой порог на торговлю российской нефтью до 46,7 долл. за баррель и распространил действие санкций еще на 77 судов

теневого флота. 19-й пакет санкций, принятый в октябре 2025 г., включил в список 117 судов, в результате общее число подсанкционных судов теневого флота составляет более 500.

США также приняли санкции против 183 танкеров, которые рассматриваются как часть российского теневого флота. Помимо судов с российской регистрацией, в санкционные списки США включены суда, контролируемые «Совкомфлотом», зарегистрированные в офшорных юрисдикциях, таких как Панама, Габон и Барбадос. США, вслед за Великобританией, внесли в санкционные списки и двух главных российских морских страховщиков — «Ингосстрах» и «Альфа-страхование»²³. Таким образом, офшорные компании активно используются для обхода санкций, помогая скрыть страну происхождения нефти и истинную национальность владельцев судов.

Понятие «теневой флот» (shadow fleet) активно используется в зарубежной литературе наряду с двумя другими: dark fleet (темный флот) и grey fleet (серый флот). Международная морская организация (ММО) в резолюции от 06.12.2023, которая носит рекомендательный характер, дала следующее определение темного (теневого) флота: темный флот (dark fleet) или серый флот (grey fleet) означают суда, вовлеченные в незаконные операции, совершаемые с целью обхода санкций, а также уклонения от выполнения требований к безопасности мореплавания, охране окружающей среды и несения расходов по страхованию, и вовлеченные в другие виды незаконной деятельности, включая умышленное выключение систем для обнаружения судна и его автоматической идентификации или сокрытие реальной личности судна, когда не существует легитимной цели для таких действий²⁴.

¹⁹ П. 11 ст. 33 Кодекса торгового мореплавания РФ.

²⁰ Федеральный закон от 29.09.2019 № 324-ФЗ «О внесении изменений в статью 24.2 части первой и часть вторую НК РФ» // СЗ РФ. 2019. № 39. Ст. 5374.

²¹ Briefing. European Parliament. Russia's «shadow fleet»: Bringing the threat to light. P. 1 // URL: [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI\(2024\)766242_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI(2024)766242_EN.pdf) (дата обращения: 05.11.2025).

²² Council of the EU. Press release 20 May 2025 // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/05/20/russia-s-war-of-aggression-against-ukraine-eu-agrees-17th-package-of-sanctions/> (дата обращения: 05.11.2025).

²³ US Department of the Treasury. Press releases. Treasury Intensifies Sanctions Against Russia by Targeting Russia's Oil Production and Exports // URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2777> (дата обращения: 06.11.2025).

²⁴ Resolution A.1192(33) Adopted on 6 December 2023 (Agenda item 13) Urging Member States and All Relevant Stakeholders to Promote Actions to Prevent Illegal Operations in the Maritime Sector by the

Иранский опыт обхода нефтяных санкций свидетельствует о целом арсенале средств: хранение нефти в танкерах в открытом море в поисках покупателей, изменение имен судов и их перерегистрация, отключение системы идентификации судов, перегрузка нефти в открытом море с судна на судно²⁵.

Как отмечают зарубежные источники, российская практика использования теневого флота сфокусирована на трех типах действий:

1) перевод судов, которые ранее управлялись российскими компаниями, под управление иностранными компаниями. Например, 90 % танкеров, которыми владел «Совкомфлот», были переданы компаниям, зарегистрированным в ОАЭ и других юрисдикциях;

2) покупка судов старше 15 лет, которые не подлежат страхованию в клубах P&I²⁶;

3) приобретение судов старше 20 лет. Такие суда имеют небольшую стоимость, и их владельцы могут легко отказаться от них, чтобы не нести ответственность за нарушение санкционного режима или вред окружающей среде. Многие суда теневого флота для перевозки российской нефти используют удобные флаги таких офшорных юрисдикций, как Острова Кука, Габон, Либерия, Мальта, Маршалловы Острова, Панама. Используя эти флаги, суда претендуют на то, чтобы их не ассоциировали с Россией, превращая процесс доказывания российского происхождения нефти в трудновыполнимую задачу. Эта задача еще более усложняется регулярной сменой судном своего флага²⁷.

Структура владения судами во многих случаях является многоуровневой, что позволяет

скрыть фигуры конечных бенефициаров судов и грузов, претендующих на то, что они являются законопослушными лицами, не находящимися под санкциями. Что касается страхования, то такие суда приобретают его у компаний из третьих стран, которые не связаны санкционной повесткой²⁸. Для обхода санкций суда теневого флота, контролируемые российскими лицами, используют перегрузку нефти на другие суда в открытом море, смешение российской нефти с иностранной, блокировку транспондеров и систем автоматической идентификации судна²⁹. В качестве дополнительных мер для обхода санкций используется также смена флага, имени, собственника или оператора³⁰.

В зарубежных исследованиях отдельно отмечается, что вызывает сомнение адекватность страхования российского теневого флота, как и то обстоятельство, что российские страховщики будут производить хоть какие-то страховые выплаты в пользу государств, принявших анти-российские санкции³¹.

Традиционно рынок морского страхования контролируется английской корпорацией «Ллойд», чья деятельность регулируется Законом о Ллоиде 1982 г. (The Lloyd's Act)³². Большую известность и практическое применение на мировом рынке страхования получили Условия страхования грузов (Institute Cargo Clauses), разработанные основанным в 1884 г. Объединением лондонских страховщиков (Institute of London Underwriters). В настоящее время действует редакция Оговорок 2009 г., которая заменила прежнюю редакцию 1982 г.³³ Оговорки о страховании грузов делятся на три категории —

«Dark Fleet» or «Shadow Fleet» // URL: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1192\(33\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1192(33).pdf) (дата обращения: 06.11.2025).

²⁵ Чем опасен запрет на страхование танкеров с российской нефтью // URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/06/2022/629769549a79473ee1336696> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁶ P&I (Protection and Indemnity) — страхование владельцев судов от претензий со стороны третьих лиц.

²⁷ Briefing. European Parliament. Russia's «shadow fleet»: Bringing the threat to light. P. 4.

²⁸ Briefing. European Parliament. Russia's «shadow fleet»: Bringing the threat to light. P. 5.

²⁹ Briefing. European Parliament. Russia's «shadow fleet»: Bringing the threat to light. P. 6; Эксперт рассказал о лазейках в санкциях против перевозящих нефть из РФ судов // URL: <https://iz.ru/1343319/2022-06-01/ekspert-rasskazal-o-lazeikakh-v-sanktsiakh-protiv-perevoziashchikh-neft-iz-rf-sudov> (дата обращения: 09.11.2025).

³⁰ Childs N. Russia's «Shadow Fleet» and Sanctions Evasion: What Is To Be Done? January 2025 // URL: <https://www.iiss.org/research-paper/2025/01/russias-shadow-fleet-and-sanctions-evasion/>. P. 6 (дата обращения: 06.11.2025).

³¹ Childs N. Russia's «Shadow Fleet» and Sanctions Evasion: What Is To Be Done? P. 6.

³² Lloyd's Corporation Governance // URL: <https://www.lloyds.com/about-lloyds/governance> (дата обращения: 06.11.2025).

³³ Гришин Г. В. Новые Лондонские оговорки о страховании грузов // Юридическая и правовая работа в страховании. 2009. № 2.

А, В и С. Минимальное страхование предусматривается оговоркой С, максимальное — оговоркой А. Различие между видами страхования отражается на размере страховой премии: чем больше рисков покрывает полис, тем больше стоимость страхования³⁴.

После начала СВО в феврале 2022 г. рынок страхования «Ллойд» отказался предоставлять услуги страхования российским компаниям из-за санкций, введенных Великобританией и ее союзниками против России. В настоящее время международный страховой рынок, на котором работают традиционные страховщики, не покрывает риски в России и Белоруссии³⁵. Страховщикам запрещено предоставлять страховые и связанные с ними услуги (например, выплаты по претензиям) в рамках любой транзакции с подсанкционными российскими юридическими или физическими лицами либо в отношении любого товара или услуги, предоставление которых в Россию запрещено. Отключение некоторых российских банков от международной межбанковской системы SWIFT также создает трудности для отдельных страховых операций (например, сбор премий от российских организаций или выплата претензий им, если средства должны быть переведены через банки, находящиеся под санкциями)³⁶.

Великобритания и ЕС договорились о совместном запрете на страхование всех российских судов, перевозящих российскую нефть. Напомним, что страхование ответственности является обязательным условием для захода во многие порты, оно предоставляется клубами P&I, которые совместно обеспечивают взаимное страхование 90 % океанского тоннажа, объединяя свои риски, а «Ллойд» предоставляет перестраховочное покрытие³⁷. Российским су-

довладельцам пришлось искать альтернативные источники страхования, иначе им было бы отказано в заходе в порты по всему миру. В частности, пригодился советский опыт, когда страхование советского коммерческого флота, занятого на международных линиях, осуществлялось государственным страховым обществом «Ингосстрах»³⁸. В современных условиях российские судовладельцы обращаются как к российским страховщикам, так и к страховщикам из дружественных стран, таких как Китай и Индия.

Представляется, что приоритетным направлением для минимизации санкционного давления должна стать торговля через дружественные юрисдикции, такие как ОАЭ или Китай. Что касается страхования и перестрахования, то следует развивать отечественный страховой рынок и прибегать к услугам отечественных страховщиков и перестраховщиков, а также их коллег из дружественных стран. В частности, в 2022 г. на основе Соглашения между Россией, Арменией, Беларусью, Казахстаном и Кыргызстаном была создана Евразийская перестраховочная компания (ЕПК), функциями которой являются осуществление перестрахования в целях содействия экспорту³⁹. На рынке перестрахования монополистом выступает Российская национальная перестраховочная компания (РНПК). В России также планируется создание национальной страховой компании для танкеров⁴⁰.

Действия теневого флота, прямо или косвенно контролируемого российскими лицами, являются законной ответной мерой, направленной против действий властей недружественных стран по ограничению торговли, противоречащих принципам Всемирной торговой организации (ВТО). Кроме того, большинство государств

³⁴ Baskind E., Osborne G., Roach L. Commercial Law. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 606.

³⁵ Krebs A. End of International Coverage for Russia / Belarus / Ukraine? // URL: <https://greco.services/end-of-international-coverage-for-russia-belarus-ukraine/> (дата обращения: 10.11.2025).

³⁶ OECD (2022). Impact of the Russian invasion of Ukraine on insurance markets, Business and Finance Policy Papers, OECD Publishing, Paris // URL: <https://doi.org/10.1787/731d1305-en>. P. 12 (дата обращения: 10.11.2025).

³⁷ UK and EU ban on insuring Russian Oil Ships poses dilemma for Marine (re)insurers // URL: <https://www.russell.co.uk/RussellThinking/Risk/2764/uk-and-eu-ban-on-insuring-russian-oil-ships-poses-dilemma-for-marine-reinsurers> (дата обращения: 09.11.2025).

³⁸ Морское страхование без англосаксов // URL: <https://morvesti.ru/analitika/1689/101005/> (дата обращения: 10.11.2025).

³⁹ Ст. 2 Устава ЕПК // СЗ РФ. 2024. № 2. Ст. 383.

⁴⁰ В РФ готовят создание национальной страховой компании для танкеров // URL: <https://iz.ru/1976653/2025-10-22/v-rf-gotoviat-sozdanie-natsionalnoi-strakhovoi-kompanii-dlia-tankerov> (дата обращения: 12.11.2025).

не запрещает обход закона, в том числе путем выбора удобной юрисдикции для регистрации морских судов. Это правило в меньшей степени свойственно тем странам, которые вводят санкционные ограничения, — для них соответствующие нормы носят характер обязательных к исполнению. Для остальных государств действия частных субъектов по обходу запретительных норм с помощью выбора удобного права и юрисдикции являются правомерными, до тех пор пока они не затрагивают публичный порядок данной страны.

Граница между дозволением обхода закона и его запретом пролегает в плоскости императивных норм. Если государство не запрещает те или иные действия, то обход закона с помощью создания искусственной привязки к иностранному праву возможен. Так, после начала СВО ряд действий в области внешней торговли, в том числе касающихся морской торговли нефтью, которые ранее относились к запрещенным, разрешены российским законодательством. В частности:

— в сентябре 2024 г. Центральным банком РФ введен экспериментальный правовой режим по использованию криптовалют в расчетах по внешнеторговым контрактам⁴¹, что стало возможным благодаря принятию специальных поправок к законодательству⁴²;

— с марта 2024 г. разрешено использование цифровых финансовых активов в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам (контрактам), заключенным между резидентами и нерезидентами, за товары, работы, услуги; соответствующие изменения были внесены в законодательство РФ⁴³;

— отменены запреты и ограничения на расчеты наличными денежными средствами между резидентами и нерезидентами⁴⁴.

В заключение следует отметить, что санкционная политика недружественных стран привела к активному использованию российскими компаниями удобных флагов при осуществлении международных морских перевозок грузов и страхования, а в области расчетов по таким перевозкам — к использованию услуг платежных агентов, находящихся за рубежом, а также бартера, клиринга и золота. При ближайшем рассмотрении многие из указанных услуг и способов представляют собой случаи обхода закона, то есть действия по искусственному созданию привязки к иностранной правовой системе. Вместе с тем от случаев обхода закона в смысле международного частного права необходимо отличать действия, совершаемые в так называемой «серой» (нерегулируемой) зоне. Однако данный вопрос выходит за рамки статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гришин Г. В. Новые Лондонские оговорки о страховании грузов // Юридическая и правовая работа в страховании. 2009. № 2.

Макеев Н. Россия создает теневой танкерный флот для обхода нефтяных санкций // URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/25/Rossiia-sozdaet-tenevoy-tankernyy-flot-dlya-obkhoda-neftyanykh-sankciy.html> (дата обращения: 01.11.2025).

Санторик С. Е. Деофшоризация российского судоходного бизнеса. Риски и перспективы для торгового флота // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deoffshorizatsiya-rossiyskogo-sudohodnogo-biznesa-riski-i-perspektivy-dlya-torgovogo-flota> (дата обращения: 02.11.2025).

Тенишев А. Как нам прорвать транспортную блокаду // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/05/05/920928-prorvat-transportnuyu-blokadu> (дата обращения: 02.11.2025).

Урри Дж. Офшоры. М.: Дело, 2017. 288 с.

⁴¹ Банк России. Криптовалюты и цифровые права: новый этап регулирования // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=18881> (дата обращения: 12.11.2025).

⁴² Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4919.

⁴³ Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 12. Ст. 1569.

⁴⁴ Правила осуществления между резидентами и нерезидентами расчетов наличными денежными средствами (утв. постановлением Правительства РФ от 26.12.2022 № 2433 (в ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 252.

Холопов К. В. Международное частное транспортное право. Анализ норм международного и российского транспортного права : учеб. пособие. М. : Статут, 2010. 700 с.

Baskind E., Osborne G., Roach L. Commercial Law. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2019. 772 p.

Chu Y. Research on Evasion of law in Private International Law // BCP Social Sciences & Humanities. 2023. Vol. 21. URL: <https://bcppublication.org/index.php/SSH/article/download/3811/3719/3688> (дата обращения: 01.11.2025).

Szabados T. Economic Sanctions in EU Private International Law. Oxford : Hart Publishing, 2019. 244 p.

REFERENCES

Baskind E, Osborne G, Roach L. Commercial Law. 3rd ed. Oxford University Press; 2019.

Chu Y. Research on Evasion of law in Private International Law. *BCP Social Sciences & Humanities*. 2023;21. Available at: <https://bcppublication.org/index.php/SSH/article/download/3811/3719/3688> [Accessed 01.11.2025].

Grishin GV. New London clauses on cargo insurance. *Yuridicheskaya i pravovaya rabota v strakhovanii*. 2009;2. (In Russ.).

Kholopov KV. Private International Law: Analysis of the norms of international and Russian transport law. A study guide. Moscow: Statut Publ.; 2010. (In Russ.).

Makeev N. Russia creates a shadow tanker fleet to circumvent oil sanctions. Available at: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/25/Rossiia-sozdaet-tenevoy-tankernyy-flot-dlya-obkhoda-neftyanykh-sankciy.html> [Accessed 01.11.2025]. (In Russ.).

Santorik SE. Deoffshorization of the Russian shipping business. Risks and prospects for the merchant fleet. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/deoffshorizatsiya-rossiyskogo-sudohodnogo-biznesa-riski-i-perspektivy-dlya-torgovogo-flota> [Accessed 02.11.2025]. (In Russ.).

Szabados T. Economic Sanctions in EU Private International Law. Oxford: Hart Publishing; 2019.

Tenishev A. How do we break the transport blockade. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/05/05/920928-prorvat-transportnyu-blokadu> [Accessed 02.11.2025]. (In Russ.).

Urry J. Offshore companies. Moscow: Delo Publ.; 2017. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канашевский Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация

vakanashevskij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Kanashevsky, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

vakanashevskij@msal.ru

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 17 декабря 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 17.11.2024.

Revised 17.12.2025.

Accepted 17.01.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.166-176

В. В. ГавриловБайкальский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация

Международный коммерческий суд КНР и механизм разрешения экономических споров БРИКС

Резюме. В статье рассматривается значение межгосударственных объединений «Пояс и путь» и БРИКС в условиях современного кризиса политико-экономической системы межгосударственных отношений и институтов. Приводится их характеристика как новых типов объединений государств, выстраивающих отношения на основе равноправия и уважения национальных интересов друг друга, взаимовыгодного экономического сотрудничества и разрешения экономических споров. Детально анализируется концепция и практические шаги по созданию Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь» Международного коммерческого суда КНР, раскрываются его особенности и содержание инновационных решений, используемых им в целях повышения эффективности разрешения споров лиц и организаций государств-членов. Делается вывод о принципиальной возможности и необходимости применения подобных инноваций к институтам и процедурам рассмотрения коммерческих и инвестиционных споров в рамках БРИКС, дискуссии об архитектуре и содержании которых получили в последнее время широкое распространение в юридической науке и практике. Высказываются предложения об организационной форме и порядке работы Международного центра по рассмотрению экономических споров БРИКС.

Ключевые слова: Китай; Пояс и путь; БРИКС; международный коммерческий суд; инновационные решения; торговые споры; медиация; арбитраж; платформа единого окна; международный центр по рассмотрению споров

Для цитирования: Гаврилов В. В. Международный коммерческий суд КНР и механизм разрешения экономических споров БРИКС. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 2. С. 166–176. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.166-176

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы привлечения иностранных экспертов Департамента науки и технологий провинции Хэйлунцзян: «Исследования в сфере китайско-российского сотрудничества в области арбитража международных инвестиционных и торговых споров» (проект № G2024036).

The International Commercial Court of the People's Republic of China and the BRICS Economic Dispute Resolution Mechanism

Vyacheslav V. Gavrilov
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This paper examines the role and significance of interstate associations such as the Belt and Road Initiative and BRICS within the context of the current crisis in the politico-economic system of interstate relations and institutions. They are characterized as new types of state associations that build relationships based on equality, mutual respect for national interests, mutually beneficial economic cooperation, and the resolution of economic disputes. The paper provides a detailed analysis of the concept and practical steps taken by China to establish the International Commercial Court of the People's Republic of China under the Belt and Road Initiative. It explores the distinctive features and innovative solutions employed by the court to enhance the efficiency of

© Гаврилов В. В., 2026

resolving disputes involving individuals and organizations from member states. The paper concludes that it is both fundamentally possible and necessary to apply similar innovations to the institutions and procedures for handling commercial and investment disputes within BRICS, a topic that has recently gained significant traction in legal scholarship and practice. Proposals are being made on the organizational form and operating procedure of the BRICS International Center for the Settlement of Economic Disputes.

Keywords: China; Belt and Road Initiative; BRICS; international commercial court; innovative solutions; trade disputes; mediation; arbitration; one-stop platform; international dispute resolution center

Cite as: Gavrilov VV. The International Commercial Court of the People's Republic of China and the BRICS Economic Dispute Resolution Mechanism. *Lex russica*. 2026;79(2):166-176. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.231.2.166-176

Acknowledgments. This work is supported by the Foreign Experts Program of Heilongjiang Provincial Department of Science and Technology: Sino-Russian Cooperation Research on Arbitration of International Investment and Trade Disputes (Project No. G2024036).

Введение

Характерной особенностью современного этапа развития человеческой цивилизации является глубокий кризис политико-экономической системы межгосударственных отношений и институтов, сложившейся после окончания Второй мировой войны. Его основными причинами стали провал концепции построения глобального мира, основанного на правилах, исходящих из единого центра, и, как следствие, появление глубоких противоречий во взглядах стран Востока и Запада на принципы межгосударственного сотрудничества и пути решения проблем, стоящих перед человечеством. В процессе развития указанного кризиса в значительной степени подверглись разрушению казавшиеся незыблемыми механизмы регулирования международного экономического оборота, институты неприкосновенности собственности, защиты прав человека, свободы договора, персональной ответственности и т.п.

В этих условиях «становится очевидной смена парадигмы универсализма и глобализации новой концепцией, основанной на формировании региональных моделей, которые восполняют потребности государств в регулировании инвестиционного и товарного оборота. Универсальное конвенционное регулирование заменяется либо региональным конвенционным регулированием, либо регулированием на уровне двусторонних соглашений»¹. Причем, на наш взгляд, указанное регулирование не является единственно возможным и может быть с успехом заменено или дополнено, особенно

на начальных этапах построения новой системы отношений, регулированием политическим и более широким использованием регулятивного потенциала норм отдельных стран.

Конечной целью указанного процесса должно стать создание новых типов объединений государств, выстраивающих свои отношения на основе равноправия и уважения национальных интересов друг друга, а также осуществления взаимовыгодного экономического сотрудничества. При этом одно из важнейших мест в системе обеспечения функционирования таких объединений должны занять обновленные механизмы и процедуры рассмотрения экономических споров между их участниками, учитывающие всё лучшее, что было наработано в рамках институтов международного гражданского процесса и коммерческого арбитража, с одной стороны, и лишенные их основных недостатков — с другой.

В качестве одного из наиболее показательных примеров возникновения новых форм сотрудничества государств в экономической области в начале XXI в. можно привести сотрудничество стран БРИКС, основанное в 2006 г. и получившее свое название по первым буквам наименований его государств-основателей (Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки), а также китайскую инициативу «Один пояс — один путь» (с 2016 г. — «Пояс и путь»), предложенную миру Китаем в 2013 г.

При всех многочисленных различиях между указанными объединениями государств важным представляется обратить внимание на некоторые их общие черты.

¹ Скворцов О. Ю. Об инвестиционном арбитраже БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. № 17 (1). С. 91.

Первая из них вытекает из совпадающих задач «Пояса и пути» и БРИКС по объединению экономических возможностей государств-членов в целях стимулирования их торговых взаимоотношений, экономического роста и углубления интеграции. Например, в Плане действий по реализации китайской Инициативы 2015 г. отмечалось, что ее претворение в жизнь «приведет к координации экономической политики и более широкому и глубокому региональному сотрудничеству на более высоком уровне, а также к совместному созданию открытой, инклюзивной и сбалансированной архитектуры регионального экономического сотрудничества, которая принесет пользу всем»². Точно так же страны БРИКС, ставя перед собой задачу по формированию демократического многополярного мира, укреплению глобальной безопасности и стабильности, в качестве одной из важнейших целей этого объединения видят также их совместную борьбу с рисками и вызовами мировой экономики и «высказывают свою приверженность усилению координации макроэкономической политики, углублению экономического сотрудничества и работе над достижением устойчивого, сбалансированного и инклюзивного экономического восстановления»³.

Вторую общую особенность указанных объединений определяет их институциональный статус, состоящий в том, что ни «Пояс и путь», ни БРИКС не являются классическими международными организациями и представляют собой лишь платформы (форумы) для обсуждения совместных проблем и реализации проектов, направленных на их разрешение. В рамках указанных объединений государства-члены не демонстрируют приверженность традиционному для стран Европы и США пути регулирования взаимного сотрудничества, основанного на субординации и юридически

обязывающих соглашениях, а применяют подход, во многом базирующийся на консенсусе и с институциональной точки зрения представляющий собой то, что некоторые исследователи определяют как «управление без правительства»⁴.

Можно предположить, что выбор подобного способа организации работы указанных объединений вызван тем обстоятельством, что их государства-члены не только обладают различными возможностями по продвижению региональной интеграции, но и имеют разные представления о том, какими должны быть ее конечные цели и результаты. Большинство таких стран очень дорожат своим суверенитетом и последовательно выступают за обеспечение невмешательства во внутренние дела государств⁵.

Кроме того, не стоит забывать, что подобный формат сотрудничества предпочтителен для азиатских государств, составляющих значительный процент участников инициативы «Пояс и путь» и содружества БРИКС. Им гораздо привычнее и удобнее развивать систему не субординационных, а координационных регуляторных сетей и взаимного признания. Такой подход является более гибким и позволяет им сохранять действие своих национальных законов, других нормативных актов, а также правовых стандартов и требований в соответствующих областях в случаях, когда они согласуются с существующими в региональных институтах интеграционными программами или дополняют их⁶. При этом при возникновении споров и противоречий большинство государств старается разрешать их не только в рамках формальных процедур национальных или межгосударственных судов, но и в значительной степени путем переговоров, медиации и арбитража.

² Action plan on the Belt and Road Initiative. 30 March 2015 // URL: https://english.www.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (дата обращения: 12.04.2025).

³ XVI BRICS Summit Kazan Declaration Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security. 23 October 2024. Para. 64 // URL: https://brics-russia2024.content.rcmedia.ru/upload/docs/Kazan_Declaration_FINAL.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

⁴ Yamamoto Y. Institutionalization in Northeast Asia: Is outside-in regionalization enough? // Institutionalizing Northeast Asia: Regional Steps towards Global Governance / Timmermann M., Tsuchiyama J. (eds.). New York : United Nations University Press, 2008. P. 22–23.

⁵ Гаврилов В. В. Образование и международная правосубъектность форума «АСЕАН плюс Три» // Lex russica (Русский закон). 2013. Т. 95. № 8. С. 879.

⁶ Thanadsillapakul L. Legal and Institutional Frameworks for Open Regionalism in Asia: A Case Study of ASEAN // East Asian Regionalism from a Legal Perspectives: Current Features and a Vision for the Future / T. Nakamura (ed.). London and New York : Routledge, 2011. P. 135.

Именно такой подход был положен в основу механизма разрешения международных коммерческих споров в рамках инициативы «Пояс и путь», рассмотрению концепции и практических шагов по созданию которого посвящена первая часть настоящей работы. Во второй части высказываются предположения о применимости подобного механизма к институтам и процедурам рассмотрения экономических споров в рамках БРИКС, дискуссия о возможной архитектуре и содержании которых получили широкое распространение в отечественной и зарубежной правовой доктрине и юридической практике. В заключении подводятся итоги исследования и делаются основные выводы, вытекающие из его содержания.

I. Концепция создания и статус

Международного коммерческого суда КНР

В июне 2018 г. в КНР был опубликован совместный документ Генеральной канцелярии Центрального комитета Коммунистической партии и Генеральной канцелярии Государственного Совета Китая «Мнение о создании механизма и институтов разрешения международных коммерческих споров в рамках инициативы “Пояс и путь”»⁷ (далее — «Мнение»). В нем было определено, что в рамках указанных институций должны быть в равной степени защищены права и законные интересы как китайских, так и иностранных лиц, создана справедливая и честная деловая среда, а сторонам предоставлены более эффективные судебные услуги и гарантии. «Мнение» содержало также перечень общих принципов, на которых должна быть основана процедура создания нового механизма. Основные из них предусматривали необходимость:

- регулярного проведения консультаций, совместного строительства и обмена;
- обеспечения справедливости, эффективности и удобства рассмотрения споров;
- уважения автономии воли сторон;
- диверсификации методов рассмотрения споров.

Для достижения этих целей «Мнением» было предложено Верховному народному

суду (ВНС) КНР учредить Международный коммерческий суд (МКС), в деятельности которого должны были найти свое воплощение указанные принципы. Для этого в рамках МКС, в частности, предполагалось: 1) создать международный комитет экспертов в области международного и национального права по соответствующим вопросам; 2) наладить сотрудничество с арбитражными коммерческими учреждениями стран «Пояса и пути»; 3) предоставлять комплексные услуги по разрешению споров, органически связывающие судебные процедуры, арбитраж и медиацию; 4) создать правовую базу стран — участниц «Пояса и пути», а также центр по установлению содержания их законодательства в целях его правильного применения в процессе рассмотрения споров; 5) обеспечить надлежащее управление другой информацией, необходимой для работы МКС и обеспечения единообразных стандартов вынесения решений его судьями.

В «Мнении» была также подчеркнута необходимость юридической проработки вопроса об оказании поддержки МКС китайскими народными судами в реализации обеспечительных мер и принудительного исполнения решений. Кроме того, особое место в нем отводилось проблеме подготовки квалифицированных кадров, проведению научных исследований по вопросам, связанным с разрешением международных коммерческих споров, и реализации их результатов на практике.

Выполняя рекомендации, содержащиеся во «Мнении», ВНС Китая в том же месяце учредил Международный коммерческий арбитражный суд в качестве своего постоянно действующего органа. ВНС издал специальное положение (далее — Положение 2018 г.), в котором обосновал решение необходимостью «законного, справедливого и своевременного рассмотрения международных коммерческих дел, равной защиты законных прав и интересов китайских и иностранных сторон, создания стабильной, справедливой, прозрачной и удобной правовой международной деловой среды, обслуживания и обеспечения строительства “Пояса и пути”»⁸. В Положении 2018 г. были урегулированы вопросы формирования и компетенции МКС,

⁷ 中共中央办公厅、国务院办公厅印发《关于建立“一带一路”国际商事争端解决机制和机构的意见》 // URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-06/27/content_5301657.htm (дата обращения: 18.05.2025).

⁸ 最高人民法院关于设立国际商事法庭若干问题的规定 // URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1YmI2NWVM2OGNmZDAXNjdmMmNmM2ViMTRIZDQ%3D> (дата обращения: 18.05.2025).

порядка рассмотрения им споров и исполнения вынесенных решений⁹.

Через несколько дней после принятия этого документа, 29 июня 2018 г., в Шэньчжэне и Сиане были созданы соответственно Первый и Второй международные коммерческие суды и назначены их судьи¹⁰. Двумя месяцами позднее, 24 августа 2018 г., ВНС КНР учредил Международный коммерческий экспертный комитет (далее — Экспертный комитет) МКС, деятельность которого направлена на расширение международного обмена и сотрудничества, обеспечение работы и содействие в вынесении решений Международным коммерческим судом, а также поддержку сторон в разрешении споров¹¹. Через несколько дней Верховным судом был определен первый состав Экспертного комитета, включающий 31 профильного специалиста из 14 государств мира¹².

Компетенция МКС была определена в ст. 2 Положения 2018 г., которая установила, что он в качестве суда первой инстанции принимает к рассмотрению международные коммерческие дела: 1) подпадающие под юрисдикцию ВНС при наличии соглашения сторон и с суммой иска более 300 млн юаней; 2) находящиеся под юрисдикцией высших местных народных судов, но в силу специфики предмета спора передаваемые ими с санкции ВНС на рассмотрение МКС; 3) имеющие значительное влияние в масштабах всей страны. Кроме того, МКС подведомственны дела о принятии обеспечительных мер в рамках рассматриваемых им споров, об отмене или исполнении решений, вынесенных связанными с МКС структурами, а также другие международные коммерческие дела, которые, по мнению ВНС, должны быть рассмотрены этим судом.

Статья 3 Положения 2018 г. определяет, что в качестве международных коммерческих следует рассматривать дела, отвечающие по край-

ней мере одному из следующих признаков:

1) одна или обе стороны являются иностранцами, лицами без гражданства, иностранными предприятиями или другими организациями; 2) одна или обе стороны постоянно проживают (располагаются) за пределами территории Китая; 3) спорный объект находится за границей Китая; 4) юридические факты, которые создают, изменяют или прекращают коммерческие отношения, имели место вне пределов КНР. При этом, однако, следует иметь в виду, что МКС рассматривает споры, возникающие в основном в сфере торговли, инвестиций и в других соответствующих областях между равноправными коммерческими субъектами, и не принимает к рассмотрению инвестиционные и торговые споры между государствами, а также международные инвестиционные споры между инвесторами и принимающими странами¹³.

Судьи Международного коммерческого суда назначаются Верховным народным судом КНР из числа опытных судей, обладающих достаточными знаниями в области международного права, знакомых с практикой международных торговых и инвестиционных операций, а также способных использовать китайский и английский языки в качестве рабочих языков МКС. Дела в нем рассматриваются коллегией из трех и более судей, а решение выносится большинством голосов.

В соответствии со ст. 15 Положения 2018 г. решения и определения Международного коммерческого суда вступают в законную силу сразу после их вынесения МКС. Такой же статус имеет вынесенное этим судом мировое соглашение после его подписания обеими сторонами. Вместе с тем указанные акты при определенных обстоятельствах могут быть пересмотрены Верховным народным судом (ст. 16).

Создание Международного коммерческого суда КНР было неоднозначно воспринято пред-

⁹ В декабре 2023 г. после принятия Гражданского кодекса и пересмотра Гражданского процессуального кодекса Китая решением ВНС в Положение 2018 г. были внесены изменения. См.: 最高人民法院关于修改《最高人民法院关于设立国际商事法庭若干问题的规定》的决定 // URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?YTNiZjJiMjZkNzZmNGZINDk0ODQ2NWMMwZDFiMzYzMTA%3D> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁰ Wei Cai, Godwin A. Challenges and Opportunities for the China International Commercial Court // *International and Comparative Law Quarterly*. 2019. Vol. 68(4). P. 871.

¹¹ The Decision on the Establishment of International Commercial Expert Committee of the Supreme People's Court // URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/235/243/index.html> (дата обращения: 18.05.2025).

¹² The Supreme People's Court Established the International Commercial Expert Committee // URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/208/209/981.html> (дата обращения: 18.05.2025).

¹³ Shanshan Y., Tao D. The Jurisdiction of China International Commercial Court: substance, drawbacks, and refinement // *Journal of Private International Law*. 2024. Vol. 20(1). P. 191.

ставителями юридической науки и практики. Некоторые из них указывали, что МКС является современным инновационным институтом, успешно объединяющим в себе несколько взаимосвязанных механизмов разрешения споров¹⁴. Другие обращали внимание на большое количество присущих МКС недостатков, отмечая, что действительной целью его учреждения было сохранение государственного контроля Китая над процессом разрешения споров, возникающих в рамках реализации инициативы «Пояс и путь»¹⁵.

Не вдаваясь в детальный анализ указанных точек зрения и практической работы МКС, хотелось бы отметить, что в процессе его создания действительно был реализован ряд интересных идей и новаций, которые, на наш взгляд, могли бы быть приняты во внимание при создании механизмов разрешения коммерческих и инвестиционных споров в рамках новых региональных и межрегиональных объединений государств, включая БРИКС.

Первой в этом ряду можно назвать идею интернационализации кадрового обеспечения работы Международного коммерческого суда, которая была реализована путем создания Экспертного комитета МКС. Его члены представляют различные правовые системы мира, обладают большим опытом рассмотрения торговых и инвестиционных споров на основе международного и национального права. Поэтому круг их обязанностей достаточно широкий: от участия в медиативных процедурах до выработки советов и предложений по формированию заключений Верховного народного суда Китая и развитию МКС.

При этом основное место в деятельности экспертов занимает предоставление консультативных заключений по специальным правовым вопросам, касающимся толкования международных договоров, международных торговых обычаев, а также поиска, выявления содержания и применения норм национального права при рассмотрении споров. Важность этого вида работы для успешного осуществления МКС своих функций подтверждается тем обстоятельством, что в ст. 8 Положения 2018 г. такого рода

экспертные мнения названы одним из способов, при помощи которых Международный коммерческий суд может выяснять содержание иностранного права.

Второй инновационной мерой, которая была реализована в рамках концепции МКС, стало создание универсальной платформы одного окна для использования различных механизмов разрешения спорных ситуаций. Общие требования к ее деятельности нашли отражение в статье 11(1) Положения 2018 г., которая установила, что Верховный народный суд «выберет международные коммерческие посреднические организации и арбитражные учреждения для совместного с Международным коммерческим судом создания платформы для разрешения споров, органично связывающей медиацию, арбитраж и судебное разбирательство и формирующей тем самым “универсальный” международный механизм разрешения коммерческих споров».

Используя этот механизм, МКС может сначала принять дело к рассмотрению, в затем с согласия сторон поручить членам Экспертного комитета или квалифицированной международной посреднической организации урегулировать спор в рамках медиативной процедуры. Если при этом стороны приходят к мировому соглашению, то МКС утверждает его своим решением, которое немедленно вступает в законную силу.

В случае же, когда стороны по соглашению между собой для разрешения спора обращаются в международный коммерческий арбитражный орган, являющийся частью платформы, то они могут войти в МКС с ходатайством о принятии обеспечительных мер в отношении имущества или доказательств по делу до или после начала арбитражного разбирательства. При этом МКС уполномочен рассматривать в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Китая ходатайства сторон об отмене или, наоборот, о приведении в исполнение решений, вынесенных соответствующим арбитражным органом¹⁶.

К настоящему времени для участия в работе платформы Верховным народным судом

¹⁴ Chaisse J., Qian X. Conservative Innovation: The Ambiguities of the China International Commercial Court. *AJIL Unbound*. 2021. Vol. 115. P. 17.

¹⁵ Подробнее об этом см., например: Qian X. The legal legitimacy of the China International Commercial Court: history, geopolitics, and law // *Asia Pacific Law Review*. 2020. Vol. 28(2). P. 360–379.

¹⁶ Long F. Innovation and Development of the China International Commercial Court // *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2020. Vol. 8(1). P. 42–43.

КНР, помимо членов Экспертного комитета МКС, были задействованы 2 посреднических и 10 арбитражных профессиональных учреждений. Среди них можно назвать Центр медиации Международной торговой палаты Китая, Шанхайский коммерческий центр медиации, Китайскую международную торговую и экономическую арбитражную комиссию, Международный арбитражный суд Шэньчжэня, Китайскую морскую арбитражную комиссию, Гонконгский международный арбитражный центр¹⁷. Очевидно, что список этих организаций не является исчерпывающим и открыт для включения в него новых авторитетных международных институций по рассмотрению споров.

Инновационным можно также считать использованный в рамках МКС подход к процессу рассмотрения споров и вынесения решений по делам, касающимся международной торговли. Прежде всего, в этом отношении стоит упомянуть о зафиксированной в Положении 2018 г. возможности сочетания судебного усмотрения и автономии воли сторон при выборе способа рассмотрения спора (ст. 11(2), 12). Помимо этого, доказательства, используемые в судебном разбирательстве в рамках МКС, не требуют обязательного нотариального удостоверения или легализации, а также могут быть с согласия обеих сторон представлены суду на английском, а не на китайском языке, обеспечивая им максимальную гибкость участия в процессе (ст. 9). Что касается судебных решений, то, как уже указывалось выше, они носят окончательный характер, что значительно экономит время и стоимость рассмотрения споров. Кроме того, в целях обеспечения прозрачности судебного разбирательства статья 5 Положения 2018 г. предусматривает возможность изложения мнения меньшинства членов судебной коллегии МКС при опубликовании решения.

Наконец, особенностью функционирования Международного коммерческого суда КНР и других учреждений платформы одного окна является активное использование в их работе результатов научных исследований и технологических средств. Этот аспект работы МКС представляется чрезвычайно важным, так как в нашу эпоху цифровизации и искусственного интеллекта разрешение правовых споров должно быть тесно интегрировано с современными технологиями. В этих целях в МКС была создана

электронная платформа для судебных разбирательств, поддерживающая онлайн регистрацию и сопровождение дел. Она также делает возможным делопроизводство, проведение слушаний, перекрестных допросов, обмен доказательствами и совершение других процессуальных действий через Интернет в стремлении превратить МКС в удобный для пользователей «умный суд».

Завершая характеристику особенностей создания, правового статуса и функционирования Международного коммерческого суда КНР, необходимо задаться вопросом о том, достаточно ли заложенных в него инноваций для реализации всего потенциала МКС. Этот вопрос является далеко не праздным. Его судьи и институты платформы одного окна имеют в основном китайское «происхождение», а большинство решений, принимаемых МКС, соответствуют практике судов Китая. Поэтому для придания такому органу большего авторитета и востребованности соответствующим структурам КНР следует сосредоточиться на расширении интернационализации его деятельности как с кадровой, так и с предметно-функциональной точки зрения.

В то же время уже сегодня инновационные решения, которые были использованы при учреждении МКС, могут быть, по нашему мнению, задействованы *mutatis mutandis* при создании механизмов разрешения споров в рамках новых интеграционных объединений государств, в том числе БРИКС.

II. Использование особенностей структуры и функционирования МКС КНР для создания механизма разрешения экономических споров БРИКС

Разговоры о необходимости создания особого механизма разрешения экономических споров БРИКС уже достаточно давно ведутся представителями юридической науки и практики. Так, в июне 2021 г. на Петербургском международном экономическом форуме Санкт-Петербургским государственным университетом был представлен и поддержан представителями ряда профильных российских государственных структур проект создания «арбитражного института в рамках БРИКС, который позволил бы на над-

¹⁷ «One-Stop» International Commercial Dispute Resolution Platform // URL: https://cicc.court.gov.cn/pc/home?locale=en_US (дата обращения: 18.05.2025).

национальном уровне решать споры между представителями различных юрисдикций»¹⁸. А в сентябре 2024 г. на IX Юридическом форуме стран БРИКС была озвучена идея об образовании делокализованного арбитражного механизма БРИКС+, в котором должны принимать участие ведущие арбитражные учреждения каждой из стран этого межгосударственного объединения¹⁹.

Внимательное изучение первого предложения не оставляет сомнений в том, что его разработчики в значительной степени использовали опыт создания действующих международных коммерческих судов различных стран, включая МКС Китая. Например, при учреждении арбитражного института БРИКС предлагалось ввести процедуру обязательной предварительной медиации и внутренней апелляции при рассмотрении споров, а также возможность исполнения его решений независимо от национальных судов стран БРИКС. В состав нового арбитражного органа должны были входить арбитры из разных стран, а его работа должна была вестись преимущественно дистанционно с использованием передовых цифровых технологий. При этом правовой статус и полномочия этого учреждения предполагалось определить специальной конвенцией БРИКС о создании арбитражного института.

Во втором случае проект наднационального арбитражного центра БРИКС предлагалось заменить децентрализованным механизмом рассмотрения споров, в котором будут принимать участие действующие арбитражные учреждения его государств. А вместо конвенции должно было быть принято соглашение об учреждении согласованной процедуры разрешения споров на основании Арбитражного регламента БРИКС+. Кроме того, предполагалось, что дополнительный импульс сотрудничеству национальных арбитражных учреждений в рамках создаваемого механизма придаст образование консультативного органа в лице Международ-

ного совета, а также национальных комитетов по назначениям БРИКС+.

На наш взгляд, первый проект имеет небольшие шансы быть реализованным в ближайшее время. Его очевидный недостаток состоит в невозможности при существующих различиях в законодательстве стран БРИКС об арбитраже²⁰ и в условиях текущей международной обстановки заключить международные договоры, предусматривающие создание единого органа по рассмотрению споров, решения которого будут исполняться на территории государств-членов без участия их национальных судов. Второй представляется более реальным, но и он нуждается в изменениях и уточнениях, направленных не столько на совершенствование процедуры сотрудничества национальных арбитражных органов государств, сколько на создание специального международного центра (платформы) по рассмотрению экономических споров БРИКС, в деятельности которого учитывались бы инновационные идеи Международного коммерческого суда Китая.

При этом в качестве нормативной основы создания такого международного центра по рассмотрению экономических споров (далее — МЦЭС, Центр) БРИКС должен выступать не многосторонний международный договор, а соглашение торговых палат (или других национальных негосударственных институтов, при которых создаются арбитражные органы) его государств-членов об учреждении МЦЭС. При заключении такого соглашения может быть среди прочего использован опыт образования 15 октября 2020 г. по инициативе Китая такого неправительственного учреждения, как Международная организация по предотвращению и урегулированию коммерческих споров (ICDPASO), которая стремится сочетать в своей деятельности традиционные международные стандарты разрешения торговых споров с методами, присущими азиатским культурам²¹.

¹⁸ СПбГУ представил на ПМЭФ революционный проект инвестиционного арбитража БРИКС // URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-predstavil-na-pmef-revolucionnyy-proekt-investicionnogo-arbitrazha-briks/?ysclid=ma90k8ki2s431984063> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁹ Арбитражный центр при РСПП представил проект Арбитражного механизма БРИКС+ // URL: <https://arbitration-rspp.ru/news/23-09-2024/?ysclid=ma8zw0po41187477933> (дата обращения: 18.05.2025).

²⁰ Подробнее об этом см.: Пакерман А. Г. Международный инвестиционный арбитражный центр группы БРИКС: межрегиональный механизм нашего времени // Право между Востоком и Западом. 2024. № 4. С. 32–44.

²¹ Łagiewska M. International Dispute Resolution of BRI-Related Cases: Changes and Challenges // Journal of Contemporary China. 2024. Vol. 33(149). P. 818.

Данная статья не имеет своей целью представить детальное описание порядка образования, функционирования и структуры МЦЭС. Эта тема заслуживает отдельного внимания и тщательного изучения. Поэтому в завершение данной работы лишь кратко остановимся на вопросе о возможности использования в деятельности Центра БРИКС охарактеризованных выше принципов и методов работы МКС Китая.

Здесь необходимо сказать, что, во-первых, в рамках МЦЭС, по нашему мнению, достаточно успешно может быть реализована идея создания специального экспертного совета, объединяющего ученых и практиков разных стран, хорошо разбирающихся в теоретических и практических вопросах применения норм международного и национального права в сфере транснациональных деловых операций. Круг их обязанностей, по примеру МКС, мог бы включать как подготовку по запросу МЦЭС юридических рекомендаций по установлению содержания и применению нормативных предписаний, так и выполнение функций медиаторов. Кроме того, экспертам совета может быть предоставлено право участвовать в рассмотрении споров в качестве *amicus curiae* с последующим представлением своих заключений арбитрам Центра. При этом арбитры должны назначаться (или выбираться) на свои должности в МЦЭС в соответствии с согласованной его учредителями процедурой и представлять всех его участников.

Во-вторых, работа МЦЭС, как и МКС, должна быть организована по принципу платформы одного окна, объединяющей арбитражное разбирательство и медиацию²². По нашему мнению, нет необходимости устанавливать жесткую последовательность этих процедур. Стороны должны иметь возможность самостоятельно в любой момент выбрать наиболее предпочтительную для себя. Достигнутые в ходе медиации соглашения могли бы также утверждаться или пересматриваться Центром, как это сейчас происходит в МКС, для придания им в определенных случаях необходимой юридической силы. Причем в число таких соглашений могли бы быть включены и документы, согласованные в рамках медиативных процедур, проводимых внешними по отношению к МЦЭС профильными организациями из стран БРИКС, но являющимися частью его платформы одного окна в

силу специальных соглашений, заключенных с Центром. Можно было бы также подумать о расширении категории дел, рассматриваемых МЦЭС, за счет не только коммерческих, но и других международных экономических споров между субъектами стран БРИКС, включая споры об инвестициях.

В-третьих, в Центре с учетом особенностей его статуса и функционирования может быть реализован применяемый сегодня с успехом в МКС упрощенный порядок предоставления сторонами документов и доказательств без их обязательного нотариального удостоверения или легализации с переводом на один из рабочих языков МЦЭС, определенных в его учредительных документах.

Наконец, в-четвертых, эффективной работе МЦЭС и росту его популярности среди предприятий и организаций БРИКС, безусловно, будет способствовать широкое внедрение в его деятельность цифровых технологий, обеспечивающих регистрацию и процессуальное сопровождение дел, а также прохождение всех этапов их слушаний удаленно через Интернет с предоставлением заинтересованным лицам необходимых инструкций. Нелишним здесь будет подумать и о создании при Центре международных образовательных и научно-исследовательских структур, чья деятельность будет направлена на подготовку квалифицированных кадров и проведение научных исследований в областях, связанных с разрешением международных экономических споров и осуществлением их результатов на практике.

Заключение

В условиях кризиса глобальной экономической системы неизбежен рост торгового и инвестиционного сотрудничества государств на региональном и межрегиональном уровне, выступающего в качестве своеобразной альтернативы прежнему мировому порядку. По мере расширения масштабов такого взаимодействия возрастет и количество международных экономических споров в рамках новых интеграционных объединений, многие из которых сегодня находятся только в начале пути определения долгосрочных целей своего развития и создания постоянно действующих институциональных механизмов

²² Наделение МЦЭС судебными функциями возможно только в том случае, если он будет учрежден путем заключения многостороннего международного договора.

их достижения на практике. Это стало одной из причин принятия рядом государств решений по созданию на их территории международных коммерческих судов для усиления влияния в сфере разрешения противоречий между лицами и организациями субъектов соответствующих региональных образований.

Китайской Народной Республикой как крупнейшей торговой державой в рамках инициативы «Пояс и путь» также было принято решение о создании Международного коммерческого суда с целью предложить китайским и иностранным сторонам справедливую, эффективную, удобную и экономичную площадку для разрешения международных коммерческих споров. МКС КНР с успехом «использует преимущества существующих в Китае традиций гражданского права, извлекает уроки и перенимает сравнительные преимущества общего права, исламского права и других гибридных правовых традиций, а также использует передовой мировой опыт в области судебных раз-

бирательств и арбитража с целью улучшения и дальнейшего продвижения международной торговли и коммерции»²³.

Для структуры и деятельности МКС Китая характерно наличие целого ряда правовых и процедурных новаций, направленных на решение задач обеспечения справедливости, эффективности, удобства и диверсификации методов разрешения споров при уважении автономии воли сторон и широком использовании современных информационных технологий. При этом, несмотря на регулярную критику работы МКС, можно сказать, что с решением этих задач он в целом справляется. Более того, есть все основания полагать, что многие инновации, которые были использованы разработчиками концепции Международного коммерческого суда КНР при нормативном определении институциональных рамок и содержания его работы, могут быть с успехом применены и для претворения в жизнь проекта создания международного центра по рассмотрению экономических споров БРИКС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилов В. В. Образование и международная правосубъектность форума «АСЕАН плюс Три» // *Lex russica* (Русский закон). 2013. Т. 95. № 8. С. 875–883.

Пакерман А. Г. Международный инвестиционный арбитражный центр группы БРИКС: межрегиональный механизм нашего времени // *Право между Востоком и Западом*. 2024. № 4. С. 32–44.

Скворцов О. Ю. Об инвестиционном арбитраже БРИКС // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. № 17 (1). С. 89–97. URL: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-89-97>.

Chaisse J., Qian X. Conservative Innovation: The Ambiguities of the China International Commercial Court. *AJIL Unbound*. 2021. Vol. 115. P. 17–21. URL: <https://doi.org/10.1017/aju.2020.81>.

Łęgiewska M. International Dispute Resolution of BRI-Related Cases: Changes and Challenges // *Journal of Contemporary China*. 2024. Vol. 33(149). P. 809–822. URL: <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2117981>.

Long F. Innovation and Development of the China International Commercial Court // *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2020. Vol. 8(1). P. 40–44. URL: <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxaa014>.

Qian X. The legal legitimacy of the China International Commercial Court: history, geopolitics, and law // *Asia Pacific Law Review*. 2020. Vol. 28(2). P. 360–379. URL: <https://doi.org/10.1080/10192557.2020.1856310>.

Shanshan Y., Tao D. The Jurisdiction of China International Commercial Court: substance, drawbacks, and refinement // *Journal of Private International Law*. 2024. Vol. 20(1). P. 183–213. URL: <https://doi.org/10.1080/17441048.2024.2338627>.

Sun X. A Chinese Approach to International Commercial Dispute Resolution: The China International Commercial Court // *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 45–54. URL: <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxaa015>.

Thanadsillapakul L. Legal and Institutional Frameworks for Open Regionalism in Asia: A Case Study of ASEAN // *East Asian Regionalism from a Legal Perspectives: Current Features and a Vision for the Future* / Nakamura T. (ed.). London and New York : Routledge, 2011. P. 125–146.

Wei Cai, Godwin A. Challenges and Opportunities for the China International Commercial Court // *International and Comparative Law Quarterly*. 2019. Vol. 68(4). P. 869–902. URL: <https://doi.org/10.1017/S0020589319000332>.

²³ Sun X. A Chinese Approach to International Commercial Dispute Resolution: The China International Commercial Court // *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 54.

Yamamoto Y. Institutionalization in Northeast Asia: Is outside-in regionalization enough? // Institutionalizing Northeast Asia: Regional Steps towards Global Governance / Timmermann M., Tsuchiyama J. (eds.). New York : United Nations University Press, 2008. P. 21–42.

REFERENCES

- Chaisse J, Qian X. Conservative Innovation: The Ambiguities of the China International Commercial Court. *AJIL Unbound*. 2021;115:17-21. Available at: <https://doi.org/10.1017/aju.2020.81>.
- Gavrilov VV. Education and the international legal personality of the ASEAN Plus Three Forum. *Lex russica*. 2013;95(8):875-883. (In Russ.).
- Łągiewska M. International Dispute Resolution of BRI-Related Cases: Changes and Challenges. *Journal of Contemporary China*. 2024;33(149):809-822. Available at: <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2117981>.
- Long F. Innovation and Development of the China International Commercial Court. *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2020;8(1):40-44. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxaa014>.
- Pakerman AG. The International Investment Arbitration Center of the BRICS Group: The interregional mechanism of our time. *Pravo mezhdru Vostokom i Zapadom*. 2024;4:32-44. (In Russ.).
- Qian X. The legal legitimacy of the China International Commercial Court: history, geopolitics, and law. *Asia Pacific Law Review*. 2020;28(2):360-379. Available at: <https://doi.org/10.1080/10192557.2020.1856310>.
- Shanshan Y, Tao D. The Jurisdiction of China International Commercial Court: Substance, drawbacks, and refinement. *Journal of Private International Law*. 2024;20(1):183-213. Available at: <https://doi.org/10.1080/17441048.2024.2338627>.
- Skvortsov OYu. On BRICS Investment Arbitration. *Evrasijskaia integratsiia: ekonomika, pravo, politika*. 2023;17(1):89-97. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-89-97>.
- Sun X. A Chinese Approach to International Commercial Dispute Resolution: The China International Commercial Court. *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2020;8(1):45-54. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxaa015>.
- Thanadsillapakul L. Legal and Institutional Frameworks for Open Regionalism in Asia: A Case Study of ASEAN. East Asian Regionalism from a Legal Perspectives: Current Features and a Vision for the Future. Nakamura T, ed. London and New York: Routledge; 2011. P. 125–146.
- Wei Cai, Godwin A. Challenges and Opportunities for the China International Commercial Court. *International and Comparative Law Quarterly*. 2019;68(4):869-902. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020589319000332>.
- Yamamoto Y. Institutionalization in Northeast Asia: Is outside-in regionalization enough? Institutionalizing Northeast Asia: Regional Steps towards Global Governance. Timmermann M., Tsuchiyama J, editors. New York: United Nations University Press; 2008. P. 21–42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилов Вячеслав Вячеславович, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета; приглашенный профессор юридического факультета Харбинского коммерческого университета
д. 11, Ленина ул., г. Иркутск 664003, Российская Федерация
gavrilovfirst@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav V. Gavrilov, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Institute of Legal Studies, Baikal State University; Visiting Professor, Faculty of Law, Harbin Commercial University, Irkutsk, Russian Federation
gavrilovfirst@gmail.com

Материал поступил в редакцию 18 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 15 июня 2025 г.

Принята к печати 17 января 2026 г.

Received 18.05.2024.

Revised 15.06.2025.

Accepted 17.01.2026.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

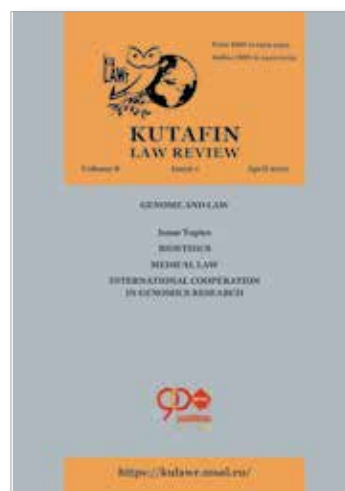
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008